



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

2022 № 11

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прохогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2022 № 11

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title
“Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision
of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute
of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic
Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams
University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Фитуни Л.Л.** Африканский фланг Большого Индо-Тихоокеанского Ареала: стратегическая значимость и сопутствующие вызовы 5

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Намжилова В.О.** (Улан-Удэ). Инфраструктурный ландшафт в трансграничье России, Монголии и Китая: преобразования и ориентиры 13
- Стрельцов Д.В.** Политическое лето 2022 г. в Японии: буря перед затишьем? 21
- Ищенко Н.С.** Афганистан под властью Движения талибов: этнополитическое устройство 29
- Филиппова Н.И.** (Санкт-Петербург). Израиль и апартеид. Взгляд правозащитных НПО, опровержения правительства Израиля 36
- Ткаченко А.А., Ткаченко К.А.** Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 1 43
- Матвеевский С.С.** Финансирование Китаем глобального Юга: роль Государственного банка развития Китая в экономике Африки 51
- Рогожина Н.Г.** Климатическая политика стран Юго-Восточной Азии 58
- Ефимова А.И.** Политика конструирования национального бренда в Республике Корея 66

СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ

- Громова Н.В.** Саба Саба - Всемирный день языка суахили 73
- Вдовин В.Ф., Харитонов Е.В.** Генеральная Ассамблея научных работников в Марракеше в геополитическом и африканском контексте 80

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2022

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: +7 495-697-95-66, 691-02-70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

CONTENTS

TOP PROBLEM

- Leonid L. Fituni.** The African flank of the Great Indo-Pacific Areal: Strategic significance and associated challenges **5**

POLITICS, ECONOMICS

- Victoria O. Namzhilova** (Ulan-Ude). Infrastructure landscape in the transborder region of Russia, Mongolia and China: Transformations and landmarks **13**
- Dmitry V. Streltsov.** The political summer of 2022 in Japan: A storm before a lull? **21**
- Nikita S. Ishchenko.** Ethno-Political Structure of Taliban-led Afghanistan **29**
- Natalya I. Philippova** (St. Petersburg). Israel and apartheid: Opinion of human rights NGOs, and Israeli Government denials **36**
- Alexander A. Tkachenko, Konstantin A. Tkachenko.** North African countries in XXI century: The processes of formation of a new social appearance. Part 1 **43**
- Sergey S. Matveevsky.** Chinese funding of the Global South: The role of the State Development Bank of China in the African economy **51**
- Natalia G. Rogozhina.** Climate policy of the countries of Southeast Asia **58**
- Anna I. Efimova.** Policy of nation branding in the Republic of Korea **66**

EVENTS, FACTS, COMMENTS

- Nelli V. Gromova.** Saba Saba - World Swahili Day **73**
- Vyacheslav F. Vdovin, Elena V. Kharitonova.** WFSW' General Assembly in Marrakech in the geopolitical and African context **80**

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2022

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 495-697-95-66, 691-02-70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

Африканский фланг Большого Индо-Тихоокеанского Ареала: стратегическая значимость и сопутствующие вызовы

© Фитуни Л.Л.^a, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5416-6709; africa.institute@yandex.ru

Резюме. Со смещением динамики глобального развития и определяющих трендов построения мирового порядка с Запада на Восток происходит синхронная перестройка балансов геополитической и геоэкономической активности с Евро-Атлантики в Индо-Тихоокеанский ареал. Указанные процессы укладываются в более общие диалектические законы мирового развития в начале нынешнего века, в частности, взаимосвязи хода глобализации и регионализации и неравномерности развития государств. В этом контексте автор предлагает концепцию, рассматривающую Большой Индо-Тихоокеанский Ареал (БИТА) как определяющую ближайшее будущее мировой динамики мегазону, включающую все прибрежные государства и ни ограниченную, ни разделенную различными союзами или геостратегическими конструктами ведущих держав. Набирающий силу постглобализационный процесс регионализации не только не противоречит вызреванию БИТА, но является, по мнению автора, фактором, обеспечивающим его перспективную устойчивость. Состояние и значимость западного (Африканского) фланга БИТА до сих пор оказывались вне фокуса исследовательского внимания. Автор восполняет этот пробел, анализируя системобразующие факторы субрегиона, его потенциал, геостратегическую значимость и морскую стратегию ведущих держав в нём.

Ключевые слова: Африка, БИТА, мегарегион, бассейн Индийского океана, Россия, морская доктрина, стратегические вызовы, потенциал развития

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Фитуни Л.Л. Африканский фланг Большого Индо-Тихоокеанского Ареала: стратегическая значимость и сопутствующие вызовы. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 5-12. DOI: 10.31857/S032150750022930-5

The African flank of the Great Indo-Pacific Areal: Strategic significance and associated challenges

© Leonid L. Fituni^a, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-5416-6709; africa.institute@yandex.ru

Abstract. The “West to East shift” in the dynamics of global development and in defining trends of the world order restructuring goes hand in hand with a synchronous rearrangement of the balances of geopolitical and geoeconomic power from the Euro-Atlantic to the Indo-Pacific area. Those phenomena comply with the more general dialectical laws of the contemporary world development, one set of which relates, in particular, to the interconnection between the processes of globalization and regionalization, on the one hand, and the uneven development of states, on the other. In that context, the author proposes a concept that considers the Great Indo-Pacific Area (BITA) as a megazone that determines the near future of world dynamics. Unlike other proposed constructs of late under consideration, BITA encompasses all coastal states. It is neither limited nor divided by various alliances or geostrategic designs of the leading powers. The evolving post-globalization process of regionalization does not contradict the formation of BITA but, on the contrary, according to the author, constitutes a factor that ensures its long-term sustainability. The state and significance of the Western (African) flank of the BITA has so far been out of the focus of research attention. The author fills this gap by analyzing the system-forming factors of the subregion, its potential, geostrategic significance and the regional maritime strategies of the leading powers in it.

Keywords: Africa, BITA, mega-region, Indian Ocean basin, Russia, maritime doctrine, strategic challenges, development potential

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” under a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for conducting major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

For citation: Fituni L.L. The African flank of the Great Indo-Pacific Areal: Strategic significance and associated challenges. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 5-12. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022930-5

ВВЕДЕНИЕ

Три важных фактора предопределили в последнее время возрастающий интерес к западной части Индийского океана с точки зрения глобальной и региональной стратегической значимости.

Главным из них, естественно, стало резкое повышение уровня напряженности, а в ряде аспектов и конфронтационности, в отношениях между ведущими мировыми державами, являющееся следствием галопирующей трансформации существующего мирового порядка и подрыва еще недавно почти непререкаемого доминирования в нём объединенного Запада во главе с США.

Другим ключевым фактором, вытекающим напрямую из названного выше главного обстоятельства, стал направленный транзит в глобальных стратегических концепциях США и их союзников от разделения Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и зоны Индийского океана (с вполне очевидным приоритетом первого над второй) к их интеграции в единый ареал обеспечения своих интересов, именуемый Индо-Тихоокеанским регионом (ИТР), с тенденцией к медленному выравниванию стратегической значимости двух формирующих его компонентов.

Такой транзит связывается, прежде всего, с ужесточением конфронтационной линии на «сдерживание» Китая. Однако в немалой мере он направлен и против расширения влияния и региональных возможностей России, а в конечном итоге имеет целью утверждение доминирования в этой динамично развивающейся части мира прозападных блоков и союзов, которые выполняли бы роль «сдержек и противовесов» в отношении нарастающего потенциала восходящих «незападных» держав и их объединений. В 2018 г., вскоре после озвучивания администрацией Трампа в предшествующем году инициативы создания «Индо-Тихоокеанского партнерства» (ИТП), Тихоокеанское командование вооруженных сил (ВС) США было переименовано в Индо-Тихоокеанское (USINDOPACOM). Конфигурация географической зоны его ответственности была уточнена в соответствии с новым наименованием.

Третьим фактором стала реанимация «спящих» и институционализация новых военных или военно-стратегических союзов и объединений в сконструированной теперь зоне ИТР. К их числу относятся включающий Австралию, Англию и США альянс *AUKUS* (создан в 2021 г.) и взявший явный крен в сторону «оборонных» инициатив *Четырёхсторонний диалог по безопасности*, более известный под англоязычной аббревиатурой *QUAD*, охватывающий Австралию, Индию, США и Японию; он был институционализирован еще в 2007 г. и долгое время пребывал в полулетаргическом состоянии, пока не был вновь активизирован в 2017 г. администрацией Д.Трампа.

С приходом к власти администрации Дж.Байдена резко проявились попытки формирования в ИТР полноценного военно-политического союза с явной антикитайской, а субсидиарно и антироссийской направленностью. Формат *QUAD* в этом случае мог бы играть роль прообраза его политического компонента, а *AUKUS*, как и существующий с 1951 г. блок *ANZUS*, при возможном участии НАТО или его ведущих членов (Англия и Франция номинально оказываются государствами ИТР, сохраняя немало островных владений и заморских территорий в Тихом и Индийском океанах) - военного. Кроме того, не прекращаются попытки США и их сателлитов превратить имеющиеся двусторонние соглашения оборонного характера с рядом стран и территорий в рассматриваемом ареале, включая Тайвань, Южную Корею, некоторые страны АСЕАН, в многосторонние обязательства союзного характера. В Западной части Индийского океана возросла активность по созданию на Африканском континенте иностранных военных объектов, а также по проведению совместных военных учений и реализации образовательных программ в области обороны и безопасности.

Однако все три выделенных выше фактора не первичны. Они являются производными от глубинного процесса постепенной перестройки существовавшего в течение нескольких последних десятилетий мирового порядка, что, в свою очередь, является следствием действия закона неравномерности экономического и политического развития государств, приводящей к конкуренции между наиболее развитыми на определенном историческом этапе странами - «старыми» и «новыми» игроками - за доминирующие позиции в мировой экономике и политике. Исход их соперничества сформирует в основных чертах характер грядущего посткризисного мироустройства.

БОЛЬШОЙ ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ АРЕАЛ

Это мироустройство с большой вероятностью уже не будет «атлантикоцентричным». За редким исключением наиболее динамично развивающиеся экономики мира, уже сейчас обладающие мощным потенциалом роста, расположены в зоне Тихого и Индийского океанов. Этот факт дал основание утверждать, что происходит «перемещение центра глобальной деловой и финансовой активности с Запада в Азиатско-Тихоокеанский регион»¹, а мировых центров силы - с Запада на Восток.

¹ Ушаков рассказал о темах выступления Путина на ВЭФ. <https://tass.ru/ekonomika/15652653> (accessed 08.09.2022)

В контексте процессов регионализации сегодня, как представляется, можно говорить о складывании *Большого Индо-Тихоокеанского Арела* (БИТА) как очага перспективного развития. При этом сам по себе этот ареал неоднороден. В нём четко видны сегодняшние лидеры (Китай, Индия, некоторые другие быстрорастущие экономики) и возможные лидеры завтрашнего дня, к которым многие аналитики склонны относить и страны Африки - как прилегающие к западной части Индийского океана, так и континента в целом.

Впрочем, БИТА уже в наши дни является наиболее динамично развивающейся частью глобальной экономики. При этом, судя по всему, её значение в ближайшие десятилетия будет мощно нарастать как в силу мультиплицирующего воздействия уже заданной динамики, так и в силу того, что постепенно будет всё более раскрываться и оказываться востребованным пока еще относительно слабо используемый (в сравнении с другими регионами мира) ресурсный потенциал региона. Отсюда естественным образом вытекает, что «кто доминирует в Индо-Пацифике, тот управляет миром».

Акватория Индийского океана разделена Пентагоном на зоны ответственности сразу трех командований - Африканского (*AFRICOM*), Центрального (*CENTCOM*) и Индо-Тихоокеанского (*USINDOPACOM*).

При этом ошибочно будет сужать БИТА до зоны ответственности *USINDOPACOM*. Подобным же образом БИТА шире прибрежных зон сотрудничества многочисленных существующих в этой части мира объединений и программ, таких, например, как «Ассоциация стран побережья Индийского океана» (*Indian Ocean Rim Association*)² или Транстихоокеанское партнёрство³. Суть вопроса не сводится лишь к военно-стратегическому или природно-географическому аспектам, хотя они крайне важны. БИТА - воплощение постглобализационного процесса регионализации и одна из пространственно детерминированных основ многополюсного мира. Это ареал опережающего развития и концентрации точек роста планетарного значения XXI века, перешагнувший границы береговых зон каждого из двух океанов.

Следовательно, более точно было бы говорить не о смещении доминант с Запада на Восток, а о том, что детерминирующие факторы мирового развития постепенно смещаются из Евро-Атлантики в БИТА. Африка в силу своего географического положения является одновременно и водоразделом, и связующим звеном между двумя ареалами. При этом отмеченные в начале статьи факторы и процессы, ведущие к дестабилизации международной обстановки, в силу возросшей взаимосвязанности экономик не могут не влиять на страны, расположенные на восточном побережье Африки.

К ВОСТОКУ ОТ СУЭЦА - К ЗАПАДУ ОТ МАЛЬДИВ

С точки зрения методологии системного анализа, огромный ареал БИТА сформирован рядом крупных регионов, которые внутри него выполняют роль автономных подсистем. Подробнее о теоретических подходах автора к исследованию развивающихся стран как подсистемы внутри существующей Большой системы действующего миропорядка см. [1].

Под африканским флангом БИТА автор подразумевает государства индоокеанского побережья континента и тяготеющие к нему страны хинтерланда, не имеющие выхода к морю⁴, а также островные государства, зависимые территории и океанскую акваторию к западу от 80° в.д., общепринятой восточной географической границы западной части Индийского океана, в т.ч. в документах ООН. Таким образом, в БИТА попадает часть акватории Индийского океана, находящейся в зонах ответственности американских *CENTCOM* и *AFRICOM*, в т.ч. узкая полоса (между 68 и 80° в.д.) зоны ответственности *USINDOPACOM*.

² Ассоциация стран побережья Индийского океана (*Indian Ocean Rim Association, IORA*), ранее известная как Инициатива Индийского океана и Ассоциация регионального сотрудничества Индийского океана (*IOR-ARC*) объединяет 23 государства, омываемых Индийским океаном. *IORA* - региональный трехсторонний форум, объединяющий представителей правительства, бизнеса и научных кругов в целях развития сотрудничества и более тесного взаимодействия, особенно в области безопасности, рыболовства, упрощения торговых процедур, а также в вопросах социального развития и науки. Координационный секретариат *IORA* находится в Эбене (Маврикий) (прим. авт.).

³ Транстихоокеанское партнёрство (*Trans-Pacific Partnership, TPP*) - преференциальное торговое соглашение между 12 странами АТР, цель которого - снижение тарифных барьеров, регулирование внутренних правил в областях трудового права, экологии, интеллектуальной собственности и др. (прим. авт.).

⁴ Регион западной части Индийского океана включает 10 прибрежных африканских стран: Джибути, Сомали, Кению, Танзанию, Мозамбик, Южную Африку, Коморы, Мадагаскар, Сейшель, Маврикий, а также ряд контролируемых Францией островных территорий, сохраненных Парижем за собой после распада французской колониальной империи в Африке, крупнейшие из них - о-ва Реюньон и Майотт (оспариваемый Коморами) - имеют статус заморского департамента Французской Республики. К региону тяготеет ряд материковых государств, не имеющих выхода к морю, - Эфиопия, Южный Судан, Уганда, Руанда, Бурунди, Замбия, Зимбабве, Малави, Эсватини, Лесото. Египет, Судан, Эритрея расположены на побережье внутреннего Красного моря, соединенного с открытым Индийским океаном узким Баб-эль-Мандебским проливом (прим. авт.).

Протяженность береговой линии материковой Африки, омываемой водами собственно Индийского океана (т.е. без учета африканского побережья Красного моря) от Джибути на севере до мыса Игольный в ЮАР составляет около 9000 км. Регион имеет важное геостратегическое значение глобального уровня и остается пространством активного геополитического и военно-морского взаимодействия государств.

Через эту часть Мирового океана осуществляется значительная доля глобальной морской торговли, в т.ч. большая часть поставок сырой нефти. Непосредственно в африканской прибрежной зоне проживает примерно 60 млн человек. Основными факторами экономического роста являются взрывное развитие в последние годы добывающих отраслей, строительства и сферы услуг, включая индустрию туризма.

В последние годы быстро развивается морская газодобыча. В последнее десятилетие выявлена новая Восточно-Африканская нефтегазоносная провинция, расположенная на шельфе Мозамбика, Танзании и Мадагаскара. В состав этой провинции включена акватория Сейшельских островов. Нефтегазовый потенциал провинции оценивается в 20 млрд т условного топлива, из которых более 60% приходится на газ [2]. В 2010 г. на шельфе северной части Мозамбика в районе Ровума было обнаружено крупнейшее в Африке глубоководное месторождение нефти и газа. В 2022 г. началась промышленная глубоководная добыча газа, который на месте перерабатывается в СПГ для экспорта.

Развитие морской зоны жизненно важно для государств субрегиона. Более 90% их внешней торговли осуществляется морем. Вклад рыболовства и связанных с ним отраслей в ВВП колеблется от 0,5% - в Кении (однако отрасли обеспечивают работой 1,3 млн чел.) и 1,3% - в Танзании, до 7% - на Мадагаскаре и 10,3% - в Мозамбике (в отрасли занято 35% работающих в «негородских» секторах хозяйства). В малых островных государствах - на Маврикии, Сейшелах и Коморах - эти цифры еще выше. Объемы прибрежного рыболовства намного превышают вылов океанических видов. В то время как прибрежный промысел в основном ведется африканскими государствами, более прибыльный океанический промысел в основном осуществляется дальними флотами из Европы и Восточной Азии [3].

До нынешнего обострения мировой ситуации вопросы морской безопасности восточного побережья Африки были связаны в основном с обеспечением защищенности рыбного промысла и судоходства, в особенности с проблемой пиратства в северо-западной части акватории Индийского океана. Этот вопрос достаточно подробно раскрыт отечественной африканистикой (см.: [4; 5]), в т.ч. на страницах журнала «Азия и Африка сегодня» (см., например: [6; 7]). Он особенно остро стоял в 2003-2012 гг., но постепенно с ростом военно-морской активности ведущих держав в этой части Мирового океана и объединённых усилий прибрежных государств в области безопасности стал меньше привлекать внимание мировой общественности даже по сравнению с пиратством у Западного побережья Африки.

В 2014 г. Африканский Союз принял «Интегрированную стратегию морской безопасности Африки до 2050 года» (Стратегия *AIM - 2050*) - комплексную стратегию морской безопасности для всей Африки. В центр Стратегии поставлена задача устойчивого развития африканской «голубой экономики». При этом она рассматривает морское пространство как источник развития и потенциал для создания богатства, способ для Африки использовать «свои собственные ресурсы, чтобы занять достойное место в многополярном, взаимозависимом и более справедливом мире»⁵. Другие заявленные в ней цели: исследования и инновации, конкурентоспособность, создание рабочих мест, международная торговля, морская инфраструктура, транспорт, информация, связь, технологии и логистика.

По мнению американско-нигерийского исследователя *E.Egede*, решение о подобном комплексном подходе к вопросам морской безопасности, сформулированном в *AIM-2050*, принималось АС из-за опасения, что концентрация внимания исключительно на пиратстве приведет к смещению усилий в пользу интересов, прежде всего, развитых морских держав, стремящихся защитить свои торговые пути [8]. В результате национальные интересы государств Восточной Африки могли оказаться на втором месте по сравнению с приоритетами крупных судоходных и рыболовных компаний и правительств ведущих торговых держав.

КИТАЙ И ИНДИЯ

Такая позиция и объединенные усилия стран Восточного побережья Африки приносили свои плоды. Укреплялось и расширялось многостороннее сотрудничество не только со странами континента, но и с другими государствами бассейна Индийского океана. Кроме того, две восходящие державы - Китай и Индия - уделяли странам западной части Индийского океана повышенное внимание.

КНР интегрировала последние в свою инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), а некоторые гавани стали важными опорными точками проекта «Морского шелкового пути 21 века». На базе китайских инве-

⁵ 2050 Africa's integrated maritime strategy (2050 AIM Strategy). https://au.int/sites/default/files/newsevents/workingdocuments/33832-wd-african_union_3-1.pdf (accessed 21.06.2022)

стиций сейчас развиваются порты Красного моря и западного побережья Индийского океана - Массауа (Эритрея), Порт-Судан (Судан), Дорале и Таджура (Джибути), Новый порт Занзибара (Танзания), Тешобанине на юге мозамбикской провинции Мапуту, у границы с ЮАР. Расширяются крупные действующие порты - Момбаса в Кении, Дар-эс-Салам в Танзании, Дурбан и Ричардс Бэй в ЮАР, рыболовный порт Бейра (Мозамбик). В Таматаве (Мадагаскар) углубляется порт, возводятся контейнерные терминалы⁶.

Для бункеровки, ремонта и восполнения припасов, как правило, на основе двусторонних межгосударственных соглашений на регулярной основе используются порты Салала (Оман, в основном дозаправка), Аден (Йемен, в т.ч. возможности ремонта), Виктория (Сейшелы, бункеровка), Момбаса (Кения, комплексно), Дар-эс-Салам (Танзания, в т.ч. принадлежащие КНР нефтехранилища), Анциранана (Мадагаскар, дозаправка).

Ключевой точкой проекции влияния и силы в рассматриваемом ареале является расположенная на Африканском Роге, в Джибути, база поддержки Народно-освободительной армии Китая (НОАК). База дает возможность военно-морскому флоту (ВМФ) КНР осуществлять долговременные операции в Красном море и прилегающих акваториях. Длина её пирса позволяет швартоваться крупнейшим китайским кораблям, включая авианосцы (при длине пирса 330 м длина китайского авианосца «Ляонин» - 304 м), вертолетоносцы и атомные подводные лодки. Сейчас туда периодически заходят китайские эсминцы и фрегаты, направляющиеся в Средиземное море или оперирующие в районе Африканского Рога и западной части Индийского океана.

База поддержки НОАК в первую очередь служит для обеспечения военной логистики китайских сил в Аденском заливе, а также для выполнения задач, связанных с морскими международными операциями, включая миротворческие, гуманитарные операции и операции по оказанию помощи в случае стихийных бедствий в Африке. Этот аспект китайского влияния, включая операции по борьбе с пиратами, несмотря на западную пропаганду, в целом позитивно воспринимается правительствами близлежащих стран, многие из которых к тому же рассматривают китайское военное присутствие как важный контрбаланс многовековой военной экспансии Запада в регионе и её современным формам.

КНР активно развивает военную дипломатию в Африке. В 2018 г. Пекин провел первый Китайско-Африканский форум по обороне и безопасности, в котором приняли участие высокопоставленные военные из 50 африканских стран и организаций. С 2019 г. название изменено на Китайско-Африканский форум по вопросам мира и безопасности. Организованы программы подготовки национальных военных кадров в рамках военно-технического сотрудничества с КНР. С рядом стран (ЮАР, Джибути, Иран, Россия и др.) в Индийском океане проводились совместные учения, в т.ч. на многосторонней основе.

Индия - крупнейшая экономическая держава на побережье названного в её честь океана. В последние годы Дели реализует модель экспансии на море, во многом обусловленную стратегическим соперничеством с Китаем и позиционированием себя как главной индоокеанской державы. Чтобы противостоять присутствию Китая, Индия стремится расширить свой собственный военно-морской потенциал и военно-морской потенциал прибрежных стран, а также партнерские отношения в области безопасности, особенно с Маврикием, Сейшелами, Мадагаскаром и Коморами, в ключевых точках входа или рядом с ними. В западной части Индийского океана ВМС Индии работают над обеспечением безопасности ключевых морских узких мест на входах в Индийский океан, таких, как Баб-эль-Мандебский, Ормузский проливы, а также в Мозамбикском проливе - главной магистрали для нефтяных супертанкеров в обход Африки с юга.

Подход к морскому сотрудничеству со странами Африки официально базируется на Морской стратегии Индии, принятой в 2015 г., провозгласившей расширение и диверсификацию индийской политики в западной части Индийского океана. Практикуются регулярные визиты индийских кораблей и военно-морских делегаций, осуществляется передача военно-морской техники и материально-технического обеспечения, обмен данными военно-морской разведки, совместные военные учения и патрулирование, реализуется программа развития постов и точек прослушивания, которые представляют собой станции мониторинга, укомплектованные радарными и средствами контроля морской связи.

С одной стороны, индийско-китайская конкуренция на море подкрепляет надежды США и их союзников на возможность перетянуть южноазиатского гиганта на свою сторону в региональном, а при благоприятном стечении обстоятельств и в глобальном противостоянии. С другой стороны, индийские военные стратегии исходят из того, что США, которые имеют, по их мнению, ограниченное присутствие в Восточной Африке, будут зависеть от Индии в обеспечении свободы судоходства в Индийском океане и противодействии растущему присутствию ВМС Китая в регионе [9].

Двойственное положение Индии в этом контексте, видимо, будет оставаться в среднесрочной перспективе стратегическим вызовом в региональной повестке дня не только для Пекина, но и для Москвы. В то

⁶ China in the Indian Ocean Region: Ports and Bases. <https://orcasia.org/2022/07/china-in-the-indian-ocean-region-ports-and-bases/>

же время, как представляется, резкие перемены в отношениях Дели с каждым из своих партнеров по ШОС и БРИКС в такой временной перспективе маловероятны.

США И МЛАДШИЕ ПАРТНЕРЫ

С приходом к власти в Вашингтоне администрации Байдена США демонстративно продолжили трамповскую линию на противодействие влиянию Москвы и Пекина на континенте, формально прописав это в своей Новой (2022 г.) стратегии в Африке. По сути, в её основу положен военный принцип «сдерживание через воспрепятствование» (*deterrence by denial*). Под этим понимается перекрытие для КНР и РФ не только возможностей к дальнейшему относительно «беспроblemному» укреплению позиций на континенте, но и к использованию Африки в целях повышения в более широком плане глобального веса и влияния России и Китая.

Ранее было значительно усилено военное присутствие США на континенте. Именно на эту задачу американский Конгресс в августе 2022 г. ориентировал новое руководство АФРИКОМ - специального межвидового командования ВС США, в зону ответственности которого и входит континент (7 тыс. военнослужащих), прилегающие острова и акватории. В Джибути расположена единственная официальная военноморская экспедиционная база США Лемоньер, если не считать островной базы на о. Диего-Гарсия, незаконно отторгнутом Британией у Маврикия (3-4 тыс. военнослужащих, играет ключевую роль в проекции контроля США над всеми главными морскими транспортными коммуникациями Китая через Индийский океан в западном направлении). Однако, помимо этих двух точек, на континенте действует от 500 до 600 объектов и логистических пунктов США военного назначения, или т.н. вспомогательных «гражданских объектов». Военные атташе прикомандированы к посольствам США в 32 странах Африки.

На фоне быстро растущей напряженности на стыке Индийского и Тихого океанов западный фланг Большого Индо-Тихоокеанского Ареала в 2022 г. выглядит в глазах наблюдателей менее приоритетным у командования США. И действительно, в сравнительном плане Пентагон сегодня более сосредоточен на КНР, Тайване и построении новых военно-стратегических конструкторов в восточной половине Индийского океана или в Пацифике.

Из новаций следует выделить заявление министра ВМС США К.Брейтуэйта в ноябре 2020 г. о намерении создать новый «номерной» флот для Индийского океана, который будет называться Первым флотом, и сообщение о встрече в октябре 2021 г. глав внешнеполитических ведомств США, Индии, Израиля и ОАЭ для формирования рабочей группы по созданию аналога *QUAD* на западном фланге Индийского океана. Утверждалось, что такой «западно-индоокеанский *QUAD*» не будет направлен против какой-либо конкретной угрозы. Вероятно, это будет гибкая договоренность, и она может стать возможной благодаря сближению интересов как в двустороннем, так и в региональном измерениях⁷.

За последние несколько лет значительно выросло взаимодействие между **Израилем** и **ОАЭ**. Для этого арабского государства Тель-Авив становится перспективным партнером в таких областях, как безопасность, технологии, энергетика и сельское хозяйство. Война в Йемене и соперничество внутри Персидского залива сыграли важную роль в формировании новой геополитики на севере западного фланга БИТА. Израиль разместил станции прослушивания в Эритрее, а также на о-ве Сокотра⁸. Нарастает стратегическая активность ОАЭ, которые проецируют свою растущую силу как на северо-восток континентальной Африки, так и на морское пространство Красного моря и Аденского залива. Укрепление связей между ОАЭ и Израилем открывает возможности совместной работы на западном фланге БИТА с близкими им стратегическими партнерами, такими как США, Франция и Индия.

Франция остается важным стратегическим игроком в регионе. Париж сохраняет юрисдикцию над многочисленными островными остатками своей бывшей колониальной империи, разбросанными к востоку и югу от Африканского континента, включая Реюньон и отторгнутый у Комор о. Майотт. На своих базах в Джибути, Абу-Даби (ОАЭ) и на расположенных в БИТА островах Париж сохраняет постоянное военное присутствие, в т.ч. 7000 военнослужащих⁹, а суверенитет над Эпарс легитимизирует его контроль (в том числе силовой) над 70% акватории стратегически важного Мозамбикского пролива и эксплуатацию ресурсов исключительной экономической зоны площадью в 425 тыс. кв. км¹⁰.

Европейский Союз поддерживает в целом стратегию Франции в регионе, рассматривая Париж как авангард своего присутствия в нём. В сентябре 2021 г. была анонсирована новая стратегия ЕС по сотруд-

⁷ A New Quad in the Western Indian Ocean. <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/new-quad-western-indian-ocean> (accessed 21.08.2022)

⁸ Ibidem.

⁹ France and India in the Indo-Pacific: An Essential Partnership in Challenging Times. <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/india/news/article/france-and-india-in-the-indo-pacific-an-essential-partnership-in-challenging> (accessed 22.09.2022)

¹⁰ Why are French Forces in Madagascar? <https://www.globalresearch.ca/french-forces-madagascar/5657634> (assessed 22.09.2022)

ничеству в Индо-Тихоокеанском регионе. Париж и ЕС выступили соорганизаторами министерского Форума по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе, который состоялся в Париже 22 февраля 2022 г. Париж утверждает, что «растущая напористость Китая, усиливающееся стратегическое соперничество между КНР и США» и военные действия России на Украине привели к крупным трансформациям и потрясениям, которые создают серьезные проблемы для всего региона¹¹.

МОРСКАЯ ДОКТРИНА РОССИИ

Каковы же на самом деле доктринальные установки Москвы в Индийском океане?

В июле 2022 г. президент В.В.Путин подписал Указ об утверждении Морской доктрины Российской Федерации¹². Этот документ заменил действовавший аналогичный документ от 2015 г. В обоих индоокеанское региональное направление выделено в качестве отдельного блока. При сохранении преемственности общих фундаментальных принципов региональной морской политики новый документ заметно отличается от предшествовавшего. Хотя по объему рассматриваемые блоки Доктрины примерно равны, документ 2022 г. выглядит более конкретным и структурированным в страновом плане.

Прежняя редакция раздела, написанная в более общих формулировках, постулировала, что Зона Индийского океана является одним из главных региональных направлений национальной морской политики¹³.

В стратегическом плане доктрина ориентирована на реализацию в Индийском океане целенаправленного курса на превращение региона в зону мира, стабильности и добрососедства, обеспечение на периодической основе или по мере необходимости военно-морского присутствия Российской Федерации в Индийском океане, участие в обеспечении безопасности морской деятельности, в т.ч. в борьбе с пиратством. Доктрина 2015 г. ставила перед нашей морской политикой следующие задачи: «расширение российского судостроительства, совместных с другими государствами действий по разведке шельфовых месторождений углеводородов и строительстве подводных трубопроводов; проведение морских научных исследований в интересах сохранения и закрепления позиций Российской Федерации в регионе»¹⁴.

В страновом плане из всех прибрежных стран региона Доктриной 2015 г. отдельно выделялась одна лишь Индия. Развитие дружественных связей с ней квалифицировалось как «важнейшее направление национальной морской политики РФ на рассматриваемом региональном направлении». Применительно к остальным государствам региона в той Доктрине была использована лишь общая формула, констатирующая, что национальная морская политика Москвы также направлена и на наращивание позитивного взаимодействия с другими государствами региона.

В новом тексте отношения с Индией постулируются на более высоком уровне приоритета - уровне *стратегического партнерства и военно-морского сотрудничества*. Кроме того, приоритетом морской политики впервые названо расширение взаимодействия с рядом конкретно перечисленных стран - Ираном, Ираком, Саудовской Аравией, а также с другими государствами региона.

Неизменными остались положения о проведении целенаправленного курса на превращение региона в зону мира и стабильности, развитие отношений с государствами региона, направленных на развитие торгово-экономических, военно-технических и культурных связей, развитие туризма, расширение российского судостроительства в регионе.

Важной новацией в нынешней доктрине стала определенная детализация приоритетов собственно военно-стратегического плана в регионе (в пределах ограничений открытого доктринального документа):

- сохранения и поддержания военно-морского присутствия Российской Федерации в районе Персидского залива на основе пунктов материально-технического обеспечения в Красном море и в Индийском океане и использования инфраструктуры государств региона в интересах обеспечения военно-морской деятельности Российской Федерации;
- участия в обеспечении безопасности функционирования морских транспортных коммуникаций в регионе, включая борьбу с пиратством;
- проведения морских научных исследований в интересах сохранения и закрепления позиций Российской Федерации в регионе¹⁵.

Кроме того, п. 15 Доктрины прямо указывает на то, что районы прохождения мировых морских транспортных коммуникаций, пролегающие вдоль африканского побережья, являются важными *зонами обеспе-*

¹¹ Ibidem.

¹² Указ Президента Российской Федерации. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/xBBH7DL0RicfdtdWP0l32UekiLMTAycW.pdf> (accessed 18.09.2022)

¹³ Морская доктрина Российской Федерации. <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document34/> (accessed 07.09.2022)

¹⁴ Там же.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации...

чения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане. Они в значительной степени влияют на экономическое развитие, материальное благосостояние населения и состояние национальной безопасности России, а также на поддержание стратегической и региональной безопасности государства.

Таким образом, впервые со времен распада СССР мы являемся свидетелями прямого доктринального позиционирования Москвы в качестве мирового актора, заявившего о стратегической готовности отстаивать и реализовывать свои национальные интересы в рассматриваемом регионе, если это окажется необходимым, в том числе посредством военно-морского инструментария.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. 2022. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства. *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 5-13.
Fituni L.L., Abramova I.O. 2022. Developing Countries in the New Equation of the Post-Crisis World Order. *World Economy and International Relations*. № 11. Pp. 5-13. Moscow. (In Russ.)
2. Силантьев Ю.Б., Ковалёва Е.Д., Пензин А.А. 2017. Восточноафриканский шельф. Оценка ресурсно-добычного потенциала газа и геолого-политической значимости. *Вестник газовой науки*. № 3. С. 187-194. <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnoafrikanskiy-shelf-otsenka-resursno-dobychnogo-potentsiala-gaza-i-geologo-politicheskoy-znachimosti?ysclid=18bkqs9mdo591335744> (accessed 20.04.2022)
Silantiev Yu.B., Kovaleva E.D., Penzin A.A. 2017. East African shelf. Assessment of the resource and production potential of gas and geological and political significance. *Vesti gazovoy nauki*. № 3. Pp. 187-194. Moscow (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnoafrikanskiy-shelf-otsenka-resursno-dobychnogo-potentsiala-gaza-i-geologo-politicheskoy-znachimosti?ysclid=18bkqs9mdo591335744> (accessed 20.04.2022)
3. Shotton R. 2005. B8. Western Indian Ocean. FAO Statistical Area 51. *FAO fisheries technical paper*. № 457. <https://www.fao.org/3/y5852e/Y5852E06.htm#ch2.12> (accessed 20.04.2022).
4. Шарова А.Ю. 2019. Влияние санкций на экономику наименее развитых стран мира (на примере ДРК и Сомали). *Ученые записки Института Африки РАН*. № 4 (49). С. 31-49.
Sharova A.Yu. 2019. The impact of sanctions on the economy of the world's least developed countries (on the example of the DRC and Somalia). *Journal of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences*. № 4 (49). Pp. 31-49. Moscow. (In Russ.)
5. Мезенцев С.В. 2017. Президентские выборы в Сомали и перспективы борьбы с террористической группировкой «Аш-Шабаб». *Ученые записки Института Африки РАН*. № 1 (38). С. 132-139.
Mezentsev S.V. 2017. Presidential elections in Somalia and the prospects for the fight against the terrorist group "Al-Shabaab". *Journal of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences*. № 1 (38). Pp. 132-139. (In Russ.)
6. Дейч Т.Л., Усов В.А. 2019. Индийский океан в фокусе внимания мировых держав. *Азия и Африка сегодня*. № 10. С. 77-79.
Deich T.L., Usov V.A. 2019. Indian Ocean in the focus of attention of world powers. *Asia and Africa today*. № 10. Pp. 77-79. (In Russ.)
7. Елькина Е.А. 2019. Пиратство: больше или меньше? *Азия и Африка сегодня*. № 10. С. 36-40. DOI: 10.31857/S032150750006524-8
Elkina E.A. 2019. Piracy: more or less? *Asia and Africa today*. № 10. Pp. 36-40 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750006524-8
8. Egede E. 2018. Maritime Security: Horn of Africa and Implementation of the 2050 AIM Strategy. *Horn of Africa Bulletin*, 30 (2). <https://www.africaportal.org/features/maritime-security-implementing-aim-strategy/> (accessed 19.04.2022)
9. Bhadrakumar M.K. 2021. *US-Indian strategic construct of Western Indian Ocean runs into headwinds*. <https://indian-punchline.com/us-indian-strategic-construct-of-western-indian-ocean-runs-into-headwinds/> (accessed 29.08.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Африки РАН, Москва, Россия.

Leonid L. Fituni, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Dr.Sc. (Economics), Professor, Deputy-Director, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.08.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 22.10.2022

Инфраструктурный ландшафт в трансграничье России, Монголии и Китая: преобразования и ориентиры

© Намжилова В.О.^a, 2022

^a Бурятский научный центр СО РАН, Улан-Удэ, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7362-4701; dayavika@yandex.ru

Резюме. В статье рассматриваются происходящие и ожидаемые изменения инфраструктурного ландшафта в зоне экономического коридора Китай - Монголия - Россия. Обеспечение инфраструктурной связанности становится общей задачей для трех стран в целях конкурентоспособного встраивания в мировые логистические маршруты.

Автор анализирует факторы, влияющие на интенсификацию трансграничных взаимодействий, выделяя общий тренд развития континентальных перевозок в евразийском пространстве, а также масштабное освоение минеральных ресурсов в Монголии. Оцениваются транзитные возможности железнодорожной и автодорожной инфраструктуры, изучаются особенности грузопотоков через пограничные пункты пропуска.

Последовательная реализация амбициозных планов Монголии по созданию железнодорожной сети кардинально меняет трансграничную инфраструктуру, особенно на границе с Китаем. Отмечается, что строительство железных дорог было форсировано монгольским правительством с началом пандемии *COVID-19*: введение жестких эпидемиологических ограничений на пересечение границ грузовым автомобильным транспортом значительно повлияло на работу пограничных пунктов пропуска и на внешнеэкономические связи Монголии в целом.

С целью расширения экспорта минерального сырья планируется открытие четырех железнодорожных пограничных переходов на монголо-китайской границе. Налаживание эффективного функционирования трансграничной транспортно-логистической инфраструктуры становится стратегическим приоритетом экономической политики Монголии.

Для России налицо необходимость развития инфраструктуры внешней торговли в приграничных регионах, особенно в новых геополитических реалиях.

Ключевые слова: экономический коридор Китай - Монголия - Россия, инфраструктурная связанность, пограничные пункты пропуска, инфраструктурный ландшафт

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания № 121030500092-7. Проект «Разработка методологии обоснования направлений стратегического развития депрессивного региона в условиях эколого-экономических ограничений».

Для цитирования: Намжилова В.О. (Улан-Удэ). Инфраструктурный ландшафт в трансграничье России, Монголии и Китая: преобразования и ориентиры. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 13-20. DOI: 10.31857/S032150750020155-2

Infrastructure landscape in the transborder region of Russia, Mongolia and China: Transformations and landmarks

© Victoria O. Namzhilova^a, 2022

^a Buryatia Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7362-4701; dayavika@yandex.ru

Abstract. The article discusses ongoing and expected changes in the infrastructure landscape in the zone of the China - Mongolia - Russia economic corridor. Ensuring infrastructure connectivity is becoming a common task for the three countries in order to competitively integrate into the world's logistics routes. The author analyzes the factors influencing the intensification of cross-border interactions, highlighting the general trend of growing demand on land transportation in Eurasia, as well as mining freight movement of raw material resources from Mongolia to China. The transit capabilities of the railway and road infrastructure are assessed, the features of cargo flow through border checkpoints are studied. Consistent implementation of Mongolia's ambitious plans of railway construction changes the cross-border infrastructure, especially on the China's border.

It is noted that the construction of railways was forced by the Mongolian government with the spread of the COVID-19 pandemic: severe restrictions and border control measures on truck transport significantly affected the operating of border crossings and foreign economic relations of Mongolia as a whole. In order to expand the export of mineral raw materials, it is planned to open four railway border crossings on the Mongolian-Chinese border: Gashuunsukhait - Gantsmod, Shiveekhuren - Sehe, Bichigt - Zun-Khatavch, Khanggi - Mandal. Establishing the effective functioning of the cross-border transport and logistics infrastructure is becoming a strategic priority of the Mongolian economic policy.

For Russia, there is a need to develop foreign trade infrastructure in the border regions, especially in the new geopolitical realities.

Keywords: China - Mongolia - Russia economic corridor, infrastructure connectivity, border crossing points, infrastructure landscape

For citation: Victoria O. Namzhilova (Ulan-Ude). Infrastructure landscape in the transborder region of Russia, Mongolia and China: Transformations and landmarks. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 13-20. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750020155-2

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время повышенное внимание к развитию инфраструктуры в трансграничье России, Монголии и Китая обусловлено наличием международного транспортного коридора, обеспечивающего от 5% до 9% контейнерного грузооборота в системе евразийских трансконтинентальных железнодорожных перевозок [1].

Обеспечение инфраструктурной связанности становится общей задачей для трех стран в целях конкурентоспособного встраивания в мировые логистические маршруты. При этом обновление инфраструктуры нацелено не только на продвижение транзита через Монголию - во многом претворяемые или намечаемые инфраструктурные преобразования диктуются необходимостью перемещения минеральных ресурсов, масштабно осваиваемых в Монголии в последние два десятилетия. Поскольку страна не имеет выхода к морю, эффективность её внешнеторговых связей в высокой степени зависит от транспортно-логистической среды, в т.ч. на границе с Россией и Китаем. По интегрированному показателю *Logistics Performance Index*, характеризующему эффективность логистики, Монголия находится на 129-м месте в мире. Вместе с тем, по качеству торговой и транспортной инфраструктуры рейтинг Монголии еще ниже - 142-е место. Эти данные как нельзя лучше отражают необходимость согласованного развития инфраструктурной связанности в трансграничье трех стран.

СОГЛАСОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ СВЯЗАННОСТИ

Комплекс взаимосвязанных объектов (прежде всего в области транспорта и энергетики), расположенных в пограничном пространстве сопредельных государств и обеспечивающих перемещение людей и товаров, представляет собой трансграничную инфраструктуру, особенность которой - технологическая общность её элементов, имеющих разную государственную принадлежность, правовой статус и режим организации работы [2].

Именно поэтому преобразования трансграничной инфраструктуры происходят неравномерно и могут иметь разное наполнение по обе стороны границы. Развитие инфраструктуры, имеющей продолжение в пространстве другого государства, всегда сопровождается высокими рисками и требует выполнения целого ряда условий, включая соответствие национальным интересам, обоснование экономической целесообразности и др. При этом импульс для преобразований инфраструктура получает как изнутри (активная политика государства по выходу на зарубежные рынки, по освоению периферии), так и извне (вовлечение в производственные цепочки соседнего государства, возможности встраивания в международные транспортные коридоры и пр.).

В последнее время в трансграничном пространстве России, Монголии и Китая происходят существенные изменения инфраструктурного ландшафта, причем наиболее значительные изменения, как мы увидим, заметны вдоль монголо-китайской границы. Это обусловлено историческим фоном двусторонних отношений и развитием евразийской интеграции в целом. Налаживание и расширение торговли с южным соседом позволило Монголии заполнить своеобразный вакуум в экономических связях с зарубежными странами, образовавшийся после распада мировой социалистической системы. Масштабное освоение месторождений угля, меди, золота и других полезных ископаемых, ориентированных на экспорт в Китай, способствует появлению новых элементов инфраструктуры: дорог, линий электропередач, пунктов пропуска [3].

Высокая активность на монголо-китайской границе стала особенно заметна на фоне малой динамики взаимодействий на монголо-российской границе. Исследования ученых Института географии РАН по оценке барьерности российских границ показали, что пункты пропуска на монгольском участке недогружены. Более того, для этого участка (наряду с норвежским и корейским) характерно наименьшее число пересечений границы без заметной динамики при невысоком торговом обороте, низких взаимных инвестициях и редких контактах населения [4]. Этот вывод справедлив для большинства действующих пунктов пропуска на российско-монгольской границе, за исключением пунктов пропуска Кяхта (автомобильный) и Наушки (железнодорожный), через которые проходят крупные транспортные артерии и постепенно нарастает интенсивность грузовых и пассажирских потоков [5].

Обсуждение инфраструктурных преобразований в трехстороннем формате (Россия, Монголия и Китай) началось с развертыванием китайской инициативы создания Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), где инфраструктурная связанность определена одним из 5 приоритетов международного сотрудничества наряду с политической координацией, бесперебойной торговлей, свободным передвижением капитала и укреплением близости между народами [6].

Несомненно, импульс к инфраструктурным преобразованиям был задан Китаем еще задолго до инициативы ЭПШП - в 2000-е гг. началось масштабное строительство инфраструктуры в западных регионах, в т.ч. в приграничных с Монголией Автономном районе Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурском автономном районе [7]. Основой же трехстороннего взаимодействия стало сопряжение национальных стратегий развития: китайской инициативы ЭПШП, монгольского проекта «Степной путь» и российской идеи Евразийского экономического союза [8].

Попытки систематизировать происходящие изменения и выработать единое видение инфраструктурного каркаса в трансграничном пространстве были сделаны при подготовке к трехсторонним встречам первых лиц России, Монголии и Китая на полях саммитов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2014-2016 гг. Взаимосвязанное планирование развития автомобильных и железных дорог, авиации, портов, пунктов пропуска было отражено в принятой в 2016 г. Программе создания экономического коридора Китай - Монголия - Россия, предусматривающей реализацию целого ряда инфраструктурных проектов.

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ РЕСУРСЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Инфраструктурная связанность наглядно демонстрируется присутствием коммуникаций на государственных границах. Монголия имеет протяженные сухопутные государственные границы - около 3500 км пограничной линии с Россией и более 4700 км - с Китаем.

Отсутствие территориальных споров, религиозных и этнических конфликтов позволяет охарактеризовать трансграничное пространство трех стран как мирное и относительно спокойное, а условия формирования экономического коридора - как благоприятные. Экономическую активность в трансграничье и потребность в инфраструктурных ресурсах можно проследить по состоянию функционирования пунктов пропуска и перспективным планам по их расширению. На сегодняшний день на российско-монгольской границе действуют 10 пунктов пропуска и 13 - на монголо-китайской. Направления, структура и интенсивность людских и товарных потоков значительно разнятся.

Согласно статистическим данным, пассажиропоток на монголо-китайской границе, составлявший 798 тыс. человек в 2000 г., к 2010 г. вырос в разы - до 2,5 млн человек, а в допандемийном 2019 г. - до 3,78 млн (при этом две трети пересечений - 2,28 млн человек - приходятся на автомобильный и железнодорожный погранпереходы Замын-Ууд - Эрлянь).

В этот же период пассажиропоток на монголо-российской границе вырос с 349,5 тыс. человек в 2000 г. до 1,03 млн в 2019 г. (в т.ч. 651 тыс. человек - через автомобильный погранпереход Кяхта-Алтанбулаг). Увеличению пассажиропотока на российско-монгольской границе значительно способствовало введение безвизового режима между странами в конце 2014 г. Исключением в активных людских контактах стал двухлетний период борьбы с пандемией *COVID-19*, когда действовал запрет на пересечение границы физическими лицами.

Железнодорожные пункты пропуска Замын-Ууд - Эрлянь на монголо-китайской границе и Наушки - Сухэ-Батор - на российско-монгольской являются ключевыми узлами Трансмонгольской железной дороги, соединяющей Транссибирскую магистраль с железнодорожной сетью Китая. Именно через эти пункты пропуска проходит значительная часть внешнеторговых грузов Монголии, включая импорт критически важных товаров в условиях отсутствия выхода к морю и ограниченных возможностей собственного производства (нефтепродукты, продукты питания, товары широкого потребления, оборудование и пр.). Основные экспортные грузы Монголии, транспортируемые по Трансмонгольской железной дороге, - железная руда и медный концентрат в Китай (около трети железнодорожных составов), а также плавиковый шпат в Россию.

Наряду с обеспечением экспортно-импортных поставок Монголии укрепляется роль Трансмонгольской железной дороги в обеспечении транзитных перевозок между Китаем и Европой. На сегодняшний день динамика железнодорожных грузоперевозок в трансграничье трех стран формируется под влиянием общемировой тенденции контейнеризации грузов. Развертывание транспортно-логистических проектов в рамках реализации китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути привело к взрывному росту трансконтинентальных железнодорожных перевозок с использованием контейнеров, выгодно отличающихся скоростью доставки по сравнению с морскими перевозками. В последние годы монгольское направление активно развивается, хотя и уступает транзиту через Казахстан [1].

В настоящее время по Трансмонгольской магистрали, или т.н. Центральному железнодорожному коридору (Замын-Ууд/Эрлянь - Улан-Батор - Наушки/Сухэ-Батор), проходит 43 маршрута, берущих начало в крупнейших китайских городах и следующих в европейские страны, а также в ряд российских городов. Развитие этого коридора является одним из приоритетных инфраструктурных проектов Программы создания экономического коридора Китай - Монголия - Россия. Реализация проекта позволиткратно увеличить контейнерный транзит в направлении Китай - Европа, нарастить объемы пассажирского сообщения между Россией, Монголией и Китаем.

В отличие от сквозного железнодорожного сообщения в трансграничье трех стран, автомобильный транзит еще не получил должного развития, хотя создание экономического коридора подразумевает обеспечение условий для интенсивного использования маршрутов сети Азиатских автодорог: маршрута АН-3 (Улан-Удэ - Кяхта / Алтанбулаг - Дархан - Улан-Батор - Сайншанд - Замын-Удэ / Эрлянь - Внешний Пекин - Тяньцзинь) и маршрута АН-4 (Новосибирск - Барнаул - Горно-Алтайск - Ташанта / Цагааннуур - Ховд - Ярантай / Такешкен - Урумчи). Препятствий тому много, включая уровень развития автодорожной инфраструктуры, сложности в выстраивании логистических цепочек, ограниченную пропускную способность пограничных переходов и в целом низкую рентабельность автомобильных перевозок на расстояния более 1000 км.

Помимо физических барьеров, в развитии автомобильного транзита по территории Монголии существуют и институциональные. Хотя Россия, Монголия и Китай подписали Межправительственное соглашение о международных автомобильных перевозках по сети Азиатских автомобильных дорог в 2016 г., Китай снял ограничения на применение системы Международных дорожных перевозок (*TIR - Transport International Routier*) лишь в 2019 г. Впоследствии и до сих пор апробирование автодорожного транзита сдерживается введением эпидемиологических ограничений на пограничных автомобильных пунктах пропуска в ответ на вспышку пандемии *COVID-19*.

Таким образом, автодорожная инфраструктура в трансграничных взаимодействиях пока имеет локальное значение (грузопотоки осуществляются между двумя странами: Китай - Монголия или Монголия - Россия). При этом значение автомобильных пунктов пропуска на монголо-китайской границе значительно возросло за последние 20 лет, что обусловлено освоением минеральных ресурсов в Монголии и последующим их вывозом в Китай (см. табл.).

Грузопотоки начали стремительно нарастать через пункты пропуска, расположенные поблизости от крупнейших мест добычи угля в монгольском аймаке Умнеговь. Главным образом уголь поставляется на предприятия сталелитейной отрасли соседнего китайского региона - Автономного района Внутренняя Монголия [9]. Ежедневно через эти пункты пропуска проходит более тысячи фур, очередь из которых растягивается до 100 км.

Таблица. Монгольский экспорт основных видов сырья через пункты пропуска
Table. Mongolian export of main raw material resources through border checkpoints

Вид сырья	2017 г.	2019 г.	2021 г.	Основные пункты пропуска
Уголь, млн т	33,4	36,6	16,1	Гашуунсухайт - Ганцмод, Шиввэхурэн - Сэхэ
Медный концентрат, тыс. т	1447,2	1403,6	1282,5	Гашуунсухайт - Ганцмод, Замын-Ууд - Эрлянь (ж/д)
Концентрат железной руды, тыс. т	6258	8448,8	7106,2	Замын-Ууд - Эрлянь (ж/д)
Сырая нефть, тыс. барр.	7514,2	6545,2	4348,9	Бичигт - Зуун-Хатавч

Источник: Единая база статистических данных Монголии (на монгол. яз.). <http://1212.mn> (accessed 15.04.2022)

Проблема эффективной транспортировки минеральных ресурсов ожидает решения за счет строительства железных дорог - еще в 2010 г. Великий государственный хурал Монголии обозначил основные направления государственной политики в области железнодорожного транспорта [10]. Потребность в железных дорогах стала особенно заметна в период пандемии *COVID-19*, когда ограничительные меры на автомобильных пунктах пропуска негативно сказались на экспорте продукции горнодобывающей отрасли, в первую очередь угля. Жесткие меры, начиная от карантина водителей фур, многоэтапной санитарной обработки транспорта до полного закрытия пунктов пропуска в периоды вспышек заболеваемости *COVID-19*, привели к кратному снижению объемов экспорта угля.

Отсутствие адекватной приграничной инфраструктуры не позволило Монголии воспользоваться благоприятной рыночной конъюнктурой, создавшейся после отказа Китая от поставок австралийского угля с конца 2020 г. [11].

НОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: РЕАЛИЗАЦИЯ АМБИЦИОЗНЫХ ПЛАНОВ МОНГОЛИИ

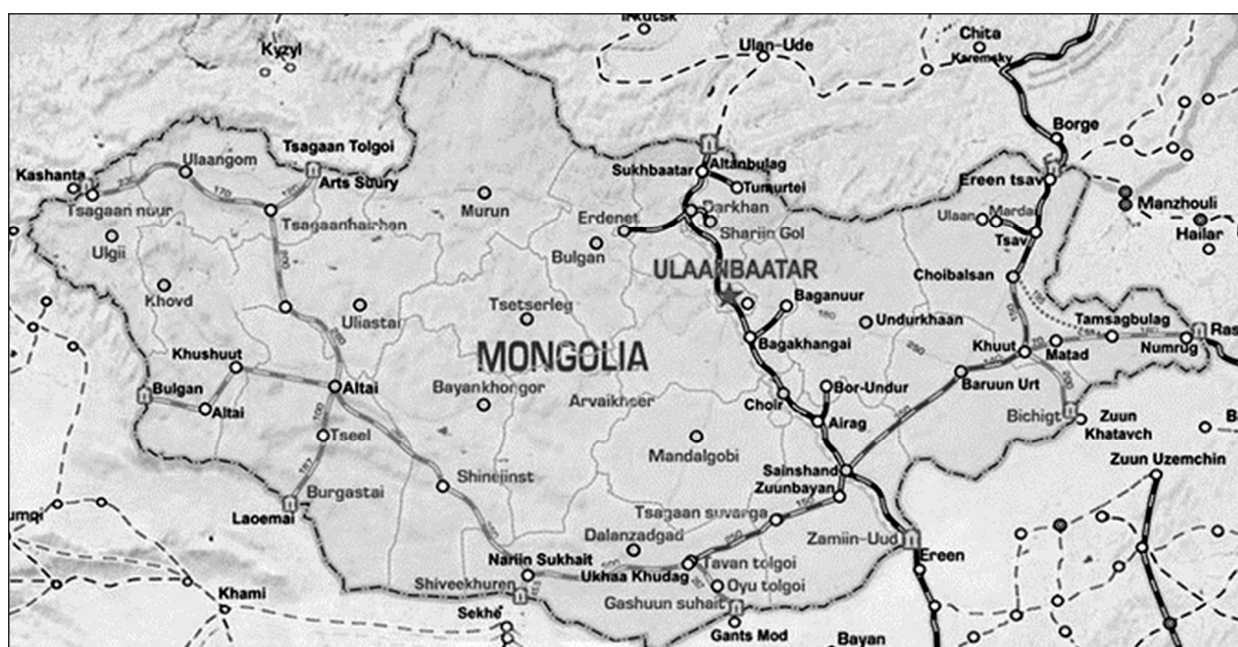
Пандемия *COVID-19* наглядно показала назревшие ограничения в инфраструктурной связанности в трансграничье России, Монголии и Китая.

Во-первых, увеличилась нагрузка на Трансмонгольскую железную дорогу: этому способствовало перенаправление части грузов с автомобильного и воздушного транспорта. В условиях распространения коронавирусной инфекции железнодорожный транспорт в меньшей степени оказался подвержен влиянию ог-

раничительных мер, а с осени 2020 г. железнодорожные трансконтинентальные грузоперевозки стали более привлекательными ввиду значительного подорожания морского фрахта [1].

Во-вторых, с началом пандемии *COVID-19* проявилась уязвимость автомобильного транспорта в обеспечении бесперебойной торговли. Приостановка деятельности автомобильных пунктов пропуска на российско-монгольской границе, равно как и на монголо-китайской границе, неизбежно вызывала скопление грузов в приграничных регионах и осложнение логистических цепочек, влияя в конечном счете на внешнеэкономические связи стран [12]. Таким образом, возросла актуальность как модернизации Трансмонгольской железной дороги, так и форсированного строительства железных дорог в Монголии с целью расширения возможностей экспорта продукции горнодобывающей отрасли.

Как было отмечено, освоение крупных месторождений полезных ископаемых становится мощным стимулом для развития железнодорожной сети Монголии. Ключевые направления государственной политики в области железнодорожного транспорта были утверждены соответствующим Постановлением Великого государственного хурала от 2010 г. В основу документа легли разработки международной консалтинговой фирмы *McKinsey & Company*. В общей сложности было запланировано трехэтапное строительство железных дорог протяженностью 5,7 тыс. км, что предполагало колоссальные изменения при существующих 1,9 тыс. км (см. карту). Позже, в 2018 г., в Постановление были внесены изменения, в том числе добавлены новые участки строительства железных дорог: Зуунбаян - Ханги (280 км) и Эрдэнэт - Арцсуурь (780 км). Таким образом, протяженность планируемых железнодорожных линий составляет 6,6 тыс. км [13].



Карта. Долгосрочные планы развития сети железных дорог Монголии.
Map. Long-term plans for the development of the Mongolian railway network.

Источник: Новые железнодорожные проекты (на монгол. яз.).
<http://www.mtz.mn/content/show/id/1015> (accessed 16.04.2022)

Проекты первого этапа (1100 км) направлены на соединение угольного бассейна Таван-Толгой с Трансмонгольской магистралью (станция Зуунбаян) и последующее соединение с железнодорожной веткой Чойбалсан - Эрэнцав - Соловьевск. Второй этап подразумевает строительство железнодорожных веток в направлении монголо-китайской границы по маршрутам Нарийн-Сухайт - Шивээхурэн (45,5 км), Таван-Толгой - Гашуунсухайт (267 км), Хуут - Бичигт (200 км), Зуунбаян - Ханги (280 км), а также удлинение железной дороги от г. Эрдэнэт до пункта пропуска Арцсуурь на границе с Россией (780 км). Реализация проектов третьего этапа намечена в западной части Монголии¹.

Таким образом, потенциал развития горнодобывающего сектора Монголии стал реально рассматриваться в более широком контексте с точки зрения выхода на международный рынок через морские порты на китайском и российском дальневосточном побережье.

¹ State policy in the field of railway transport / Decree of the State Great Khural of Mongolia № 32 of 2010 (In Mong.).
<https://mrt.d.gov.mn/i/2559> (accessed 31.03.2022)

Создание сети железных дорог в Монголии отвечает интересам и России, и Китая - повышается их инфраструктурная связанность при условии существующих встречных железных дорог. Если со стороны Китая железнодорожные коммуникации уже подведены к границе с Монголией, то возможный отказ России от строительства железной дороги Курагино - Кызыл с последующим удлинением до границы (пункты пропуска Цаган Толгой - Арцсуурь) ставит под вопрос амбициозные планы Монголии по созданию железнодорожной инфраструктуры на западе страны.

Разные технологические стандарты железных дорог соседних стран, необходимость выбора ширины колеи для своих дорог долгое время были предметом обсуждения в Монголии. В соответствии с государственной политикой в области железнодорожного транспорта, строительство железных дорог в Монголии предусмотрено с шириной колеи 1520 мм с возможностью возведения узкой колеи (1435 мм) на отдельных участках (непосредственно от месторождений до пунктов пропуска на границе с Китаем). Тем не менее, несмотря на эти допущения, строительство железных дорог Таван-Толгой - Гашуунсухайт и Зуунбаян - Ханги ведется по стандартам широкой колеи.

В настоящее время в железнодорожном секторе Монголии реализуются 3 крупных проекта: строительство участков Таван-Толгой - Зуунбаян, Таван-Толгой - Гашуунсухайт, Зуунбаян - Ханги.

Для России большой интерес представляет строительство железнодорожной линии Таван-Толгой - Зуунбаян, начатое в мае 2019 г. и практически завершенное к марту 2022 г. Эта ветка протяженностью 414 км позволит интегрировать богатые монгольские месторождения угля и меди, вольфрама, цинка, плавленого шпата в азиатский рынок полезных ископаемых. Тем самым открываются новые возможности для транспортировки минерального сырья и продуктов его переработки, в т.ч. в Россию через пограничный переход Наушки - Сухэ-Батор, далее по Транссибирской магистрали к российским портам на Дальнем Востоке и далее - в третьи страны. Другое дело, что транзит монгольского угля во многом будет зависеть от устранения значительных узких мест как железнодорожных, так и портовых мощностей на Дальнем Востоке².

Успешный опыт строительства собственными силами железной дороги Таван-Толгой - Зуунбаян ускорил реализацию следующего проекта - в марте 2022 г. на условиях концессионного соглашения начато строительство железной дороги Зуунбаян - Ханги протяженностью 226 км [14]. Хотя этот маршрут не вошел в первоначальные планы развития железных дорог Монголии (был включен лишь в 2018 г.), коллапсы на пунктах пропуска в период пандемии *COVID-19* вынудили правительство форсировать строительство железной дороги от станции Зуунбаян до пункта пропуска Ханги на границе с Китаем (с китайской стороны - пункт пропуска Мандал).

Новый участок позволит диверсифицировать грузовые потоки, следующие по Трансмонгольской железной дороге, и разгрузить участок Замын-Ууд - Эрлянь. Прежде всего, на альтернативную ветку планируется переориентировать поставки железной руды из аймаков Дархан и Сэлэнгэ в крупный центр металлургии на севере Китая - город Баотоу, сократив при этом маршрут поставки на 318 км [15]. Открытие нового стратегически важного маршрута для выхода на китайский рынок дает основания монгольской стороне считать, что маршрут может быть востребован и Россией. Можно сказать, что Монголия учитывает уроки пандемии и форсирует диверсификацию логистических возможностей экспорта и импорта.

Весной 2022 г. Улан-Батор анонсировал подготовку к реализации следующих проектов: строительство железных дорог Арц-Суурь - Нарийнсухайт - Шивээхурэн (780 км) на западе, а также Чойбалсан - Хуут и Хуут - Бичигт (426 км) на востоке³. В ответ на эту новость российские регионы готовят обращение к руководству страны с просьбой возобновить строительство железной дороги Кызыл (Тува) - Курагино (Красноярский край), завершение которой позволило бы России получить новый транзитный коридор в Китай и Монголию и помогло бы российской экономике в продвижении в Азию в условиях западных санкций⁴. Таким образом, создаются условия для перспективного запуска Западного и Восточного железнодорожных коридоров, намеченных Программой создания экономического коридора.

Очевидно, что строительство железных дорог в Монголии будет кардинально менять инфраструктуру пограничных переходов в трансграничье трех стран, в первую очередь - на границе Монголии с Китаем.

² Магистральный транзит поможет завершить российский поворот на Восток. 2022. <https://vostokmedia.com/news/economy/28-04-2022/magistralnyy-tranzit-pomozhet-zavershit-rossiyskiy-povorot-na-vostok> (accessed 31.03.2022)

³ Work will continue with the construction of the western and eastern vertical railways (In Mong.). <https://mrtld.gov.mn/i/2969> (accessed 05.04.2022)

⁴ Власти регионов Енисейской Сибири готовят обращение о возобновлении строительства железной дороги в Туву. 2022. https://www.tuvaonline.ru/2022/04/16/vlasti-regionov-eniseyskoy-sibiri-gotovyat-obraschenie-o-vozobnovlenii-stroitelstva-zheleznoy-dorogi-v-tuvu.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (accessed 25.04.2022)

Помимо существующего с 1956 г. единственного железнодорожного пункта пропуска Замын-Уд - Эр-лянь, намечается открытие 4 новых железнодорожных переходов на монголо-китайской границе, ориентированных преимущественно на перевозку минерального сырья. По трем из них (Гашуунсухайт - Ганц-мод, Шивээхурэн - Сэхэ и Бичигт - Зун-Хатавч) уже достигнуты официальные согласования - в 2020 г. эти пункты пропуска вошли в Соглашение о пунктах пропуска на монголо-китайской границе и их режимах⁵. Вместе с тем есть основания полагать, что благодаря форсированному строительству железной дороги Зунбаан - Ханги 4-й новый пункт пропуска Ханги - Мандал будет запущен раньше остальных.

В целом тема развития пограничных пунктов пропуска получила особую актуальность в Монголии с началом пандемии *COVID-19*, когда страна сразу же ощутила негативные последствия от введения ограничений международных грузопотоков.

Уроки пандемии, включая необходимость создания адекватной трансграничной инфраструктуры, были учтены в «Новой политике возрождения» («Шинэ сэргэлтийн бодлого»), представленной Улан-Батором в декабре 2021 г. Возрождение пограничных пунктов пропуска стало одним из 6 ключевых направлений новой политики (наряду с возрождением энергетической отрасли, промышленности, городов и сел, зеленого развития и государственной эффективности) и предполагает создание социальной инфраструктуры и свободных экономических зон, строительство национальной железнодорожной сети, увеличение пропускной способности Улан-Баторской железной дороги, соединение пограничных пунктов пропуска автомобильными дорогами и др.⁶

Кроме всего прочего, инфраструктурный ландшафт в трансграничье трех стран, скорее всего, будет включать инфраструктуру транспортировки газа из России в Китай через Монголию. Хотя строительство газопровода не входит в перечень проектов Программы создания экономического коридора, в этом направлении проделана существенная работа трех сторон. В 2019 г. АО «Газпром» было поручено рассмотреть вариант строительства газопровода «Сила Сибири - 2» через территорию Монголии. В августе 2020 г. была создана компания специального назначения «Газопровод Союз Восток» и началась разработка технико-экономического обоснования проекта. В ноябре 2021 г. был впервые озвучен срок начала строительства газопровода - 2024 г., а в феврале 2022 г. стороны заявили о начале проектно-изыскательских работ. Таким образом, проект обретает все более четкие черты⁷.

Очевидно, что строительство газопровода через Монголию существенно усилит потенциал развития экономического коридора Китай - Монголия - Россия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Инфраструктурный ландшафт в трансграничье России, Монголии и Китая меняется и, видимо, продолжит неравномерно «обогащаться». Мы видим, что кардинальные преобразования связаны с развитием железнодорожной сети Монголии, созданием новых пограничных переходов на границе с Китаем. Налаживание эффективного функционирования трансграничной транспортно-логистической инфраструктуры становится стратегическим приоритетом монгольской экономической политики. Общей задачей для трех стран является интегрирование транспортных сетей в систему международных железнодорожных и автомобильных коридоров. Для России налицо необходимость развития инфраструктуры внешней торговли в приграничных регионах, особенно в новых реалиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационно-аналитический обзор «Контейнерные железнодорожные перевозки на евразийском пространстве в 2021 году». 2022. <https://index1520.com/analytics/konteynerye-zheleznodorozhnye-perevozki-na-evraziyskom-prostranstve-v-2021-godu/> (accessed 10.03.2022)
2. Володин А.Б. Пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации как ключевое звено трансграничной инфраструктуры. *Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы*. Под ред. В.А.Колосова и А.Б.Володина. М., 2016. С. 138-142.
3. Намжилова В.О., Батомункуев В.С. Монголо-китайская граница: преобразования приграничной инфраструктуры и влияние ЭПШП. *Проблемы Дальнего Востока*. 2021, № 1, с. 1-12. DOI: 10.31857/S013128120013887-6
4. Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Подходы к оценке барьерности российских границ. *Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы*. Под ред. В.А.Колосова и А.Б.Володина. М., 2016. С. 26-43.

⁵ Minister of Foreign Affairs of Mongolia N.Enkhtaivan held talks with Minister of Foreign Affairs of China Wang Yi (In Mong.). <http://www.mfa.gov.mn/?p=52170> (accessed 16.09.2020)

⁶ Revival of ports to expand the economy (In Mong.). <https://dorgio.mn/p/136466> (accessed 05.04.2022)

⁷ Самофалова О. Зачем России и Китаю нужен дублер «Силы Сибири». 2021. <https://vz.ru/economy/2021/11/14/1128768.html> (accessed 14.11.2021)

5. Рыгзынов Т.Ш., Батомункуев В.С. Зонирование инфраструктуры для совершенствования механизмов развития российско-монгольского трансграничья. *География и природные ресурсы*. 2016, № 2, с. 156-165.
6. Уянаев С.В. Новые «Шёлковые пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты». *Китай в мировой и региональной политике. История и современность: ежегодное издание*. Сост., отв. редактор Е.И.Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2015. Вып. XX. С. 242-259.
7. Study of the main problems in the construction of the China-Mongolia-Russia economic corridor. 2016. Beijing. (In Chin.)
8. Дондоков З.Б.-Д., Борисов Г.О., Намжилова В.О. Россия-Монголия-Китай: перспективы трехстороннего сотрудничества. *Проблемы Дальнего Востока*. 2016, № 1, с. 93-101.
9. Намжилова В.О. Внутренняя Монголия как энергетический форпост Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 2, с. 22-29. DOI: 10.31857/S032150750008469-7
10. Грайворонский В.В. Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества. *Восточная аналитика*. 2011, № 2, с. 123-130.
11. Nyamsuren J. Missed Opportunities for Mongolia and Golden Opportunities for Russia (In Mong.). 2021. <https://news.mn/r/2470514/?fbclid=IwAR1GngP434NKSoWIXwtzb1RqsulRJY8eXQJbq2Mo7-f2Qi7w1009gLCmNww> (accessed 31.08.2021)
12. Намжилова В.О. Российско-монгольские торгово-экономические отношения: дальневосточные перспективы. *Регионалистика*. 2021, № 1, с. 29-38. DOI: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.29>
13. Gantuya N. Zuunbayan-Khangai and Erdenet-Ovut-Artssuur railway projects are reflected in state policy (In Mong.). <https://montsame.mn/ru/read/94342> (accessed 31.03.2022)
14. Munkhbaatar S. A concession agreement will be signed for the Zuunbayan-Khangai railway project (In Mong.). <https://montsame.mn/mn/read/291772> (accessed 31.03.2022)
15. Erdenebulgan Kh. Construction of Zuunbayan-Khangai railway started (In Mong.). <https://montsame.mn/mn/read/292070> (accessed 05.04.2022)

REFERENCES

1. Information and analytical review "Container rail transportation in the Eurasian space in 2021" (In Russ.). <https://index1520.com/analytics/konteynernye-zheleznodorozhnye-perevozki-na-evraziyskom-prostranstve-v-2021-godu/> (accessed 10.03.2022)
2. Volodin A.B. 2016. Checkpoints across the state border of the Russian Federation as a key link in the cross-border infrastructure. *Russian Borderlands: Socio-Political and Infrastructural Problems*. (In Russ.)
3. Namzhilova V.O., Batomunkuev V.S. 2021. Mongolian-Chinese Border: Transformation of Border Infrastructure and the Impact of the SREB. *Far Eastern Studies*. № 1. Moscow. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013128120013887-6
4. Kolosov V.A., Zotova M.V., Sebentsova A.B. 2016. Approaches to assessing the barriers of Russian borders. *Russian Borderlands: Socio-Political and Infrastructural Problems*. (In Russ.)
5. Rygzynov T.Sh., Batomunkuev V.S. 2016. Zoning of the infrastructure for improving the mechanisms for development of the Russian-Mongolian transboundary territory. *Geography and Natural Resources*. № 2. Irkutsk. (In Russ.)
6. Uyanaev S.V. 2015. New "silk roads" of China: principles and parameters of official "road map". *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. (In Russ.)
7. Study of the main problems in the construction of the China-Mongolia-Russia economic corridor. 2016. Beijing (In Chin.)
8. Dondokov Z.B.-D., Borisov G.O., Namzhilova V.O. 2016. Russia - Mongolia - China: trilateral cooperation prospects. *Far Eastern Studies*. № 1. Moscow. (In Russ.)
9. Namzhilova V.O. 2020. Inner Mongolia as China's energetic frontier. *Asia and Africa today*. № 2. Moscow (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750008469-7
10. Grayvoronsky V.V. 2011. Modernization of railway transport in Mongolia and the role of Russian-Mongolian cooperation. *Vostochnaya analitika*. № 2. Moscow. (In Russ.)
11. Nyamsuren J. Missed Opportunities for Mongolia and Golden Opportunities for Russia (In Mong.). <https://news.mn/r/2470514/?fbclid=IwAR1GngP434NKSoWIXwtzb1RqsulRJY8eXQJbq2Mo7-f2Qi7w1009gLCmNww> (accessed 31.08.2021)
12. Namzhilova V.O. 2021. Russian-Mongolian trade and economic relations: Far Eastern prospects. *Regionalistika*. № 1. Khabarovsk. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.29>
13. Gantuya N. Zuunbayan-Khangai and Erdenet-Ovut-Artssuur railway projects are reflected in state policy (In Mong.). <https://montsame.mn/ru/read/94342> (accessed 31.03.2022)
14. Munkhbaatar S. A concession agreement will be signed for the Zuunbayan-Khangai railway project (In Mong.). <https://montsame.mn/mn/read/291772> (accessed 31.03.2022)
15. Erdenebulgan Kh. Construction of Zuunbayan-Khangai railway started (In Mong.). <https://montsame.mn/mn/read/292070> (accessed 05.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Намжилова Виктория Очировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела региональных экономических исследований, Бурятский научный центр СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Victoria O. Namzhilova, PhD (Economics), Senior Researcher, Department of Regional Economic Studies, Buryatia Scientific Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 13.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 02.09.2022

Политическое лето 2022 г. в Японии: буря перед затишьем?

© Стрельцов Д.В.^{a,b}, 2022

^a МГИМО Университет, Москва, Россия

^b Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7177-2831; d.streltsov@inno.mgimo.ru

Резюме. В статье рассматриваются политические процессы в Японии лета 2022 г. Центральное место среди них занимают прошедшие в июле выборы в палату советников, которые принесли победу правящей коалиции в составе Либерально-демократической партии и Комэйто.

Основной причиной уверенного выступления консерваторов автор видит то, что премьер-министр Фумио Кисида уловил в своей предвыборной программе тренд в сторону поправления настроений в японском обществе, когда на фоне ужесточения среды безопасности вокруг Японии его основная часть стала «с пониманием» относиться к росту военных расходов, пересмотру ст. 9 Конституции и отмене иных пацифистских ограничений.

Автор также рассматривает проведенные японским премьером после выборов кадровые перестановки в кабинете министров; на посты глав ведомств, занимающихся выработкой стратегических решений в ключевых областях, пришли люди с опытом работы на министерских должностях. Показывая свою приверженность идее единства партии, Кисида вернулся к принципам межфракционного баланса сил при формировании правительства, введя в кабинет, в соответствии с пожеланиями фракционных лидеров, значительное количество новичков.

Ключевые слова: Япония, выборы в палату советников, изменение конституции, «плавающие голоса», поправление электорального поля, кадровые перестановки кабинета министров, межфракционный расклад сил

Для цитирования: Стрельцов В.В. Политическое лето 2022 г. в Японии: буря перед затишьем? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 21-28. DOI: 10.31857/S032150750021703-5

The political summer of 2022 in Japan: A storm before a lull?

© Dmitry V. Streltsov^{a,b}, 2022

^a MGIMO University, Moscow, Russia

^b Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7177-2831; d.streltsov@inno.mgimo.ru

Abstract. The article addresses the political processes in Japan in the summer of 2022. The central place among them is occupied by the elections to the House of Councilors held in July, which brought victory to the ruling coalition of the Liberal Democratic Party and Komeito. As the main reason for the strong performance of the conservatives in the author views is the fact that Prime Minister Fumio Kishida grasped and duly took into account in his election program a shift to the right in the mainstream sentiment of the Japanese society, under which, against the background of the tightening security environment around Japan, it began to show “understanding” to the growth of military spending, the revision of Article 9 of the Constitution and the abolition of other pacifist restrictions.

Kishida returned to the principles of the inter-factional balance of power in the cabinet reshuffle, introducing a significant number of newcomers in accordance with the wishes of the factional leaders.

Given the current situation in the parliament, as well as the fact that national elections are not expected in Japan until 2025, Kishida received a huge freedom of hands, not being bound by the need to constantly act basing on the considerations of political expediency. So far, he has shown himself to be a loyal disciple of his predecessor Abe, with great reverence for most of his endeavors, but it is still difficult to say whether he will continue Abe’s policy in all areas.

Keywords: Japan, elections to the House of Councilors, constitutional amendment, “floating votes”, shift to the right of the electorate, cabinet reshuffle, inter-factional balance of power

For citation: Dmitry V. Streltsov. The political summer of 2022 in Japan: A storm before a lull? *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 21-28. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750021703-5

ВВЕДЕНИЕ

Пришедший к власти в октябре 2021 г. кабинет Фумио Кисиды к лету 2022 г., когда в стране должны были пройти выборы в верхнюю палату (палата советников) японского парламента, столкнулся с целым рядом проблем, которые не позволяли ему смотреть в будущее с оптимизмом.

Прежде всего, партии власти не удалось продемонстрировать значимых успехов в области экономики, которая стала для страны главной темой политической повестки дня. Следует напомнить, что флагман-

ским экономическим проектом японского премьера, «лицом» возглавляемых им правительств явилась инициатива «Нового капитализма»¹. Она предполагала запуск новой модели развития на основе «добродетельного цикла роста» и «лучшего распределения доходов», призванной помочь справиться с насущной для Японии проблемой социального неравенства.

В реальности та часть инициативы, которая была основана на «более справедливом перераспределении», не работала. Премьер так и не озвучил механизмов того, каким образом можно добиться одновременно и экономического роста, и роста зарплат - его риторика сводилась к пожеланию, чтобы компании повышали зарплаты ежегодно на 3%, без пояснения конкретных методов достижения этой цели. Фактически повисло в воздухе и предложение Кисиды, к слову сказать, звучавшее из уст бывшего премьера С. Абэ еще в 2010 г.: повысить минимальный почасовой уровень зарплаты до 1000 иен (около \$7,3) - премьер не озвучил на этот счет никаких временных ориентиров. На все просьбы журналистов на правительственных брифингах конкретизировать сказанное неизменно звучало предложение «подождать до выборов» [1].

Ситуацию усугубляло ускорение инфляции, приблизившейся к лету 2022 г. к отметке 2% годовых, которая во многом явилась следствием роста мировых цен на нефть, от импорта которой Япония зависит практически полностью. Инфляция сопровождалась резким удешевлением иены, курс которой по отношению к доллару упал до 24-летнего минимума. При этом, несмотря на умеренный рост экономики, зарплаты в стране не росли, а инфляция «била» в первую очередь по низкодоходным слоям населения.

Можно лишь строить предположения, почему экономическая программа японского премьера не вышла за рамки популистской риторики, не вылившись в какой-либо документ с четкими цифровыми и временными ориентирами. Возможно, Кисида не хотел «обижать» накануне выборов своей левой риторикой Федерацию экономических организаций - Ниппон Кэйданрэн, выступающую крупнейшим спонсором правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). Следует также учитывать и внутрипартийный расклад сил - Кисида не мог ссориться с наиболее мощными консервативными фракциями Асо и Абэ, которые могли лишить его своей поддержки за «склонность к социализму». Однако факт остается фактом - инициатива «Нового капитализма» так и не показывала реальных результатов в практическом плане.

Чтобы продемонстрировать к выборам хоть какие-то положительные результаты, в конце мая 2022 г. правительство приняло дополнительный бюджет, предлагающий государственные субсидии для снижения цен. Кабинет Кисиды объявил о реализации Плана комплексных экстренных мер для поддержки населения и предприятий Японии, согласно которому из госбюджета в течение 2022 г. направлялось в виде различных субсидий 6,2 трлн иен (около \$41 млрд) малым и средним предприятиям, а также рядовым гражданам страны [2, с. 137].

Но реальный эффект этого плана был минимальным, никакого влияния на финансы обычных домохозяйств он не оказал. В стране продолжали преобладать пессимистические настроения как в связи с инфляцией, так и по поводу способности правительства сдерживать рост цен. Согласно опросам общественного мнения, проведенным после принятия дополнительного бюджета, 56% японцев негативно отнеслись к попытке правительства стабилизировать цены. В другом опросе 64% респондентов заявили, что уровень текущей инфляции является «неприемлемым» [3].

Следующим вызовом для кабинетов Кисиды была сфера безопасности, ставшая для политической повестки дня одной из центральных на всю первую половину 2022 г. После начала «российского вторжения» на Украину правительство Кисиды заняло демонстративно жесткую позицию по отношению к России, присоединившись к единому санкционному фронту Запада. Большую озабоченность в Японии вызывала ситуация вокруг Тайваня и растущая напористость Китая в регионе, особенно наращивание им военной мощи, в т.ч. в акваториях вокруг Японии.

На этом фоне Кисида оказался перед сложным выбором. С одной стороны, он позиционировал себя как умеренного политика, имеющего, скорее, репутацию «голубя», которая в момент его прихода к власти резко контрастировала с имиджем «ястреба» Абэ, склонного к националистической риторике. Выходец из Хиросимы, Кисида во многом опирался на пацифистски настроенные слои избирателей, непримиримо настроенные не только к ядерному оружию, но и к изменению ст. 9 Конституции, и потому считался «либералом» и «пацифистом». Репутация Кисиды также держалась на том, что возглавляемая им фракция в ЛДП «Котикай», относящаяся к «основному течению» ЛДП и восходящая к Либеральной партии Сигэру Ёсиды, считается одной из наиболее «умеренных» в отношении военного строительства. Не случайно предшественники Кисиды на посту главы этой фракции, включая Макото Когу, активно выступали против изменения ст. 9 Конституции [4].

С другой стороны, обострение проблематики безопасности, связанное с украинским кризисом и ситуацией вокруг Тайваня, требовало от Кисиды принятия решительных мер, которые не соотносились с его

¹ См.: https://japan.kantei.go.jp/ongoingtopics/kishida_basic_policy.html (accessed 23.08.2022)

«голубиной» позицией. На японского премьера оказывало влияние и существенное изменение настроений в японском обществе - гораздо больше граждан страны стали «с пониманием» относиться к росту военных расходов, пересмотру ст. 9 Конституции и отмене иных пацифистских ограничений. Так, по опросу газеты «Санкэй» и телекомпаний «Фудзи», проведенному в мае 2022 г., к приобретению Японией потенциала для нанесения ударов по вражеским базам положительно относятся 64,7% респондентов, а более 60% респондентов согласились с необходимостью увеличения оборонных расходов страны².

Конфликт на Украине значительно усилил осознание японцами рисков в их собственном регионе, и особенно угроз, исходящей от Китая. По опросам общественного мнения, проведенным весной 2022 г., 90% японцев заявили, что они «испытывают озабоченность» по вопросам безопасности Японии и возможного вторжения Китая на Тайвань³. В другом опросе, проведенном совместно газетой *Nikkei* и телекомпанией *TV Tokyo* в феврале 2022 г., 77% респондентов выразили обеспокоенность тем, что действия России могут вдохновить Китай на аналогичные действия против Тайваня [5].

На этом фоне явно качнулся вправо и сам Ф.Кисида. Продолжая дело Абэ, с которым Кисиду связывали близкие отношения, несмотря на принадлежность к разным фракциям (Абэ был главой правоконсервативной фракции), японский премьер в своей предвыборной программе выступил за изменение ст. 9 Конституции, увеличение в течение 5 лет оборонного бюджета до стандартов, действующих для стран-членов НАТО (до 2% ВВП в год), обретение наступательных видов вооружений для нанесения превентивного удара по вражеским базам и т.д. И хотя акцент Кисиды на увеличении военных расходов не является чем-то новым (эта политика проводилась и при премьерстве С.Абэ), ни один японский лидер ранее пока не заявлял о конкретной и столь масштабной цели удвоения в среднесрочной перспективе оборонного бюджета. Многие также обратили внимание на жесткость заявлений Кисиды по поводу «угрозы со стороны Китая», прозвучавших на саммите «Большой семерки» в июне в Германии [4].

ВЫБОРЫ В ПАЛАТУ СОВЕТНИКОВ

Выборы в верхнюю палату парламента имеют ключевое значение с точки зрения подтверждения доверия японского общества к правящей партии и её лидеру. В 248-местной верхней палате предстояло замещать 124 места (а в реальности 125, с учетом одного дополнительного места от префектуры Канагава, появившегося в результате досрочного сложения полномочий депутатом этого округа).

Исторический опыт свидетельствует, что плохие для партии власти результаты выборов в палату советников становятся триггером для бесславного ухода премьер-министра и его правительства в отставку. Так, например, было в 1998 г., когда с поста премьера был вынужден уйти Р.Хасимото, и в 2007 г., когда та же участь постигла С.Абэ. Поэтому сейчас на кону для Кисиды стояла его личная судьба, дальнейшие перспективы его политической карьеры.

В преддверии выборов Кисида установил для своей партии крайне низкую планку - 56 мест (в переизбираемой части у партий правящего блока было 69 мест) [3]. Это был тактический ход, поскольку Кисида мог претендовать на большую победу, если бы коалиция получила дополнительные места сверх столь скромной цели.

По итогам состоявшихся 10 июля выборов правящая Либерально-демократическая партия завоевала 63 места, увеличив на 8 мест свое представительство в палате советников, которое, с учетом непереизбираемой части, теперь составило 119 мандатов.

Помимо в целом не вызывающей сомнения предвыборной программы ЛДП и отсутствия явных фактов, компрометирующих лидера страны и членов его кабинета, большую роль в победе ЛДП, по признанию многих наблюдателей, сыграл фактор сочувствия: выборы состоялись после трагической гибели бывшего премьера Синдзо Абэ, который был застрелен во время выступления на предвыборном митинге 8 июля, т.е. всего за два дня до голосования. Поддержать партию власти пришли многие избиратели, изначально не планировавшие этого делать. Именно поэтому явка на выборах, составившая 52,05%, была на 3,25% больше, чем на предыдущих выборах 2019 г.⁴ Трагедия толкнула в пользу либерал-демократов и тех избирателей, которые не имеют четких партийных пристрастий и делают свой выбор в самый последний момент.

На руку правящей коалиции, как это было и ранее, играл хронический раскол в рядах оппозиции, которой так и не удалось преодолеть внутренние разногласия. Например, если на прошлых выборах в верхнюю

² См.: <https://japan-forward.com/poll-%E3%83%BC-64-see-enemy-base-strike-capability-as-necessary/> (accessed 23.08.2022)

³ Editorial: Calm, realistic debate on security needed ahead of election in Japan. *The Mainichi*. 27.06.2022. <https://mainichi.jp/english/articles/20220627/p2a/00m/0op/008000c> (accessed 23.08.2022)

⁴ См.: <https://www.nippon.com/en/news/yjj2022071000315/> (accessed 23.08.2022)

палату 2019 г. единый кандидат от оппозиции присутствовал во всех 32 одномандатных округах, на нынешних выборах единую кандидатуру удалось согласовать только в 11 округах. В результате ЛДП победила в 28 из 32 одномандатных округов, тогда как на прошлых выборах - только в 22. Оппозиция одержала победу только в 4 одномандатных округах (для сравнения: на выборах 2016 г. - в 11, 2019 г. - в 10)⁵. Например, если на двух предыдущих выборах в округе префектуры Ниигата побеждал единый кандидат от оппозиции, сейчас с большим перевесом победу одержал кандидат от ЛДП.

Выборы были неудачными для крупнейшей оппозиционной партии - Конституционно-демократической (КДП) (японской «партии кадетов»), которая лишилась сразу 6 мандатов. Эта партия социал-демократического толка после поражения на выборах в нижнюю палату осенью 2021 г. сделала многое для обновления своего имиджа, полностью сменила партийное руководство, отказалась от электоральных соглашений с коммунистами, которые сильно раздражали многих её избирателей. И хотя КДП осталась второй партией в палате советников, имея 39 мандатов, левый спектр японского политического небосклона существенно потускнел. Единственным положительным моментом для КДП стало то, что кандидаты от этой партии смогли более открыто и четко формулировать предвыборную программу, не будучи связанными электоральными соглашениями с другими партиями.

В результате отсутствия координации между оппозиционными партиями выбор для «протестного избирателя», решившегося прийти на избирательный участок, был достаточно простой - голосовать за «левую оппозицию» в лице Конституционно-демократической партии или за «правую оппозицию» в лице Партии обновления Японии (*Hinpan ishin-no kai*). Такой альтернативы ранее не существовало, т.к. Партия обновления на прошлых выборах воспринималась больше как региональная партия.

Партия обновления сделала в своей предвыборной платформе ставку на популистские лозунги в сфере военной безопасности. Эта партия выступает за решительную отмену ст. 9 Конституции, активное военное строительство, реализацию доктрины *nuclear sharing* - совместного с США управления ядерным оружием [6]. В результате партия добилась заметного успеха, получив на выборах 12 мест (против 6 мест в переизбираемой части палаты до выборов). Обращало на себя внимание то, что партия достаточно успешно выступила в префектуральных округах, а в общенациональном округе пропорционального представительства она впервые вышла на второе место, получив около 7,85 млн голосов - больше, чем кадеты, за которых голосовали около 6,77 млн избирателей⁶. За Партию обновления проголосовали главным образом избиратели, выступающие за более активную политику в области военной безопасности и считающие Кисиду «слабаком», неспособным на её качественное изменение. Успешное выступление партии стало знаковым событием в японской политической жизни - она вышла из рамок политической силы региона Кансай и стала претендовать на роль крупнейшей политической силы национального уровня.

Что касается прочих политических сил, выборы не принесли больших сюрпризов. Партнер ЛДП по правящей коалиции - партия Комэйто - получила 13 мест, и хотя она потеряла одно место, правящий блок сохранил в верхней палате уверенное большинство в 146 мест из 248. Коммунисты, потеряв 2 места, тем не менее сохранили в верхней палате 11 мандатов, что по-прежнему позволяет им выдвигать законодательные инициативы, которые должны быть поддержаны хотя бы 10 депутатами.

5 мест получила Демократическая партия для народа (ДПН) - еще одна центристская альтернатива ЛДП, появившаяся в свое время из «осколка» Демократической партии - теперь с учетом непереизбираемой части у неё в верхней палате 10 мест. Из числа прочих мелких партий обращает на себя внимание относительный успех партии «Рэйва синсэнгуми», выступающей с левопопулистских позиций и делающей упор на защиту интересов сексуальных меньшинств и инвалидов (5 мандатов, или на 3 больше, чем до выборов).

Итоги выборов привлекают к себе внимание и по-прежнему низкой явкой избирателей, которая проявилась, даже несмотря на указанный выше фактор сочувствия. Явка была почти на 4% ниже, чем на состоявшихся 31 октября 2021 г. выборах в нижнюю палату парламента, когда она составила 55,9%⁷. Основная часть протестного электората предпочла отсидеться дома, не видя для себя достойной политической силы, которую можно было бы поддержать в противовес ЛДП.

По сути, выборы показали, что японские избиратели не верят в возможность что-то изменить своим голосованием. Это подтверждает общенациональный опрос общественного мнения, проведенный газетой «Майнити симбун» накануне выборов: 42% респондентов хотели бы, чтобы оппозиционные партии увеличили свое представительство в верхней палате, по сравнению с 37%, которые высказали такое же пожела-

⁵ Did the Constitutional Democratic Party Show a Light of “Miserable Defeat”? The Phrase the Party President Izumi Used as an Excuse of Defeat. *J-CAST News*. 11.07.2022. <https://www.j-cast.com/2022/07/11441511.html> (In Jap.) (accessed 23.08.2022)

⁶ Number of Votes and Parliamentary Seats Received by Each Party in the Proportional District. *NTV*. 07.10.2022 (In Jap.)

⁷ См.: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14472475> (accessed 05.11.2021)

ние в отношении правящей коалиции⁸. Тем не менее результаты для оппозиции оказались обескураживающими, что означает одно - в реальный акт голосования эти настроения так и не вылились. Многие обозреватели считают такую феноменальную ситуацию кризисом демократии - в Японии, несмотря на широкую палитру политических взглядов, в электоральном поведении в реальности преобладает конформистский настрой.

Кроме того, обращает на себя внимание и то, что на фоне кризисной ситуации в области безопасности «плавающие голоса» в основном сработали в пользу правоцентристских партий - ЛДП и Общества обновления. Например, согласно экзит-поллам, проведенным агентством «Киодо», наибольший процент «плавающих голосов» в общенациональном округе пропорционального представительства, где голосование проходит за партию, получили именно правые силы: ЛДП - 21,9% и Общество обновления - 17,7% [7].

КАДРОВЫЕ ПЕРЕСТАНОВКИ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ ЯПОНИИ

Переформирование кабинета в Японии является рутинной практикой. Оно обычно проводится после общенациональных выборов и после июльских выборов в палату советников стало императивом для действующего премьера.

К кадровым перестановкам Кисиду подстегивало существенное снижение рейтингов возглавляемого им кабинета: по опросам *NHK*, популярность кабинета составила накануне выборов 46% - это самая низкая отметка с момента избрания Кисиды премьером в 2021 г. Только за три недели перед выборами этот показатель снизился на 13% [8]. Следует отметить, что японские премьеры в целом очень чувствительны к рейтингам - их снижение означает для них необходимость уйти в отставку [9, р. 80]. При этом неприятным сигналом для Кисиды стало падение популярности правительства именно после удачных, казалось бы, выборов в верхнюю палату. Помимо невыигрышной экономической ситуации и роста цен на продукты питания, против Кисиды работал резкий рост числа заболевших *COVID-19*.

Определенное недовольство в обществе вызвало решение кабинета провести за государственный счет похороны бывшего премьер-министра С.Абэ. Правительство заявило, что будет проводить похороны на основе Закона о канцелярии кабинета министров 2001 года, позволяющего правительству проводить за счет бюджета важные государственные церемонии, например интронизацию императора. Однако оппозиция выразила свое несогласие со столь широкой трактовкой этого закона, где не расшифровывается понятие «государственной церемонии».

Следует отметить, что после 1967 г., когда были проведены «государственные похороны» Сигэру Ёсиды⁹, похороны бывших премьеров проводились в рамках т.н. «партийно-правительственного» формата, когда их организаторами одновременно выступали правящая партия и кабинет министров. Это давало организаторам больше свободы рук, т.к. уровень мероприятия был «негосударственный» и оппозиция могла отмежеваться от участия в нём. Теперь же оппозиционные партии и многие избиратели, особенно те, которые были настроены к нему критически, сочли решение провести похороны на государственном уровне неправильным, поскольку для оценки масштаба личности и, соответственно, проведения столь торжественной церемонии за счет налогоплательщиков должно было пройти достаточно много времени с момента ухода премьера с должности, тогда как Абэ покинул свой пост всего лишь два года назад. По опросу агентства «Киодо цусин», проведенному в конце июля, свое несогласие с проведением «государственных похорон» Абэ выразили 53% респондентов [10].

Свою роль в снижении рейтингов сыграла и проблема «Церкви объединения». Триггером стало покушение на бывшего премьера С.Абэ - его убийца заявил, что имел личные счета с Абэ, который, по его мнению, был связан с этой организацией, в которой состояла его мать (она пожертвовала «Церкви объединения»¹⁰ огромную сумму, что привело семью к банкротству). В результате возникшего скандала выяснилось, что многие депутаты японского парламента от правящей партии, включая членов правительства, поддерживали связи с «Церковью объединения», жертвуя ей деньги, оплачивая членские взносы и даже лично участвуя в её мероприятиях.

Между тем вмешательство религиозной организации в политическую сферу противоречит японскому законодательству. На этом фоне в стране стали усиливаться голоса, требующие полного расследования об-

⁸ Editorial: Upper house election should be opportunity to reflect on Japan's democracy. *The Mainichi*. 22.07.2022. <https://mainichi.jp/english/articles/20220622/p2a/00m/0op/027000c> (accessed 23.08.2022)

⁹ Ёсида Сигэру (1878-1967) - пятикратный премьер-министр Японии (*прим. ред.*).

¹⁰ Религиозное движение, сочетающее в себе некоторые элементы конфуцианства и христианства. Основано в 1954 г. в Южной Корее, привлекло сотни тысяч членов более чем в 100 странах. В Японии движение стало распространяться с 1968 г.; после окончания холодной войны консолидировалось с правыми политиками по социальным вопросам, выступая против гендерного равенства и детского полового просвещения (*прим. авт.*).

стоятельств мутных связей политиков с «Церковью объединения». С необходимостью полного расследования этих связей, согласно итогам упомянутого выше опроса «Киодо цусин», согласились более 80% респондентов [10]. С нападками на партию власти в парламенте выступили практически все оппозиционные партии, а Коммунистическая партия Японии попыталась инициировать на этот счет специальное расследование.

Изначально кадровые перестановки кабинета предполагалось провести не раньше сентября. Однако задержка с кадровыми решениями в создавшихся обстоятельствах могла сильно ударить по репутации Кисиды, и ему пришлось поторопиться. Уже 10 августа премьер-министр объявил о новом составе кабинета министров. В своем выступлении, посвященном перестановкам, Кисида заявил, что проводит их в момент, когда страна сталкивается «с самыми большими вызовами за весь послевоенный период»¹¹. Кисиде пришлось сделать специальное заявление о том, что кадровые решения при формировании кабинета и партийного руководства будут приниматься только в отношении тех политиков, кто согласится «пересмотреть» свои связи с «Церковью объединения».

В результате кадровых перестановок в правительстве 5 членов старого кабинета остались на своих постах, в кабинет вошли 9 новых членов. Пост министра иностранных дел сохранил Ёсимаса Хаяси, министра финансов - Сунъити Судзуки, министра государственных дорог и коммуникаций - Тэцую Сайто из партии Комэйто. Сохранил свой пост и генеральный секретарь кабинета министров Хирокадзу Мацуно.

В новом составе кабинета министров обращают на себя внимание два момента.

Во-первых, на посты глав ведомств, занимающихся выработкой стратегических решений в ключевых областях, пришли люди с серьезным опытом работы на министерских должностях. К их числу, например, относится новый министр обороны Ясукадзу Хамада. Он уже занимал этот пост в 2007 г., в период правления кабинета Асо, когда Япония особенно остро столкнулась с угрозой ракетного нападения со стороны КНДР и была вынуждена принимать специальные меры по перехвату ракет. В нынешних условиях обострения кризисной ситуации в этой области данное назначение выглядит естественным шагом. Я.Хамада известен как сторонник активной военной политики и участия Японии в защите Тайваня - он был одним из четырех японских парламентариев, посетивших остров накануне визита туда в августе спикера палаты представителей Конгресса США НэнсиPelоси [8].

Важнейший пост министра здравоохранения и социального обеспечения в третий раз занял политический тяжеловес Кацунобу Като. Именно ему предстоит вырабатывать и проводить в жизнь стратегию борьбы с пандемией *COVID-19*, которая вновь стала острой проблемой для страны - счет заболевших в стране пошел уже на сотни тысяч.

Еще один пример в этом ряду - приход на пост главы министерства экономики, торговли и промышленности Ясутоси Нисимуры, бывшего бюрократом этого ведомства, имеющего опыт работы в качестве министра экономического возрождения. Ему предстоит вырабатывать политику в отношении острейших для страны проблем экономического развития, принимать непопулярные решения в сфере энергетики, где остро стоит вопрос о перезапуске отработавших свой срок атомных станций.

Во-вторых, Кисида вернулся к принципам межфракционного баланса сил при формировании правительства. Так, он выделил по 4 поста фракции Абэ, фракции Асо и собственной фракции, 3 - фракции Мотэги, 2 - фракции Никай и еще на 2 поста назначил независимых (т.е. не аффилированных с фракциями) депутатов своей партии. Таким образом, стиль Кисиды проявился в приверженности традиционным методам кадровой политики, от которой наметился отход в период «авторитарного» правления С.Абэ.

Согласно неписаным правилам, главы фракций добиваются для своих членов возможности в первый раз войти в правительство, чтобы обозначить кадровые перспективы для новых членов собственной фракции и продемонстрировать свое влияние в партии. Ф.Кисида провел накануне отставки кабинета консультации с лидерами фракций и собрал их пожелания - именно этим объясняется то, что в обновленном составе кабинета из 19 человек оказалось почти половина новичков. При этом кадровые решения не всегда неукоснительно принимались в соответствии с пожеланиями фракционных лидеров - иногда Кисида отдавал предпочтение другим политикам из той же фракции, общим было лишь правило сохранения межфракционного баланса в кадровом составе кабинета.

Показывая свою приверженность идее единства партии, Кисида демонстративно назначил в правительство своих соперников на выборах председателя партии 2021 года. Так, Санаэ Такаити стала министром по вопросам экономической безопасности, Таро Коно был назначен министром по делам цифрового правительства. Назначение Коно представляется многим естественным шагом с учетом приверженности последнего социальным сетям и их использованию для решения многочисленных социальных проблем

¹¹ См.: <https://english.kyodonews.net/news/2022/08/ee92908726d4-japan-pm-to-reshuffle-cabinet-ldp-leadership-as-public-support-slips.html> (accessed 23.08.2022)

(например, в своем твит-аккаунте он выступал за повышение представительства женщин на ключевых должностях в правительстве). В отношении Такаити, в свою очередь, проявилась своего рода «благодарность» премьера трагически погибшему бывшему премьеру, который лично убеждал эту популярную в стране женщину-политика выставить свою кандидатуру на выборах. Что касается третьего соперника - Сэйко Ноды, которая была выведена из кабинета, Кисида показал свое уважение к ней своим назначением на ключевой пост министра обороны Я.Хамады, который считается близким ей политиком и входит в группу её сторонников.

Как указывают обозреватели, в этих назначениях проявилось желание Кисиды не допустить появления в партии центров силы, во главе которых могли стать «обиженные» и «обделенные» партийные тяжеловесы, которые бы обвинили премьера в желании свести с ними личные счеты. Именно такие политики, притягивая к себе недовольных партийным лидером депутатов, неизбежно составили бы Кисиде сильную конкуренцию на следующих партийных выборах, которые состоятся через два года - в сентябре 2024 г.

Обновление кадрового состава кабинета позволило премьеру «обнулить» в глазах общественности весь накопленный старым правительством негатив - рейтинги нового кабинета, как правило, находятся на пике в самом начале его работы. Появление нового правительства всегда порождает в обществе определенные ожидания, и накал общественной критики в адрес партии власти спадает.

Однако проведенные сразу после перестановок опросы показали, что японцы в целом не изменили свое отношение к кабинету Кисиды - по одному из них, 76% респондентов заявили о том, что перестановки «не развеяли их озабоченность» связями политиков с религиозной организацией, а 44% не высказали положительной оценки в отношении нового состава кабинета¹².

Через 10 дней после кадровых перестановок уровень поддержки кабинета Кисиды, по данным опроса газеты «Майнити», составил всего лишь 36%, достигнув самой низкой отметки с момента вступления Кисиды в должность премьера¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На первом месте в повестке дня нового кабинета стоят вопросы обуздания инфляции и меры по поддержке экономического роста. По опросам агентства «Киодо цусин», именно эта тема является наиболее важной для избирателей: этот вариант ответа в ходе опроса перед выборами выбрало 42% опрошенных, тогда как вопрос о пересмотре конституции - только 3%¹⁴.

Важнейшая для кабинета Кисида сфера безопасности вызывает огромную тревогу у подавляющего большинства населения страны. На этом фоне активная политика в области военной безопасности становится стержневым направлением деятельности кабинета министров. Новому кабинету Кисиды предстоит до конца 2022 г. принять новые редакции Стратегии национальной безопасности, Руководящих принципов программы национальной обороны и Среднесрочной программы Сил самообороны. Очевидно, акцент будет сделан на развитие ударного потенциала, который, как отмечают многие эксперты, представляется относительно более экономичным способом обеспечения безопасности Японии, чем противоракетная оборона, требующая гораздо больших расходов [11, р. 122].

В контексте проблем безопасности особое внимание привлекает к себе вопрос о пересмотре ст. 9 Конституции. Внимание многих было приковано к тому, что в результате июльских выборов в верхней палате было достигнуто квалифицированное большинство сторонников пересмотра конституции. К их числу относят две партии правящей коалиции - ЛДП и Комэйто, а также две партии оппозиции - Общество обновления Японии и Демократическую партию для народа (ДПН). По итогам выборов необходимое большинство было получено - указанные партии получили 95 мандатов, а с учетом сохраняющегося с прошлых выборов представительства - 179 мест при требуемых 166.

Вместе с тем стоит отметить сохранение нюансированных различий в позициях указанных партий по данному вопросу: если ЛДП и Общество обновления выступают за то, чтобы конституционные поправки легализовали вооруженные силы и предоставили правительству больше полномочий в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, Комэйто и ДПН высказываются на этот счет более осторожно, выступая за проведение дискуссии и требуя просчитать последствия [12]. Кроме того, совершенно неопределенными являются прогнозы итогов народного референдума, без которого поправки к конституции провести

¹² См.: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA1107U0R10C22A8000000/> (accessed 23.08.2022)

¹³ The cabinet's approval rating dropped 16 points to the level of 36 percent. *Mainichi shimbun*. 21.08.2022 (In Jap.). <https://mainichi.jp/articles/20220821/k00/00m/010/161000c> (accessed 23.08.2022)

¹⁴ Editorial: Deep discussion, not passing moods, needed in Japan's constitutional debate. *The Mainichi*. 29.06.2022. <https://mainichi.jp/english/articles/20220629/p2a/00m/0op/015000c> (accessed 23.08.2022)

не удастся, так как общественное мнение фактически расколото по данному вопросу. Поэтому остается неясным, будет ли вопрос о пересмотре конституции внесен в парламентскую повестку в обозримой перспективе.

С учетом сложившейся в парламенте ситуации, а также того обстоятельства, что до 2025 г. в стране не ожидается общенациональных выборов, Кисида получил огромную свободу рук, не будучи связанным необходимостью постоянно оглядываться на внутрипарламентскую расстановку сил. Пока он проявляет себя как верный ученик Абэ, с большим пиететом относящийся к большинству его начинаний, но будет ли он продолжать политику Абэ, сказать пока трудно.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Katz R. Kishida retreats from new capitalism. *East Asia Forum*. 26.06.2022. <https://www.eastasiaforum.org/2022/06/26/kishida-retreats-from-new-capitalism/> (accessed 19.08.2022)
2. Горячева Е. Политика кабинета премьер-министра Японии Фумио Кисиды в контексте кризиса на Украине. *Современная научная мысль*. 2022. № 3. С. 134-140.
Goryacheva E. 2022. The policy of the Cabinet of Japanese Prime Minister Fumio Kishida in the context of the crisis in Ukraine. *Sovremennaya nauchnaya mysl*. № 3. Pp. 134-140. Moscow. (In Russ.)
3. Jain P. and Kobayashi T. Japan's PM Kishida Faces a Crucial National Election. *The Diplomat*. <https://thediplomat.com/2022/06/japans-pm-kishida-faces-a-crucial-national-election/> (accessed 21.08.2022)
4. Nagahara S. With Mentor Abe Gone, Kishida Has to Keep Ruling Party's Conservative Base. *Japan Forward*. 10.08.2022. <https://japan-forward.com/with-mentor-abe-gone-kishida-has-to-keep-ruling-partys-conservative-base/> (accessed 16.08.2022)
5. Govella K. Japan's defence policy faces a critical juncture. *East Asia Forum*. 18.07.2022. <https://www.eastasiaforum.org/2022/07/18/japans-defence-policy-faces-a-critical-juncture/> (accessed 20.08.2022)
6. Kamata J. The Struggles of the Nippon Ishin no Kai. *The Diplomat*. 18.06.2022. <https://thediplomat.com/2022/06/the-struggles-of-the-nippon-ishin-no-kai/> (accessed 12.08.2022)
7. Suzuki N. Japan ruling party wins big in upper house election after ex-PM Abe's death. *Kyodo News*. 11.07.2022. <https://english.kyodonews.net/news/2022/07/8ddf624f95af-voting-under-way-in-japans-upper-house-election.html> (accessed 23.08.2022)
8. Lee W. and Johnson J. Kishida shuffles key Cabinet and LDP posts amid sagging approval ratings. *The Japan Times*. 10.08.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/08/10/national/kishida-first-cabinet-ldp-reshuffle/> (accessed 10.08.2022)
9. Osamu R. 2021. Political Changing for Prime Minister of Japan. *International Journal of Law Reconstruction*. Vol. 5, № 1, pp. 75-92. DOI: <http://dx.doi.org/10.26532/ijlr.v5i1.15540>
10. Komiya K. Kishida to reshuffle cabinet with COVID, Taiwan, Unification Church in focus. *Japan Today*. 6.08.2022. <https://japantoday.com/category/politics/japan-pm-kishida-to-reshuffle-cabinet-as-covid-taiwan-in-focus> (accessed 17.08.2022)
11. Watanabe T. Japan's Security Policy Evolution: The Interaction between Think Tank Proposals and Government Implementation. 2022. *Asia Policy*. Vol. 17, № 3, pp. 107-124. https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/asiapolicy17-3_watanabe_july2022.pdf (accessed 22.08.2022)
12. Lee W. and Takahara K. Constitutional revision inches closer in Japan, but actual change still far off. *The Japan Times*. 11.07.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/07/11/national/politics-diplomacy/constitutional-revision-prospects/> (accessed 21.08.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Стрельцов Дмитрий Викторович, д.и.н., руководитель исследовательской лаборатории «Центр корейских, монгольских и японских исследований», МГИМО-университет; ведущий научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии (ИКСА) РАН, Москва, Россия.

Dmitry V. Streltsov, Dr.Sc. (History), Head, Department of Afro-Asian Studies, MGIMO-University; Leading Researcher, Centre of Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.08.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.10.2022

Афганистан под властью Движения талибов: этнополитическое устройство

© Ищенко Н.С.^а, 2022

^а МГИМО Университет МИД России, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3067; ishchenkonikita@mail.ru

Резюме. После захвата талибами власти в Кабуле 15 августа 2021 г. в политической истории Афганистана открылась новая страница. Движению талибов (ДТ), которое на протяжении 20 лет вело партизанскую войну с властями Исламской Республики Афганистан и их западными покровителями, предстояло выйти из подполья и начать действовать открыто в рамках нового государственного устройства.

7 сентября официальный представитель ДТ Забиулла Моджахед объявил о формировании правительства Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА). Спустя год после этих событий представляется важным проследить процесс построения власти талибами, охарактеризовать политическую систему Афганистана на нынешнем этапе и проанализировать основные принципы включения тех или иных сил в государственный аппарат.

В результате исследования автор приходит к выводу, что талибы за первый год своей власти создали в Афганистане пуштуцентричное государство, где определяющую роль в конфигурации внутривнутриполитических сил играет борьба между основными пуштунскими племенными объединениями в привязке к внешнеполитическим ориентирам каждого из них. При этом, несмотря на выход в общественное поле основных талибских функционеров, занявших должности в руководстве различных ведомств в Кабуле, сохраняется традиционная для талибов скрытая форма высшего управления с центром в Кандагаре.

Ключевые слова: Афганистан, Движение талибов, Исламский Эмират, пуштуны, племенные объединения

Для цитирования: Ищенко Н.С. Афганистан под властью Движения талибов: этнополитическое устройство. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 29-35. DOI: 10.31857/S032150750022936-1

Ethno-Political Structure of Taliban-led Afghanistan

© Nikita S. Ishchenko^a, 2022

^a MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3067; ishchenkonikita@mail.ru

Abstract. With the seizure of power by the Taliban on August 15, 2021 a new page in the political history of Afghanistan had been opened. The Taliban, which for 20 years led a guerrilla war against the authorities of the Islamic Republic of Afghanistan and their Western patrons, had to come out of hiding and start operating openly within the framework of a new state system. On September 7, Taliban spokesman Zabihullah Mujahid announced the formation of the government of the Islamic Emirate of Afghanistan. A year after these events, it seems important to trace the process of building government by the Taliban, characterize the current political system of Afghanistan and analyze the basic principles for the inclusion of certain groups in the state system.

In the history of Afghanistan, the aspect of ethnicity has always been a key point that has determined one's position in political and social system of the country. As a result of studies, the author concludes that the Taliban during its first year in power created a Pashtun-centric state, where the struggle between the main Pashtun tribal associations in relation to the foreign policy guidelines of each of them plays a decisive role in the configuration of domestic political forces. At the same time, despite the entry into the public field of the main Taliban functionaries who have taken positions in the leadership of various departments in Kabul, traditional for the Taliban hidden form of top management is preserved.

Keywords: Afghanistan, Taliban, Islamic Emirate, Pashtuns, tribal associations

For citation: Ishchenko N.S. Ethno-Political Structure of Taliban-led Afghanistan. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 29-35. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022936-1

ВВЕДЕНИЕ

Приход Движения талибов (ДТ) к власти в августе 2021 г. обусловил создание в Афганистане государственной системы, при которой, с одной стороны, по-прежнему обеспечивается реализация традиционного политического устройства ДТ, основанного на шариате и нормах обычного права пуштунских племен, путем продолжения исполнения высших управленческих функций скрытым от общественности аппаратом (эмир и Кандагарский совет, или «шурá»), а с другой - в качестве «витрины» используется оставшаяся «в наследство» от республиканского режима структура органов власти с центром в Кабуле. Такая двоякость

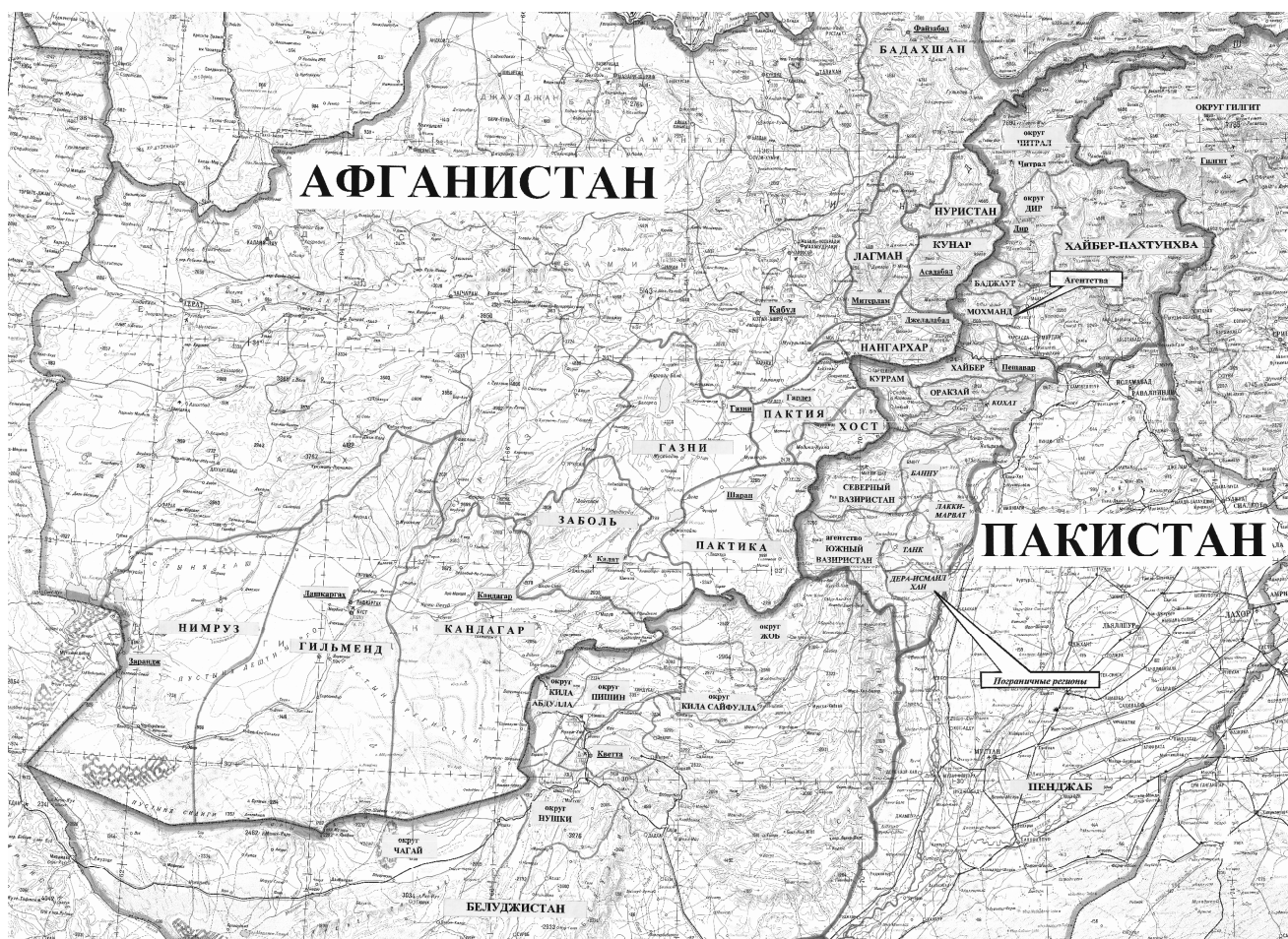
формы власти, разделение талибов на различные группировки и кланы, а также связанные с этим аспекты военной организации и особенности осуществления внешних контактов предопределяются этногеографическим фактором, традиционно играющим ключевую роль в афганской политической системе.

РАЗДЕЛЕНИЕ НА ФРАКЦИИ

Основным мотивом распределения властных полномочий в ДТ служит принадлежность главным образом к тому или иному пуштунскому племени с привязкой к области его расселения [1]¹.

Для понимания этой конфигурации важно рассматривать основную (т.е. пуштунскую) зону распространения политического влияния талибов не в контексте административного деления, сложившегося на конец существования Исламской Республики Афганистан, а так, как видят её сами нынешние политические акторы, т.е. в рамках ареала Большого Пуштунистана.

В его границах выделяются: Большой Кандагар (провинции Фарах, Нимруз, Гильменд, Кандагар, Заболъ, Урузган, Газни и северный Белуджистан, включая пакистанские Кветту, Пешин и Чаман), Большая Пактия (Хост, Пактия, Пактика, Логар, а также пакистанские Северный и Южный Вазиристан и Куррам) и Большой Нангархар (Нангархар, Лагман, Кунар, а также отчасти пакистанские Хайбер, Моманд и Баджаур) (см. карту).



Составлено автором.

Особое положение «на отшибе» занимают пуштуны центральной афганской провинции Майдан-Вардак, всегда активно поддерживавшие ДТ, но не получившие высоких постов в новом правительстве. Это

¹ Согласно данным Фонда ООН в области народонаселения, в 2022 г. в Афганистане проживают 40,8 млн чел. [2]. Из них порядка 42% - пуштуны, 27% - таджики, 9% - хазарейцы, 9% - узбеки, 4% - аймаки, 3% - туркмены, 2% - белуджи, 2% - более малочисленные народы, среди которых нуристанцы, пашаи, брагуи, памирцы, киргизы и др. (см.: [3]).

обстоятельство в перспективе может привести к недовольству в среде талибов этой области и вылиться в конфликт с центральной властью.

В рамках перечисленных выше этногеографических зон пуштунские племена в большей степени осознают свою языковую, историческую, культурную, родовую и политико-государственную общность. Характерная для всей истории афганского самоуправления и государственного строительства военно-политическая борьба между двумя наиболее крупными племенными объединениями пуштунов - *дуррани* и *гильзаев*, как представляется, на текущем этапе коррелирует с этой схемой лишь отчасти.

В то время как *дуррани* в значительной степени формируют кандагарскую элиту, *гильзаи* разделены между Пактией, где проживает большая их часть, и Кандагаром с крупными *гильзайскими* племенами, в числе которых - *исхакзаи*, *тохи* и *хотаки* (к последнему, в частности, принадлежал основатель ДТ мулла Мохаммад Омар²). В нынешнем раскладе значительное влияние приобрели племена, населяющие горные территории по обе стороны афгано-пакистанской границы и не входящие в объединения *гильзаев* и *дуррани* (*дзадран*, *дзадзи ниязи*, *шинвари*, *хугъяни*, *моманд*, *вазир* и др.). Именно они составляют основную социальную базу боевых формирований «Сети Хаккани» (СХ) и Движения талибов Пакистана³.

В общем плане внутриталибскую фрагментацию принято проводить по линии «кандагарский клан» - «Сеть Хаккани» [4]. Это разделение оформилось еще в период вооруженной борьбы Движения талибов с прозападным республиканским режимом (2001-2021) благодаря существованию в талибской системе управления двух основных центров: Кветтская (она же Кандагарская) шура во главе с племенными элитами Большого Кандагара и Пешаварская шура, руководимая СХ.

Если первая являла собой продолжение реализации исторической роли Кандагара как центра афганской государственности, то функционирование второй создало новый для Афганистана прецедент возвышения политической роли Пактии и Нангархара.

Руководитель Пешаварской шуры Сираджуддин Хаккани (пуштун из племени *дзадран*) с 2015 г. является заместителем эмира (в то время - мулла Мохаммад Ахтар Мансур), формально подчиняясь приказам из Кандагара⁴. При этом группировка приобрела настолько высокую степень автономности, что в экспертной среде её часто выделяли как отдельную организацию [6].

Талибов с фамилией Хаккани часто неверно относят к семье Сираджуддина Хаккани. На самом деле так называют себя многие выпускники известного пакистанского религиозного учебного заведения Дар уль-Улюм Хаккани, в т.ч. министр высшего образования Абдулбаки Хаккани, который не принадлежит к семье лидера СХ. Среди видных талибских функционеров, окончивших упомянутое медресе, - предыдущий лидер ДТ М.А.Мансур, министр горнодобывающей промышленности Ш.Делавар и многие другие. В частности, влиятельного члена Кандагарской шуры и министра юстиции шейха А.Исхакзая также иногда упоминают под фамилией Хаккани.

Верховную власть осуществляет эмир Хайбатулла Ахундзада из племени *нурзай* (объединение племен *дуррани*), чье нахождение в живых ничем не подтверждается и является предметом споров (по некоторым слухам, он давно умер, однако ряд талибов уверяют, что лично удостоивались аудиенции эмира), а также руководящий совет, состоящий из кандагарских улемов и племенных старейшин. Функции законодательной власти и прерогативы кадровых назначений всецело находятся в руках Кандагара. При этом никакие детали о деятельности, составе и точном месте нахождения Кандагарской (Кветтской) шуры не раскрываются. Отдельные персоналии становятся широко известными только в случае их назначения на официальные должности.

Влиятельная фракция ДТ, состоящая в первую очередь из функционеров первого поколения, занимавших высокие посты в правительстве в период 1996-2001 гг., сформировалась в рамках Политического офиса ДТ в Дохе (Катар). Им руководил один из основателей ДТ, кандагарец из племени *садозай* (объединение племен *дуррани*), мулла Абдулгани Барадар.

² Мулла Мохаммад Омар - один из основателей Движения талибов. Верховный лидер (эмир) Исламского Эмирата Афганистан с момента его основания в 1996 г. вплоть до своей смерти в 2013 г. Пользовался непрерываемым авторитетом. В талибской среде почитается как пример идеального мусульманского правителя (*прим. авт.*).

³ Движение талибов Пакистана (ДТП) - исламистская организация, созданная в 2007 г. Байтуллой Мехсудом на пограничных с Афганистаном территориях Пакистана, населенных восточными пуштунскими племенами (*вазир*, *мехсуд*, *моманд*, *оракзай*, *юсуфзай*, *африди* и др.). С 2018 г. ДТП руководит Нур Вали Мехсуд. Деятельность организации направлена на свержение действующей власти в Пакистане и провозглашение в стране исламского эмирата. Этническая близость афганских и пакистанских талибов, часто являющихся представителями одного племени и разделенных афгано-пакистанской границей, которую не признают ни афганская, ни пакистанская группировки, а также наличие общих взглядов и целей создали предпосылки к де-факто объединению усилий двух организаций. Кроме того, Нур Вали Мехсуд принес клятву верности лидеру ДТ эмиру Хайбатулле Ахундзаде [5].

⁴ Два других заместителя эмира - мулла Абдулгани Барадар и мулла Мохаммад Якуб (*прим. авт.*).

Яркой страницей начатой Политофисом в 2012 г. внешнеполитической деятельности стало подписание 29 февраля 2020 г. Дохийского соглашения с США, в соответствии с которым американцы и их союзники обязались покинуть Афганистан к маю 2021 г. (позже этот срок был сдвинут), а также участие в открывшихся 12 сентября 2020 г. Межафганских мирных переговорах (подробнее см.: [7]). Учитывая закрытый характер Движения как политической организации, эту группу можно считать наиболее известной широкой общественности.

В состав Политофиса, включая работу в переговорной команде ДТ, входили:

заместитель А.Барадара Шер Мохаммад Аббас Станекзай (сейчас - замминистра иностранных дел);

моулави Амир Хан Моттаки (министр иностранных дел);

Абдулманан Омари (министр общественных работ) - брат первого лидера ДТ муллы М.Омара;

моулави Абдул Кабир (зампредседателя правительства по политическим вопросам);

мулла Абдулла Ханафи, известный как мулла Ширин Ахунд (командующий 5-й бригадой минобороны);

Шахабuddin Делавар (министр горнодобывающей промышленности);

члены т.н. «талибской пятерки» (заклученные тюрьмы Гуантанамо, которых в 2014 г. обменяли на содержавшегося в плену американского военнослужащего) - Мохаммад Наби Омари (губернатор провинции Хост), Абдулхак Васик (начальник Главного управления разведки), Мохаммад Фазель (замминистра обороны), Хайрулла Хайрхак (министр культуры и информации), Нурулла Нури (министр по делам границ и племен);

а также немногочисленные представители нацменьшинств в руководстве Движения: узбек Абдуссалам Ханафи (второй зампредседателя правительства), таджики Дин Мохаммад Ханиф (министр экономики) и Нуруддин Азизи (министр торговли и промышленности), туркмен Мохаммад Касем Расех (зампредседателя Верховного суда).

Все свои действия Дохийский офис согласовывал с Кветтской шурой. В целях усиления контроля над переговорной командой ДТ и синхронизации её позиции с установками руководства Движения главой переговоров был назначен член Кветтской шуры моулави Абдулхаким Исхакзай (ныне - министр юстиции Афганистана) - авторитетный талибский идеолог, сподвижник муллы М.Омара и близкий к нынешнему эмиру Х.Ахундзаде член руководящего совета. Не остался в стороне и клан Хаккани, направивший в переговорную команду Анаса, брата лидера СХ.

Состав Политофиса не был однородным с точки зрения пуштунского племенного деления. Однако его членов объединяло то, что свои взгляды на политическое устройство Афганистана они сформировали в период 1996-2001 гг., когда возобладали замешанная на религиозном фанатизме традиционная пуштунская модель государственности с центром в Кандагаре. Для этой группы важно, что в годы первого правления талибов Джелалуддин Хаккани - основатель «Сети Хаккани», ставшей выразителем интересов горцев востока и юго-востока страны, занимал в госаппарате второстепенную роль, исполняя должность министра по делам границ и племен.

В Дохе предполагали, что после установления талибами контроля над Кабулом А.Барадар займет пост Председателя правительства, продвинув Ш.М.А.Станекзая на должность министра иностранных дел, и станет фактическим главой исполнительной власти. Однако в процессе формирования талибского кабинета министров восточнопуштунская группировка отказалась от беспрекословного принятия отведенных ей по этому плану «вторых ролей», подкрепляя свои претензии обретенным за последние 20 лет преимуществом в боевой силе, которая, по их логике, как раз и принесла победу, тогда как переговорный процесс служил лишь вспомогательным инструментом [8].

Еще одной важной фигурой в талибской иерархии, претендующей на лидерство в Исламском Эмирате, является мулла Мохаммад Якуб - сын первого талибского эмира М.Омара и один из трех заместителей эмира Х.Ахундзады. Помимо статуса «наследника», который в глазах многих талибов (прежде всего кандагарских) имеет решающее значение, М.Якуб обладает боевой силой, с которой другим высокопоставленным функционерам Движения так или иначе приходится считаться: возглавлявший с 2020 г. военную комиссию ДТ мулла М.Якуб и в новом правительстве занял пост министра обороны.

В период вооруженной борьбы с иностранными силами в структуре вооруженных сил ДТ существовали три наиболее крупных подразделения («дзвук»), во многом сформированные по принципу племенной принадлежности: «Аль-Бадр 313» Сиражуддина Хаккани (сейчас - министр внутренних дел), «Фатех» под руководством моулави Таджмира из племени *ниязи* (замглавы Главного управления разведки) и «Омари» под командованием муллы Мохаммада Якуба (министр обороны). Все они вошли в состав Минобороны нового режима [9].

Наиболее боеспособные - «Аль-Бадр» и «Фатех», в рядах которых воюют пуштуны востока и юго-востока, внесли наибольший вклад в уход иностранных военных из Афганистана. По оценкам некоторых представителей этих подразделений, в период 2001-2021 гг. «Аль-Бадр» и «Фатех» осуществили около 1 тыс. и

400 атак смертников, соответственно. Эти же подразделения с момента установления талибского режима взяли под свой контроль столицу Афганистана со всеми стратегическими объектами. Активное участие в выполнении этой задачи принял дядя лидера СХ Халил ур-Рахман Хаккани (министр по делам беженцев и репатриантов) [10].

Борьба за распределение ролей в будущем госаппарате, сопровождавшаяся перестрелкой в Арге (бывший президентский дворец), когда, по слухам, был ранен А.Барадар, а также убийствами в Кабуле бойцов обеих фракций [11], завершилась объявлением состава нового кабинета. Председателем правительства в качестве компромиссной фигуры был объявлен член Кандагарской шуры (долгое время возглавлял руководящий совет) муллы Мохаммад Хасан Ахунд - близкий сподвижник муллы М.Омара, приближенный Х.Ахундзады.

Этим назначением кандагарцы закрепили свой верховный статус, при этом кандидатура более слабого, чем А.Барадар, но уважаемого в талибской среде улема преклонных лет и к тому же испытывающего проблемы со здоровьем, устраивала клан Хаккани. Мулла А.Барадар, став первым заместителем М.Х.Ахунда, сконцентрировался на вопросах экономического развития. Еще одним представителем Кандагарской шуры в правительстве стал Абдуссалам Ханафи (второй вице-премьер).

Силовой блок также оказался разделен между представителями двух группировок. Министерство обороны возглавил бывший до этого главой военной комиссии ДТ мулла М.Якуб, Министерство внутренних дел отошло С.Хаккани, начальником Главного управления разведки стал кандагарец А.Васик, исполнявший эти обязанности еще в первый период правления талибов, а его заместителем - уроженец Пактии мулла Таджмир, которому некоторые талибы приписывают ведущую роль в создании подразделений смертников в военной структуре ДТ.

Кандагарцы стремятся к установлению большего контроля над Кабулом. В этом отношении важным для них стало назначение столичным губернатором кандагарца шейха Неда Мохаммада Надима, возглавлявшего талибскую разведку в период борьбы против республиканского режима. Он назначил своих доверенных лиц на руководящие должности в службе безопасности Кабула.

Нельзя также не отметить водораздел между талибскими «стариками» и молодым поколением в Движении. Наиболее радикальные идеи, исходящие от близких соратников муллы М.Омара (т.е. прежде всего кандагарских клириков), зачастую не пользуются поддержкой молодежи. Среди последних, особенно детей крупных функционеров ДТ, немало людей с высшим образованием и опытом жизни за рубежом.

ФАКТОР ОТНОШЕНИЙ С ПАКИСТАНОМ

Примечательно, что в разгар ожесточенного торга талибов за места в правительстве в сентябре 2021 г. Афганистан посетил глава Межведомственной разведки Пакистана Ф.Хамид, который провел встречи со всеми лидерами Движения. В местной экспертной среде этому визиту придавалось решающее значение в урегулировании внутриталибских споров и окончательном формировании состава правительства с упором на соблюдение интересов хакканистов [12].

Различие подходов в отношениях талибских группировок с Исламабадом является еще одним сопутствующим фактором их этногеографической фрагментации.

Пакистан, чьи медресе стали истоком афганского джихадизма в целом и создания Движения талибов в частности, не мог не использовать потенциал своих спецслужб в работе располагавшихся на его территории в Кветте и Пешаваре руководящих органов ДТ. Наибольшее влияние Пакистана испытывает на себе именно «Сеть Хаккани». В Пакистане расположена экономическая база этого клана, а Пешаварская шура в значительной степени создавалась и существовала при финансовой и материальной поддержке Исламабада. Укрепляя восточную талибскую группировку, Пакистан стремится решить проблемы эвентуального признания Афганистаном «линии Дюранда»⁵ в качестве официальной госграницы, а также усмирения Движения талибов Пакистана. В последнем вопросе Сираджуддин Хаккани неоднократно выступал посредником.

Исторически сложившаяся политическая субъектность Кандагара, в т.ч. на этапе формирования там правящей талибской элиты первого поколения, обеспечила его большую резистентность. Многие кандагарцы, включая А.Барадара, были заключены пакистанцами в тюрьмы, и это унижение они не могут простить до сих пор. Кроме того, еще со времен муллы М.Омара южане твердо обозначают свою позицию по непризнанию «линии Дюранда».

⁵ В 1893 г. в Кабуле был подписан договор об определении афгано-индийской границы - т.н. «Линии Дюранда». Документ был подписан эмиром Абдурахман-ханом (1880-1901) и секретарем индийской администрации Мортимером Дюрандом. Документ закрепил за Великобританией принадлежность восточных пуштунских территорий. Взамен Афганистану была передана узкая полоса Ваханского коридора, ставшая буфером между русскими и английскими владениями на Памире (*прим. авт.*).

Благодаря работе Политофиса «кандагарский клан» имеет богатый опыт контактов с международным сообществом, которые по-прежнему продолжают в Катаре. Переговоры членов Политофиса с США привели к подписанию Дохийского соглашения, которое стало предметом критики хакканистов, признающих лишь силовой сценарий победы над американцами. Кроме того, ряд крупных полевых командиров из числа кандагарцев поддерживали тесные связи с основным врагом США в регионе - Ираном, который оказывал значительную материальную поддержку боевым формированиям ДТ. По некоторым данным, в ИРИ проживают семьи ключевых кандагарских военачальников - М.Фазеля, муллы Ширина и возглавлявшего до 2020 г. военную комиссию ДТ Садра Ибрагима (ныне - замминистра внутренних дел) [13].

ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том месте, которое во внутриталибских раскладах занимают представители нацменьшинств.

В талибской «вертикали власти» они не допущены к решению важнейших вопросов и, по сути, призваны создавать баланс между «кандагарцами» и членами клана Хаккани. В правительстве Исламского Эмирата - это узбеки А.Ханафи (второй зампреда правительства) и И.Самангани (заместитель официального представителя ИЭА Забиуллы Моджахеда), таджики Д.М.Ханиф (министр экономики), Н.Азизи (министр торговли), Кари Фасихуддин (начальник Генштаба), хазарейцы А.Л.Назари (замминистра экономики) и М.Х.Гияси (замминистра здравоохранения), а также туркмен М.К.Расех (зампредседателя Верховного суда). Такое положение дел вызывает недовольство членов ДТ, не являющихся представителями титульного этноса.

На местах талибы стремятся решить эту проблему назначением на должности губернаторов северных провинций, населенных преимущественно узбеками и таджиками, функционеров из местных жителей, зачастую, однако, отдавая предпочтение местным пуштунам. В частности, этот пример реализован в провинции Балх, которую возглавил пуштун моулави Кудратулла Абу Хамза [14]. По некоторым данным, значительную роль в распределении властных полномочий в преимущественно узбекских областях играет Абдуссалам Ханафи.

Однако эти усилия пока представляются недостаточными. Недовольство местных этнических лидеров ДТ вызывает также переход под контроль центральных властей погранпунктов с их доходами от легальной торговли и контрабанды. В январе 2022 г. это стало поводом для мятежа в провинции Фарьяб, который быстро перекинулся на другие северные области - Саманган, Джаузджан и Бадахшан. Для подавления беспорядков МВД было вынуждено перебросить ряд спецподразделений на север из других частей страны [15]. Итогом январских событий стало еще большее ужесточение политики в отношении представителей нацменьшинств в рядах ДТ, активизировался процесс их «выдавливания» из рядов вооруженных сил.

С другой стороны, любой внутриталибский конфликт, возникающий по объективным причинам, в случае если одной из его сторон является представитель нацменьшинств, приобретает форму этнического или преподносится как таковой западными СМИ и антиталибской оппозицией. Яркий пример - противостояние между талибами и хазарейским командиром, бывшим начальником разведки провинции Бамиан Мехди Балхаби. Отказавшийся принять свою отставку и подчиняться дальнейшим приказам командования М.Балхаби со своим отрядом скрылся в родном для себя уезде Балхаб (населенным хазарейцами) провинции Сари-Пуль, где в июле был разбит превосходящими силами ДТ [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обе основные фракции «приглядывают» друг за другом, одновременно поддерживая непрерывный диалог. Для этого, по-видимому, губернатором провинции Хост (вотчина СХ) назначен М.Н.Омари - соплеменник Сираджуддина Хаккани, но вместе с тем представитель «кандагарского клана» из первого поколения ДТ. Активную работу на внутривластном треке проводит Анас Хаккани, не занимающий при этом официальных постов в правительстве.

Таким образом, создание действующей модели государственной власти в Афганистане стало возможным благодаря достижению баланса между основными группировками в ДТ - «кандагарцами» и членами клана Хаккани. Как представляется, пуштуноцентричный характер ДТ и закрытость Движения будут способствовать закреплению этого баланса и недопущению к властной вертикали других политических сил. Это, в свою очередь, сделает маловероятной перспективу трансформации структуры власти в Афганистане в обозримом будущем.

Нарушение баланса может, на наш взгляд, привести к открытому вооруженному противостоянию между основными претендентами на верховную власть в стране - министром внутренних дел Сираджудином Хаккани и министром обороны Мохаммадом Якубом.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Interactive Map: Factional Rifts in the Taliban Command. <https://gandhara.rferl.org/a/afghanistan-taliban-rule-factions/31427712.html> (accessed 16.08.2022)
2. World Population Dashboard Afghanistan. <https://www.unfpa.org/data/world-population/AF> (accessed 11.09.2022)
3. Central Intelligence Agency. The World Factbook. Ethnic Groups. <https://web.archive.org/web/20131014200908/https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2075.html?countryName=Afghanistan&countryCode=af®ionCode=sas&#af> (accessed 11.09.2022)
4. Yakub-Haqqani factions over government formation in Afghanistan, what will Taliban do now? <https://palpalnewshub.com/india-news/yakub-haqqani-factions-over-government-formation-in-afghanistan-what-will-the-taliban-do-now/> (accessed 10.08.2022)
5. TTP renews oath of allegiance to Afghan Taliban amir Sheikh Haibatullah. <https://www.afghanislamicpress.com/en/news/92858> (accessed 10.09.2022)
6. Haqqani Network. https://www.dni.gov/nctc/groups/haqqani_network.html (accessed 20.08.2022)
7. Ищенко Н.С. Движение талибов и афганский мирный процесс. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9, с. 23-28. DOI: 10.31857/S032150750015543-9
8. Ishchenko N.S. 2021. Taliban and Afghan peace process. *Asia and Africa today*. № 9, pp. 23-28 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015543-9
9. Afghanistan: Taliban leaders in bust-up at presidential palace. <https://www.bbc.com/news/world-asia-58560923> (accessed 21.08.2022)
10. Taliban retitles all military corps in Afghanistan. <https://www.khaama.com/taliban-retitles-all-military-corps-in-afghanistan-45747/> (accessed 15.08.2022)
11. The Haqqani network: the new kingmakers in Kabul. <https://warontherocks.com/2021/11/the-haqqani-network-afghanistans-new-power-players/> (accessed 10.08.2022)
12. Khalil-ur-Rahman Haqqani punched Taliban's Mullah Baradar before shootout in Kabul palace: Report. <https://www.hindustantimes.com/world-news/khalilurrahman-haqqani-punched-taliban-s-mullah-baradar-before-shootout-in-kabul-palace-report-101631881918511.html> (accessed 24.08.2022)
13. Who is ISI chief Faiz Hameed whose visit to Kabul has sparked controversy? <https://www.hindustantimes.com/world-news/who-is-isi-chief-faiz-hameed-whose-visit-to-kabul-has-sparked-controversy-101630843177941.html> (accessed 16.08.2022)
14. Influential Taliban commanders appointed to key positions in new regime. <https://www.longwarjournal.org/archives/2021/09/influential-taliban-commanders-added-to-taliban-government.php> (accessed 19.08.2022)
15. Eleven months of Taliban's domination; 81.5% of the cabinet and governors are Pashtuns and 98.4% are Taliban members without the presence of women and Hazaras. <https://aamajnews24.com/taliban-gov-6/> (accessed 14.08.2022)
16. Clashes among Taliban in Faryab. <https://8am.af/eng/clashes-among-taliban-in-faryab-one-civilian-killed-and-another-wounded/> (accessed 27.08.2022)
17. Defeated and Encircled, the Hazara Community in Balkhab Scrambling to Escape Atrocity Crimes Committed by Vengeful Taliban. <https://8am.af/eng/defeated-and-encircled-the-hazara-community-in-balkhab-scrambling-to-escape-atrocity-crimes-committed-by-vengeful-taliban/> (accessed 10.09.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ищенко Никита Сергеевич, соискатель, МГИМО Университет МИД России, Москва, Россия; Второй секретарь Посольства России в Афганистане, Кабул.

Nikita S. Ishchenko, Applicant, MGIMO University, Moscow, Russia; Second secretary of the Russian Embassy in Afghanistan, Kabul.

Поступила в редакцию
(Received) 11.08.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 14.10.2022

Израиль и апартеид. Взгляд правозащитных НПО, опровержения правительства Израиля

© Филиппова Н.И.^{a,b}, 2022

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

^b Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-5313-9028; filippovanathalia@gmail.com

Резюме. В период с 2019 по 2022 г. более 15 правозащитных НПО выдвинули обвинения против Израиля в совершении преступлений как на территории Государства Израиль, так и на оккупированных территориях, которые были квалифицированы ими как апартеид. Выводы о том, почему ряд условий, в которых вынужденно существует палестинский народ, подпадают под признаки апартеида, сделаны с опорой на положения международного права, а также подкреплены объемными отчетами, отражающими результаты сбора соответствующих свидетельств.

Несмотря на то, что термин «апартеид» не имеет географической привязки, его использование для характеристики политических режимов, помимо известной ситуации в ЮАР, не получило распространения и вызывает широкую полемику в экспертной среде. Вместе с тем, в настоящее время соответствующие обвинения в адрес Израиля раздаются всё чаще. Они находят заметное отражение в отчетах Специальных докладчиков ООН по вопросу о положении в области прав человека на оккупированных палестинских территориях, которые, в свою очередь, преимущественно строятся на данных, предоставленных НПО.

Как и ранее, НПО вряд ли смогут существенно повлиять на политику, проводимую израильскими властями в отношении палестинцев. Между тем, несмотря на, как правило, тенденциозный характер подаваемой информации, отчеты правозащитников служат первоисточниками информации для ряда авторитетных межправительственных структур (ООН, МУС и др.) и, таким образом, оказывают влияние на имидж еврейского государства и мировое общественное мнение в контексте признания права палестинского народа на самоопределение.

Ключевые слова: Израиль, Палестина, оккупация, права человека, самоопределение, права палестинского народа, неправительственные организации, апартеид

Для цитирования: Филиппова Н.И. Израиль и апартеид. Взгляд правозащитных НПО, опровержения правительства Израиля. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 36-42. DOI: 10.31857/S032150750020143-9

Israel and apartheid: Opinion of human rights NGOs, and Israeli Government denials

© Natalya I. Philippova^{a,b}, 2022

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-5313-9028; filippovanathalia@gmail.com

Abstract. Between 2019 and early 2022 more than 15 human rights NGOs have brought accusations against Israel regarding the presence of signs of apartheid both in the territory of the State of Israel and in the occupied territories. Based on documents of international law (the International Convention against the Crime of Apartheid and the Rome Statute), NGOs (national and international) have presented in a number of reports why the reality in which the Palestinian people live should be called apartheid.

Although the term 'apartheid' has no geographic reference, its use for systems established outside of South Africa is very rare and highly controversial. However, accusations against Israel, which have been going on for a long time, are gaining popularity and are also reflected in the reports of the Special Rapporteurs on the situation of human rights in the occupied Palestinian territories, which are mainly based on data provided by NGOs.

Israel contends that these accusations are false and have nothing to do with reality. Thus, the Israeli authorities have repeatedly stated that in this way human rights organizations promote hate, incitement, violence, and terror. Despite the tendentious nature of the information, NGOs have a significant impact on the image of the Jewish state and on public opinion in the context of supporting the Palestinian people's right to self-determination, although they will not make changes to Israel's policy.

Keywords: Israel, Palestine, occupation, human rights, self-determination, rights of the Palestinian people, NGO, apartheid

For citation: Natalya I. Philippova. Israel and apartheid: Opinion of human rights NGOs, and Israeli Government denials. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 36-42 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020143-9

ВВЕДЕНИЕ

Практика обвинений в адрес израильских правительственных структур в связи с обнаружением признаков апартеида в отношении палестинцев (палестинского народа¹) как на оккупированных территориях, так и в самом Государстве Израиль, продолжается длительное время. Принимая во внимание инициированное Международным уголовным судом (МУС) расследование возможно совершенных начиная с июня 2014 г. преступлений на оккупированных палестинских территориях², а также новые заявления со стороны представителей Израиля и США о возможной аннексии оккупированных территорий, актуальность указанной риторики возрастает³.

Значительное место в новой дискуссии об апартеиде занимают отчеты национальных (израильских и палестинских) НПО, анализирующих факты несоблюдения прав палестинского народа. Несмотря на свой тенденциозный характер, они становятся ключевыми документальными источниками информации для профильных межправительственных органов, в т.ч. входящих в систему ООН. Таким образом, НПО, не являясь полноценными субъектами международных отношений, демонстрируют все большие возможности оказывать влияние на их развитие.

НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

Цель настоящей работы - выявить основные категории, на базе которых НПО выстраивают обвинения против Израиля в совершении преступления апартеида; представить возможные причины, которые привели к новой волне обвинений, а также определить возможные последствия обозначенных тенденций.

В рамках статьи проанализированы отчеты правозащитных НПО, опубликованные в период с 2019 по начало 2021 г. Необходимо отметить, что указанные НПО зарегистрированы на территории Израиля и в Палестине, т.е. являются национальными неправительственными формированиями.

Исходя из классификации, предложенной со стороны НПО, рассматривается дискриминация лиц с разным юридическим статусом: 1) палестинцы - граждане Государства Израиль; 2) палестинцы с видом на жительство, проживающие в Восточном Иерусалиме; 3) палестинцы, проживающие на Западном берегу реки Иордан (далее - Западный берег) и в секторе Газа; 4) палестинские беженцы, находящиеся либо в лагерях беженцев, либо проживающие в других государствах.

ИСТОРИЯ ОБВИНЕНИЙ

Обвинения, прозвучавшие в последние годы, стали далеко не первым натиском, с которым пришлось столкнуться Тель-Авиву. Так, еще в 1961 г. представитель Ирака в ООН сравнил практику сионизма с апартеидом⁴. В 1975 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 3379 «Ликвидация всех форм расовой дискриминации», которая «постановила, что сионизм является формой расизма и расовой дискриминации» и, таким образом, фактически поставила Израиль в один ряд с государствами, поддерживающими апартеид (в дальнейшем отменена резолюцией ГА ООН № 46/86 от 16 декабря 1991 г.).

Начавшись с одиночных публикаций в 1980-1990-е гг. [2; 3], риторика в контексте проблемы апартеида приобрела более широкий размах после «интифады Аль-Акса»⁵ в начале 2000-х гг. Значительную огласку получило сравнение применяемых Израилем мер в отношении палестинцев с режимом апартеида в Южной Африке⁶. В 2001 г. в Дурбане (ЮАР) состоялась «Всемирная конференция против расизма». В её рамках также был организован тематический форум правозащитных НПО, по итогам которого была принята декларация, называвшая Израиль «государством апартеида» и призывавшая к его международной изоляции посредством санкций и бойкота⁷.

¹ Учитывая полемику относительно понятия «палестинский народ», автор использует его широкое определение: коренное арабское население Палестины как региона или потомков коренного населения (например, см.: [1]).

² Израильская НПО «Монитор», придерживающаяся позиции правого крыла правительства, подчеркивает, что новой волне обвинений способствовало выделяемое в рамках расследования финансирование, направленное на сбор информации по нарушениям прав человека на оккупированных палестинских территориях. <https://www.ngo-monitor.org/apartheid/> (accessed 30.03.2022)

³ См. раздел «История обвинений» (прим. авт.).

⁴ Iraqi UN Delegate Compares Zionism to Apartheid. *Jerusalem Post*. 08.11.1961, at 2, col. 2.

⁵ Интифада (араб. - «восстание») - как правило, понимается вооруженное сопротивление палестинцев израильской оккупации. Первая интифада произошла в 1987 г. Вторая, начавшаяся в 2000 г., известна как «интифада Аль-Акса» (прим. авт.).

⁶ См., например: Apartheid in the Holy Land. Desmond. *The Guardian*. 29.04.2002. <https://www.theguardian.com/world/2002/apr/29/comment> (accessed 23.05.2022)

⁷ Forum at Durban Conference 2001. *NGO Monitor*. 07.09.2001. https://www.ngo-monitor.org/reports/ngo_forum_at_durban_conference (accessed 30.03.2022)

За последнее время более 15 правозащитных НПО с различным статусом обвинили израильские правительственные структуры в поддержании режима апартеида в отношении палестинцев как на оккупированных территориях, так и в самом Израиле⁸.

Катализатором этого могли послужить сразу несколько факторов. В 2017 г. Экономическая и социальная комиссия для Западной Азии (ЭСКЗА) ООН, состоящая из 20 арабских государств, опубликовала доклад, в котором вынесено заключение о виновности Израиля в преступлении апартеида [4]. В 2015 г. Палестина обратилась в Международный уголовный суд (МУС) в Гааге с просьбой расследовать преступления, предположительно совершенные начиная с июня 2014 г. в секторе Газа и на Западном берегу (в т.ч. в Восточном Иерусалиме). В марте 2021 г. главный прокурор МУС Ф.Бенсуда объявила о начале расследования по ситуации в Палестине. Ранее, в феврале 2021 г., Палата предварительного производства МУС постановила, что Суд может осуществлять свою юрисдикцию на территории Западного берега, Восточного Иерусалима и сектора Газа.

Дополнительным и не менее значимым информационным поводом стала публикация плана «*Peace to Prosperity*» («Мир во имя процветания»), подготовленного по инициативе президента США Д.Трампа, подразумевавшего аннексию территорий на Западном берегу⁹. Последующая эскалация отношений между Израилем и ХАМАС¹⁰, произошедшая в мае 2021 г., также вызвала беспокойную риторику в СМИ и отразилась в высказываниях ряда высокопоставленных публичных лиц в других странах о возможном наличии признаков преступления апартеида (в их числе - министр иностранных дел Франции Ж.-И. Ле Дриан, член Демократической партии США Рашида Тлаиб, дочь палестинских иммигрантов¹¹).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Вопрос о корректности применения понятия апартеид по отношению к особенностям обстановки на Западном берегу, в секторе Газа и в самом Израиле вызывает споры.

В 2014 г. Р.Фальк, Специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека на палестинских территориях, оккупированных с 1967 г., заметил в своем отчете, что язык формулировок «должен отражать повседневную реальность, а не маскироваться под эвфемизмами» [5]. Ранее он подчеркивал необходимость обращения в Международный Суд ООН за консультативным заключением относительно того, не являются ли элементы оккупации Тель-Авивом формой колониализма и апартеида. Однако в результате вынужден был самостоятельно проанализировать данный вопрос.

Эксперт указал на два основных документа, содержащих определения преступления апартеида: Международная конвенция ООН о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г. (далее - «Конвенция об апартеиде») и Римский статут МУС, утвержденный 17 июля 1998 г. Признаки, перечисленные в этих определениях, по мнению Р.Фалька, соответствуют действиям Израиля на оккупированных территориях. Один из ключевых критериев, приводимых в обозначенных соглашениях, - наличие «расовой дискриминации». Он подчеркнул, что, согласно ст. 1 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., под собственно расовой дискриминацией подразумевается «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения». То есть категория «расы» в данном случае трактуется в максимально широком смысле.

Заметим, что «Конвенция об апартеиде» не была подписана и не ратифицирована, а статут МУС не ратифицирован Израилем. Однако, по мнению ряда авторитетных исследователей, в частности, профессора кафедры международного права в Лейденском университете (Нидерланды) Д.Дугарда, содержащиеся в указанных документах нормы, ввиду их относимости напрямую к сфере защиты прав человека, могут рассматриваться сквозь призму международного обычного права и претендовать на признание универсальными [6].

⁸ NGOs Intensify Apartheid Demonization Campaign. *NGO Monitor*. 25.04.2021. <https://www.ngo-monitor.org/reports/ngos-apartheid-demonization-campaign> (accessed 30.03.2022)

⁹ План также известен под названием «Сделка века» (прим. авт.).

¹⁰ ХАМАС - с араб. «Исламское движение сопротивления». Движение (в дальнейшем и политическая партия, победившая на парламентских выборах в Палестине в 2006 г. и де факто руководящая сектором Газа) создано в 1987 г. Признано Израилем, а также США, Канадой, ЕС, Великобританией, Японией и Австралией террористическим.

¹¹ См.: «*Risque d'apartheid*» en Israël: «Utiliser ce mot renvoie à l'idée d'un racisme assumé». *L'Express*. 30.05.2021. https://www.lexpress.fr/actualite/monde/risque-d-apartheid-en-israel-utiliser-ce-mot-renvoie-a-un-racisme-assume_2151802.html (accessed 14.04.2022); Rashida Tlaib. End the Apartheid System. *Jacobin*. 15.05.2021. https://jacobinmag.com/2021/05/rashida-tlaib-end-the-apartheid-system-may-13-speech-palestine-israel-congress?_cf_chl_managed_tk__=pmd_KU2CAlfwD.kb5M0Cu2KVueQZydOgBzk_AALhht9f20c-1631898686-0-gqNtZGzNA2WjcnBszQhR (accessed 14.04.2022)

Кроме того, первым Дополнительным протоколом 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. практика апартеида и других негуманных и унижающих действий, оскорбляющих достоинство личности, основанных на расовой дискриминации, была включена в число серьезных нарушений международного права без географических ограничений. Этот нормативный акт в современном международном праве также принято рассматривать как накладывающий обязательства универсального характера [5].

Р.Фальк - не единственный эксперт, заостривший внимание на данной проблематике. В марте 2022 г. ныне действующий Специальный докладчик М.Линк согласился с мнением своего предшественника и призвал Израиль прекратить политику дискриминации и апартеида [7].

Закономерно, что положения Конвенции об апартеиде и Римского статута послужили также и правовой основой для отчетов НПО, анализируемых в настоящей статье. Так, следуя нормам международного права, представители НПО рассматривают апартеид как совокупность 3 основных элементов: «(а) бесчеловечные акты, совершаемые с целью (б) установления и поддержания господства одной расовой группы людей над какой-либо другой расовой группой людей и (в) её систематического угнетения»¹², и в дальнейшем приводят доказательства в соответствии с тремя указанными основаниями.

ХРОНОЛОГИЯ ПОСЛЕДНИХ ОБВИНЕНИЙ

В рамках настоящей работы нами были проанализированы отчетные документы НПО, опубликованные в 2019-2021 гг.:

1. Ноябрь 2019 г. Палестинские, региональные и международные НПО: «Аль-Хак» (*Al-Haq*), «БАДИЛЬ» (*BADIL*), Палестинский центр по правам человека (*PCHR*), «Аль-Мезан» (*Al-Mezan*), «Аддамир» (*Addameer*), Гражданская коалиция за права палестинцев в Иерусалиме, Каирский институт по исследованию вопросов прав человека (*CIHRS*) и Международная коалиция Хабитат - сеть по жилищным и земельным правам (*HIC-HLRN*) - отчет, направленный в Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (посвящен продолжающейся сегрегационной политике Израиля в отношении палестинского народа) [8].

2. Июль 2020 г. Израильская правозащитная организация «Еш дин» («Есть правосудие») - заключение адвоката по правам человека М.Сфарда относительно возможных признаков режима апартеида на Западном берегу [9].

3. Ноябрь 2020 г. Израильские правозащитные организации «Еш дин», «Врачи за права человека» (ВПЧ) и «Шоврим Штика» («Прерываем молчание») - отчет «Жизнь без защиты. Военные вторжения в палестинские дома на Западном берегу» (начиная с 2018 г. собраны показания палестинцев, пострадавших в ходе вооруженных проникновений в их дома). «Еш дин» задокументировала 158 свидетельских показаний палестинцев; ВПЧ провела 31 интервью, чтобы выявить, как вторжения влияют на психическое здоровье; «Шоврим Штика» собрала 40 свидетельств солдат и 5 свидетельств офицеров, участвовавших в вооруженных проникновениях [10].

4. Декабрь 2020 г. Палестинская правозащитная организация «*BADIL*» - доклад «Израильское апартеидно-колониальное образование: подчиняя умы и права палестинцев» [11].

5. Январь 2021 г. Израильская правозащитная организация «*B'Tselem*» - экспертное мнение о ситуации на оккупированных территориях [12].

Анализ вышеуказанных документов позволяет выделить следующие обстоятельства, которыми НПО подкрепляют вывод о том, что Израиль совершает преступление апартеида:

1. Дискриминационная политика на законодательном уровне

Представители НПО подчеркивают, что права палестинцев ущемляются такими нормативно-правовыми актами: а) Закон о возвращении (1950) и Закон о гражданстве (1952); б) Закон о гражданстве и въезде в Израиль (2003), ограничивающий возможность предоставления жителям палестинских территорий израильского гражданства, в т.ч. в рамках воссоединения семей; в) Закон о собственности отсутствующих владельцев (1950), подтверждающий возможность конфисковать земли при отсутствии владельцев; г) Основной закон: Израиль - национальное государство еврейского народа (2018), закрепляющий на законодательном уровне «еврейский характер»¹³ государства. В законе также утверждается следующее: «Государство видит в развитии еврейского поселенчества национальную ценность и будет действовать для поощрения и продвижения его создания и упрочения».

¹² Ст. I Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г. (*прим. авт.*).

¹³ Ст. 1 Основного закона содержит следующие пункты: 1) Эрец-Исраэль (Страна Израиля) есть историческая родина еврейского народа, в которой создано Государство Израиль; 2) Государство Израиль есть национальное государство еврейского народа, в котором он реализует свое естественное, культурное, религиозное и историческое право на самоопределение; 3) реализация права на национальное самоопределение в Государстве Израиль принадлежит исключительно еврейскому народу. <https://m.knesset.gov.il/ru/activity/pages/basiclaw.aspx?LawId=13> (accessed 19.06.2022)

2. Ограничение свободы передвижения. Блокада сектора Газа

Введенный Тель-Авивом пропускной режим, подразумевающий прохождение КПП, ограничивает свободу передвижения палестинцев, проживающих на Западном берегу и в секторе Газа, препятствуя свободному доступу к медицинским и другим услугам в Восточном Иерусалиме, Израиле и за границей, а также доступу к святым местам.

3. Экспроприация палестинских земель и снос домов

В Иерусалиме палестинцы постоянно подвергаются риску сноса домов, лишения собственности и вида на жительство - демографической меры, целью которой являются поддержание в городе еврейского большинства. В октябре 2019 г. бедуинская деревня Аль-Аракиб была снесена в 166-й раз. В том же году израильские власти выразили готовность переселить 36 000 бедуинов в Негеве.

4. Чрезмерное применение силы в отношении палестинцев

В 2018 г. в ходе проведения палестинцами «Марша возвращения»¹⁴ на территории сектора Газа израильскими военными было убито около двухсот демонстрантов. Согласно заявлению Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), в течение 2018 г. израильские силы ежедневно проводили на территории Западного берега около 19 военных операций¹⁵.

5. Сегрегация: раздельная система дорог, разделение двух народов

Несмотря на то, что палестинцы могут свободно передвигаться в Израиле и живут в городах со смешанным населением, израильское законодательство¹⁶ позволяет небольшим населенным пунктам отказывать им в проживании по причине несовместимости с «социокультурной структурой» поселений. Согласно исследованию Й.Джабарина, профессора израильского технологического института «Технион» (г. Хайфа) [13], в Израиле существует более 900 еврейских населенных пунктов, включая кибуцы¹⁷, в которых действуют указанные ограничения, т.е. ни в одном из таких населенных пунктов нет палестинцев.

Отдельно НПО выделяют дискриминацию, которой подвергаются палестинцы в сфере образования. Так, «BADIL» указывает на то, что в учебной программе информация о палестинской идентичности, истории и национальных правах подвергается цензуре - прилагательное «палестинский» заменяется на прилагательное «арабский», а такие понятия, как Накба¹⁸, мученик, сопротивление или борьба находятся под запретом.

ПОЗИЦИЯ ИЗРАИЛЯ

Власти Израиля не изменяют свою позицию по отношению к вышеперечисленным обвинениям: деятельность НПО трактуется как акты, умышленно направленные на делегитимизацию еврейского государства. Ранее представители МИД Израиля не раз указывали на то, что факты, представленные, в частности, «B'Tselem», не соответствуют действительности [14]. Аналогичным образом был встречен и отчет *Amnesty International*¹⁹, опубликованный в начале 2022 г.: министр иностранных дел Я.Лапид заявил, что эта правозащитная организация «более не является уважаемым учреждением; она превратилась в обычную радикальную структуру, которая транслирует пропаганду без проверки фактов». По его мнению, «вместо того, чтобы добиваться правды, *Amnesty International* распространяет ту же ложь, что и террористические организации» [15].

Следует отметить, что в октябре 2021 г. министр обороны Израиля Б.Ганц объявил 6 палестинских правозащитных НПО («Аль-Хак», «Аддамир», «Центр Бисан», «Международная ассоциация защиты детей - Палестина», «Союз комитетов сельскохозяйственных рабочих» и «Союз комитетов палестинских женщин») террористическими организациями [16]. Это стало последовательным шагом после публикации в 2019 г.

¹⁴ Марш возвращения - демонстрация, организованная палестинцами в память о Накбе (см. ниже). В 2018 г. событиям, которые также называют «исход палестинского народа» в результате первой арабо-израильской войны, исполнилось 70 лет (прим. авт.).

¹⁵ «We thought we lost him»: Tear Gas Use in Dheisheh Camp. UNRWA. 08.04.2019. <https://www.unrwa.org/newsroom/features/%E2%80%9Cwe-thought-we-lost-him%E2%80%9D-tear-gas-use-dheisheh-camp> (accessed 16.07.2022)

¹⁶ В 2011 г. в Израиле принят Закон о приемных комиссиях, который уполномочил комиссии общинных поселков в Негеве и Галилее самостоятельно принимать или отклонять заявки на поселение. См.: <https://main.knesset.gov.il/Activity/Legislation/Laws/Pages/LawBill.aspx?t=lawsuggestionssearch&lawitemid=322702> (accessed 19.06.2022)

¹⁷ Кибуц - сельскохозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества, равенством в труде и потреблении (прим. авт.).

¹⁸ Накба (араб. - «катастрофа»), понятие, которое используется некоторыми арабскими источниками применительно к последствиям событий первой арабо-израильской войны 1948-1949 гг. (прим. авт.).

¹⁹ В феврале 2022 г. *Amnesty International* опубликовала доклад «Израиль проводит апартеид в отношении палестинцев: жестокая система доминирования и преступления против человечности» (прим. авт.).

Министерством по стратегическим вопросам и общественной дипломатии отчета «Террористы в костюмах. НПО поддерживающие движение “BDS”²⁰ и террористические организации» [17], в котором большая часть представленных структур уже тогда обвинялась во взаимодействии с ХАМАС, Организацией освобождения Палестины и «Исламским джихадом», признанными Израилем террористическими формированиями.

Учитывая высказанное Я.Лапидом предупреждение о росте обвинений в совершении преступления апартеида²¹, можно прогнозировать, что Тель-Авив будет ужесточать свою политику в отношении правозащитных организаций, даже несмотря на призывы международного сообщества пересмотреть эту позицию²².

Правозащитные НПО часто подвергаются критике за отсутствие объективности в описании существующей ситуации и недостоверное представление фактов, которые, по мнению израильских государственных структур, зачастую не проходят должной процедуры верификации.

НПО утверждают, что риторика о необходимости ряда ограничений прав человека в интересах национальной безопасности, сказывающихся в первую очередь на положении представителей палестинского народа, служит прикрытием, используемым Израилем лишь для того, чтобы продолжать действовать в собственных интересах: увеличивать количество еврейских поселений, экспроприировать палестинские земли и т.д.

Вместе с тем, НПО уклоняются от того, чтобы объективно оценить реальную террористическую угрозу, исходящую от радикальных формирований, которые могут базироваться в секторе Газа, на Западном берегу, а также в арабских населенных пунктах или городских арабских кварталах в Израиле. Из внимания НПО ускользает и то, что идеология движения ХАМАС находит все больше сторонников среди палестинского населения. Необходимо отметить, что хотя в 2017 г. ХАМАС и выпустил новый программный документ, лишенный нарочитой враждебности, присутствовавшей в Хартии 1988 г. [18], движение продолжает считать незаконным само основание Израиля, а сопротивление оккупации с использованием любых средств и методов - легитимным действием, соответствующим божественной воле и отвечающим международному праву²³.

Намеренно упуская из внимания указанные аспекты многогранного конфликта, в погоне за большей эффективностью собственной деятельности, НПО сами готовят почву для критиков, указывающих на необходимость детального разбора предполагаемых преступлений, совершаемых представителями всех противоборствующих сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Придавая широкой огласке информацию о нарушении прав палестинцев на Западном берегу, в секторе Газа, в Восточном Иерусалиме и в самом Израиле, НПО способствуют тому, что вопрос о решении палестинско-израильского конфликта остается в актуальной повестке международных отношений. Однако представляется, что очередная волна обвинений в адрес еврейского государства со стороны НПО не сможет существенно повлиять на политику Израиля, который продолжает расширять поселения, несмотря на периодическую эскалацию конфликта и агрессии со стороны палестинцев²⁴.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Крылов А.В. Этногенез палестинцев. Становление еврейской государственности в XX веке: ключевые события (Коллективная монография). Книга II. Отв. ред. Т.А.Карасова, Д.А.Марьясис; М., ИВ РАН. 2019. С. 30-41

²⁰ BDS (англ. - *Boycott, Divestment, Sanctions*), движение «Бойкот, изоляция, санкции» основано в 2005 г. Сторонники движения выступают за введение санкций против Израиля и бойкот израильских товаров до тех пор, пока Тель-Авив не станет соблюдать нормы международного права (*прим. авт.*).

²¹ Lapid: Gov't will see uptick in accusations that Israel an apartheid state in coming year. <https://www.timesofisrael.com/live-blog-entry/lapid-govt-will-see-uptick-in-accusations-that-israel-an-apartheid-state-in-coming-year> (accessed 02.05.2022)

²² Israel/Palestine: UN experts call on governments to resume funding for six Palestinian CSOs designated by Israel as 'terrorist organisations'. 25.04.2022. <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/04/israel-palestine-un-experts-call-governments-resume-funding-six-palestinian> (accessed 02.05.2022)

²³ A Document of General Principles and Policies. The Islamic Resistance Movement "Hamas". para. 25. <https://hamas.ps/en/post/678/A-Document-of-General-Principles-and-Policies> (accessed 03.05.2022)

²⁴ В апреле 2022 г. Верховный суд одобрил постройку 31 здания для поселенцев в Хевроне. Решение принято, несмотря на рост агрессии со стороны палестинцев в первые недели Рамадана. См.: The Supreme Court allowed the construction of 31 housing units for settlers in Hebron. Peace Now. 30.04.22. <https://peacenow.org.il/en/the-supreme-court-allowed-the-construction-of-31-housing-units-for-settlers-in-hebron> (accessed 03.05.2022)

- Krylov A.V. 2019. Ethnogenesis of the Palestinian people. The establishment of Jewish statehood in XX century: key events. The collective monograph. Book II. Eds. T.A.Karasova, D.A.Maryasis. Moscow. Pp. 30-41. (In Russ.)
2. Davis U. Israel: An Apartheid State. London: Zed Books. 1987. 145 p.
3. Shah S. On the Road to Apartheid: The Bypass Road Network in the West Bank. *Columbia Human Rights Law Review* 29. 1997-98. Pp. 221-377
4. Israeli Practices towards the Palestinian People and the Question of Apartheid. ESCWA. Beirut, 2017. 74 p. <https://oldwebsite.palestine-studies.org/sites/default/files/ESCWA%202017%20%28Richard%20Falk%29%2C%20Apartheid.pdf> (accessed 30.03.2022)
5. Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Palestinian territories occupied since 1967, Richard Falk. Human Rights Council. 13.01.2014. A/HRC/25/67. <https://undocs.org/en/A/HRC/25/67> (accessed 13.06.2022)
6. Dugard J. International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid. United Nations Audiovisual Library of International Law. 2008. https://legal.un.org/avl/pdf/ha/cspca/cspca_e.pdf (accessed 01.05.2022)
7. Report of the Special Rapporteur on the situation of Human Rights in the Palestinian territories occupied since 1967. Human Rights Council. 21.03.22. A/HRC/49/87. <https://www.un.org/unispal/document/report-of-the-special-rapporteur-on-the-situation-of-human-rights-in-the-palestinian-territories-occupied-since-1967-report-a-hrc-49-87-advance-unedited-version> (accessed 10.04.2022)
8. Joint Parallel Report to the United Nations Committee on the Elimination of Racial Discrimination on Israel's 17th to 19th Periodic Reports. 100th SESSION. Submitted: 10 November 2019. Al-Haq - Law in the Service of Man, BADIL Resource Center for Palestinian Residency and Refugee Rights, the Palestinian Center for Human Rights, Al Mezan Centre for Human Rights, Addameer Prisoner Support and Human Rights Association, the Civic Coalition for Palestinian Rights in Jerusalem, the Cairo Institute for Human Rights Studies, and Habitat International Coalition - Housing and Land Rights Network. 60 p. https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CERD/Shared%20Documents/ISR/INT_CERD_NGO_ISR_39700_E.pdf (accessed 10.04.2022)
9. The Israeli Occupation of the West Bank and the Crime of Apartheid: Legal Opinion by Adv. Michael Sfard. Position paper. June 2020. 58 p. <https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/files.yesh-din.org/Apartheid+2020/Apartheid+ENG.pdf> (accessed 28.03.2022)
10. A Life Exposed. Military invasions of Palestinian homes in the West Bank. Joint Report by Yesh Din, Physicians for Human Rights Israel and Breaking the Silence. November 2020. 106 p. https://www.phr.org.il/wp-content/uploads/2020/11/Exposed_Life_ENG.pdf (accessed 01.04.2022)
11. Israel's Apartheid-Colonial Education: Subjugating Palestinian Minds and Rights. BADIL Resource Center for Palestinian Residency and Refugee Rights. Working Paper № 26. December 2020. 56 p. <http://www.badil.org/phocadownloadpap/badil-new/publications/research/working-papers/WP26-right2education.pdf> (accessed 02.04.2022)
12. A regime of Jewish supremacy from the Jordan River to the Mediterranean Sea: This is apartheid. B'Tselem. 12.01.2021. 8 p. https://www.btselem.org/sites/default/files/publications/202101_this_is_apartheid_eng.pdf (accessed 07.04.2022)
13. Jabareen Y. Territoriality of negation: Co-production of "creative destruction" in Israel. *Geoforum*. Volume 66. November 2015. Pp. 11-25. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0016718515002316?via%3Dihub> (accessed 16.07.2022).
14. Israel Is an 'Apartheid' State, Says Israeli Human Rights Group B'Tselem. *Haaretz*. 12.01.2021. <https://www.haaretz.com/israel-news/2021-01-12/ty-article/israel-is-an-apartheid-state-says-israeli-human-rights-group-btselem/0000017f-dba3-df62-a9ff-dff7d2e90000> (accessed 12.04.2022)
15. Israel blasts Amnesty UK for 'antisemitic' report accusing it of apartheid. *The Times of Israel*. 31.01.2022. <https://timesofisrael.com/lapid-attacks-delusional-amnesty-uk-ahead-of-report-accusing-israel-of-apartheid> (accessed 02.05.2022)
16. ששת הארגונים בגדה העילית פעלו בשם עבדו שלא טרור פעילי העסקים בגדה הארמונית שש. (Ganz: The six organizations in the West Bank employed terrorists who did not actually work for them) (In Hebr.). *Haaretz*. 08.12.2021. <https://www.haaretz.co.il/news/politics/premium-1.10450473> (accessed 02.05.2022)
17. Terrorists in suits. The Ties between NGOs promoting BDS and Terrorist Organizations. Ministry of Strategic Affairs and Public Diplomacy. February 2019. https://www.gov.il/BlobFolder/generalpage/terrorists_in_suits/en/DeLegitimization%20Brochure.pdf (accessed 02.05.2022)
18. Крылов А.В., Морозов В.М. Идеология ХАМАС: от радикального исламизма к рациональному практицизму? *Политические исследования*. 2018. № 4. С. 84-99.
Krylov A.V., Morozov V.M. 2018. HAMAS ideology: From radical Islamism to rational practicism? *Polis. Political studies*. № 4. Pp. 84-99. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Филиппова Наталья Ивановна, лаборант-исследователь, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; аспирантка СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Natalya I. Philippova, Research assistant, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Post-graduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 22.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.09.2022

Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 1

© Ткаченко А.А.^{a,b}, Ткаченко К.А.^{a,c}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko @inafr.ru

^c ORCID ID: 0000-0002-5307-8263; konst86@gmail.com

Резюме. Арабский Восток, включая страны Северной Африки - Арабский Магриб и Египет, а также Арабский Машрик, находящиеся на разных этапах социального транзита, в последние десятилетия, главным образом в 2000-е гг., претерпевают существенные, качественные изменения.

В странах Арабского Востока с середины XX в. на этапе обретения многими государствами политической независимости ускорилось промышленное развитие, доминирующие позиции в экономике занял государственный сектор, в целом возросло государственное регулирование хозяйственной жизни. Усилилось влияние государства на все ключевые сферы общественно-политической жизни - формирование соответствующих структур и институтов трех ветвей власти, культуру, включая систему образования и науки, здравоохранение и т. д. Процессы обновления, трансформации получили дополнительный импульс в результате беспрецедентных политических потрясений, произошедших в регионе на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., ускорения глобализации, включая формирование единого мирового информационного пространства, цифровизации. Статья посвящена, главным образом, анализу основных факторов, влияющих на формирование нового социального облика государств Северной Африки.

Ключевые слова: Северная Африка, глобализация, модернизация, технологический переход, социальный транзит, социальные общности, нации, этносы, конфессии

Для цитирования: Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 43-50. DOI: 10.31857/S032150750022931-6

North African countries in XXI century: The processes of formation of a new social appearance. Part 1

© Alexander A. Tkachenko^{a,b}, Konstantin A. Tkachenko^{a,c}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

^b ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko @inafr.ru

^c ORCID ID: 0000-0002-5307-8263; konst86@gmail.com

Abstract. The countries of North Africa, which are currently at different stages of social transit, have been undergoing significant, qualitative changes in recent decades, mainly in the 2000s.

The evolution of the social image of the Arab States has become one of the most important consequences of the ongoing large-scale transformations in this region and, more broadly, in the globalized world. Geopolitical and geoeconomic parameters/features of the object of the study - the North African countries with their hundreds of tribes and clans predetermine significant differences in the nature and dynamics of transformation and development of selected states. This is due to significant differences in historical-cultural development, ethnic and confessional composition within a large group of countries, and their population. This group includes numerous states that differ in natural and geographic environment and have a rich historic background with its particular case in each country.

Today there exists a rather mixed picture of positions that selected countries of the region hold in the "world ranking" of the level and dynamics of economic development, quality of human capital, scale of poverty, framework conditions for investment, demographic factor, urbanization, environmental protection, etc. All of this directly affects implementation of renovation/modernization concept - the key mega trend of social development of the region in recent decades. On the whole, for the past 50 years the shifts have been limited (but anyone could say that this is just the beginning). This article is devoted mainly to the analysis of the factors influencing the formation of a new social image of the North African countries.

Keywords: North Africa, globalization, modernization, technological conversion, social transit, social communities, nations, ethnoses, confessions

For citation: Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. North African countries in XXI century: The processes of formation of a new social appearance. Part 1. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 43-50. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022931-6

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие с середины - последней трети XX в. социальные сдвиги в странах Северной Африки включают численный рост традиционных и появление новых социальных слоев. Среди наиболее многочисленных и значимых выделяются следующие:

- наемные работники практически во всех сферах общества;
- промышленный и сельскохозяйственный рабочий класс;
- представители свободных профессий, «белые воротнички»;
- так называемый средний класс;
- слой крупных собственников - промышленников, банкиров, владельцев коммерческих компаний, фондов и других финансовых организаций;
- «бюрократическая буржуазия».

В отдельных государствах, обладавших исключительными природными ресурсами, в частности нефтегазовыми, добившихся с последней трети XX в. экономического рывка в своем развитии, сложились особые страты, слои, частью которых стали представители относительно узкого слоя ближайшего окружения глав правящих режимов, этнических, родоплеменных кланов и т.п.

Процесс социального обновления, трансформации со всеми его изгибами, поворотами, кризисами и подвижками растянулся на несколько десятилетий на фоне постепенного догоняющего развития и экономики, и общества, и государства в условиях хозяйственной, а в отдельных странах и политической модернизации, (ограниченной) либерализации. Вытекающий из внутренней логики его конечный результат состоит в формировании хозяйственной, административной и правовой основ более устойчивого, способного к саморазвитию общества, прежде всего его экономики.

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ВАЖНЕЙШИЕ ЧЕРТЫ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Вследствие роста числа занятых в формируемых на этапе политической независимости структурах и институтах трех ветвей власти - различных государственных органов - представительных, исполнительных, судебных, СМИ, развития системы образовательных учреждений разного уровня, включая высшие учебные заведения, профессиональные училища, а также научно-исследовательских институтов и центров, сети медицинских учреждений, резко выросла численность «белых воротничков», представителей свободных профессий [1, с. 44-50]. Часть из них формируют наиболее важные составляющие новой социальной общности - функционеров, активистов отдельных общественных структур, партий и движений пока еще только нарождающегося гражданского общества. Причем провести четкую грань между отдельными группами, социальными стратами на этапе социального транзита в ряде случаев представляется либо трудным, либо даже невозможным как в силу переходного характера развития рассматриваемых государств, так и заметного усложнения всей динамично меняющейся хозяйственной сферы, общественно-политической жизни [2, с. 54-61].

Рост численности т.н. бюрократической буржуазии - одна из наиболее значимых особенностей обновляемого социального облика стран с переходной и не вполне зрелой рыночной экономикой. Этот слой новых собственников капиталов - материальных и финансовых - образовался главным образом на этапе растущего доминирования государства в хозяйственной жизни стран Северной Африки и шире - в типологически близких к ним странах Ближнего Востока. Представители этого слоя полностью или частично «заместили» в отдельных странах многочисленный слой колонистов, владевших собственностью в ключевых отраслях экономики, чиновников колониальной администрации.

Среди других факторов, формирующих новый социальный облик государств Северной Африки, необходимо выделить следующие:

- экономическое развитие, модернизация/хозяйственные реформы (характер, динамика, масштабы, промежуточные итоги);
- глобализация, кризис глобализации;
- культурно-цивилизационный прогресс, трансформация/эволюция этно-конфессионального пространства;
- миграционные процессы;
- демографические тренды, стремительная урбанизация;
- меры по сохранению природной среды, смягчению экологических проблем.

Каждый из факторов вносит свою лепту в формирование социальной структуры - социального облика рассматриваемых стран региона. Но в целом именно экономические тренды, одна из важнейших составляющих глобализации, в т.ч. числе и на современном этапе, когда её более или менее «плавное» течение сменилось на кризисную фазу, выполняют такую «работу» в наибольшей степени и при этом они несут на себе печать влияния прочих факторов, находясь в динамической взаимосвязи с ними. Это проявляется в численном росте промышленных работников/рабочих вследствие начавшейся доиндустриализации в середине XX в. на этапе независимого развития, а в целом ряде стран - продолжающейся индустриализации, складывающегося на рубеже XX-XXI вв. курса на модернизацию экономики, социальной сферы и политиче-

ского пространства. Эти процессы запустили трансформационные качественные изменения социального облика стран Северной Африки и шире.

При этом глобализация в большой мере влияет на социокультурную сферу, в т.ч. на разнообразные составляющие / профессиональные группы в области культуры, включая СМИ, литературу, различные жанры искусства, занятых в сфере интернета (провайдеры, специалисты IT и т.п.). Несомненно, таким важнейшим составляющим глобализации, как сложившееся единое информационное пространство, цифровизация, принадлежит особая роль (о быстро растущей численности занятых в этой сфере говорит статистика: скачкообразный рост в 2000-е гг. количества мобильных телефонов, сетей и разнообразных структур, их обслуживающих, в рассматриваемых странах).

Появляется, всё более «повинуясь» закономерностям цивилизационного развития, и всё более утверждая свое влияние, элемент общемировой культуры во всем её многообразии, неоднозначности/противоречивости, постепенно стирая либо, напротив, усиливая (отдельные участки) границы, степень взаимовлияния между цивилизациями, континентами, странами, социальными общностями, этносами и нациями, конфессиями, формируя «человека» - «причудливый» синтез человеческих типов, образов - социальных фигур XXI века. Для Периферии, но и не только, этот процесс «плавильного котла» особенно заметен и значим, как особенно заметны контрасты между наступающим (со знаком плюс или минус) модерном и неистово сопротивляющейся архаикой, терпящей поражение или, напротив, пусть и временно, побеждающей.

Важно подчеркнуть - именно этот, пусть и очень тонкий слой, оказывает широкое воздействие, влияние на качественные изменения политической культуры, социально-политической жизни, во многом формируя в XXI веке в целом (перво)основу нарождающегося гражданского общества (со всеми плюсами и неизбежными минусами, перекосами и т.п.). Один из убедительных примеров - выход на стабильно очень высокие показатели электоральной активности населения целого ряда мусульманских стран [3, р. 204].

Миграционный цунами - порождение группы факторов, в т.ч. глобализации и её кризисной нынешней фазы, отличительной чертой которой является вспыхнувшая борьба между приверженцами и противниками однополярного и многополярного подходов в конкурентной борьбе на мировой арене, казалось бы, не столь сильно, как экономические процессы, влияет на формирование нового социального облика рассматриваемых стран, относящихся к Периферии. Но на деле оно привнесло качественно новые черты в этот облик.

Сложившиеся многочисленные мусульманские общины (только в объединенной Европе их численность, по разным оценкам, составляет около 19 млн человек и более) с учетом миграционной волны последнего периода¹ и числом, и своей активностью проявили себя в качестве весьма влиятельной электоральной и шире составляющей внутриполитической силы (в особенности на фоне относительно индифферентной многочисленной не участвующей в выборах части местного, национального электората). Итак, мигрант из Северной Африки и с Ближнего Востока стал неотъемлемой частью социума XXI века как в промышленно развитых демократиях - в Европе, Северной Америке и т.д., так и в странах истоков миграции, добавив в социальный облик каждой из них своеобразные черты.

СТРАТЫ ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ - СИНТЕЗ СТАРОГО И НОВОГО В ОБЛИКЕ ОБЩЕСТВА ИЛИ РОЖДЕНИЕ КАЧЕСТВЕННО НОВОГО

В силу недостаточности необходимой информации, содержащейся, прежде всего, в социологических исследованиях, пока можно говорить лишь об очертках формирующейся, складывающейся, нарождающейся в отдельных странах региона к началу третьего десятилетия XXI в. социальной структуры стран Северной Африки.

В процессе социальной эволюции традиционные страты в одних странах во многом, в других лишь частично сохранили прежние отличительные качества и по названию, и по содержанию, и по сути. Это наемные работники в городе и деревне, представители свободных профессий, предприниматели - малый бизнес, средний и крупный бизнес, а также безработные (полностью и частично, временно), беднейшие слои, «социальное дно», пауперы.

За период с середины XX в., т.е. в условиях политической независимости, с начавшейся ломки прежнего колониального уклада образовались и выросли численно, по меньшей мере в 2-3 раза, «новые» группы, слои, общности и страты, находящиеся в стадии формирования их более устойчивых признаков, качеств. Свои коррективы, и существенные, в социальный облик североафриканских государств вносят процессы урбанизации. Они отличаются особо высокими темпами с начала XX в. Фигура горожанина на рубеже веков преобладает и замещает ранее доминировавшую фигуру сельского жителя.

¹ World Migration Report 2022. IOM. P. 10. <https://www.europeanmigrationlaw.eu/documents/IOM-WMR-2022.pdf> (accessed 08.09.2022); Африка в глобальных миграционных потоках: история и современность. М., ИАФР РАН. 2022, с. 6-8.

Таблица 1 дает представление о динамике одного из важнейших факторов, определяющих современный социальный облик североафриканских государств, - изменении в структуре национальных экономик стран Северной Африки. Для сравнения приводим статистику и по некоторым странам Ближнего Востока.

Таблица 1. **Объем производства и доля в ВВП основных отраслей в странах Арабского Востока в 2010-2020 гг.**
Table 1. **Volume of production in the main economic branches and its share in GDP**
of the Middle East countries (2010-2020)

Страна	ВВП*, \$ млрд		Сельское хозяйство, %		Промышленность, (в т.ч. обрабатывающая), %		Сфера услуг, %	
	2010	2020	2010	2020	2010	2020	2010	2020
Алжир	161,2	145	8,5	14,1	40,9(39,0)	30,3(18,8)	39,2	48,7
Египет	219,0	365,3	13,3	11,6	35,8(16,1)	32,0(16,4)	46,2	51,8
Ливия	74,8	25,4	1,8	...	77,5(...)	4,5(...)	...	...
Марокко	93,2	114,7	12,9	11,7	25,7(15,6)	26,1(15,3)	51,0	50,8
Тунис	46,2	41,6	6,8	10,1	29,5(15,7)	21,7(13,5)	55,9	61,0
Судан	59,0	21,3	31,9	20,4	21,1(5,1)	23,3(...)	30,8	36,3
Мавритания	5,6	7,9	16,7	20,2	38,2(6,7)	28,8(6,1)	39,9	42,5
КСА	528,2	700,1	2,6	2,6	58,4(11,0)	41,4(13,0)	39,2	56,2
Ливан	38,4	31,7	3,9	3,0	13,8(7,7)	6,9(3,1)	71,9	87,2
Иордания	27,1	43,7	3,6	5,2	26,3(18,9)	23,9(17,3)	59,1	61,6
Ирак	138,5	166,8	5,2	5,9	55,8(2,3)	41,1(3,0)	39,7	54,3
Оман	65,0	74,0	1,2	2,6	63,3(10,0)	47,5(8,0)	39,9	54,7
Сирия	252,5	22,8	19,4	39,8	30,4(...)	18,1(...)	50,1	42,1
Катар	125,1	144,4	0,1	0,3	73,2(12,5)	52,3(7,9)	28,6	52,7

* По официальному курсу.

Составлено по: World Bank. World Development Indicators. 2022. NY. UN. Economy. 4.2; The World Factbook. Algeria, Egypt, Jordan, Lebanon, Libya, Morocco, Syria, Iraq, Saudi Arabia; Kuwait, Sudan, Qatar, UAE, Oman, Bahrain, Tunis, Yemen. 2022. cia.gov/the_world_factbook/ (accessed 12.08.2022)

Изменения в структуре национальных экономик стран региона, произошедшие за второе десятилетие (2010-е гг.), не поддаются однолинейной оценке из-за страновых особенностей, существенных различий по многим параметрам. Вместе с тем выделяется общий тренд, который во многом носит определяющий характер для формирующегося «социального портрета» региона БВСА: почти во всех странах происходит стабильный рост масштабов сферы услуг, её доли в ВВП, заметно численно умножились социальные слои, включающие занятых в различных областях сферы торговли и образования, а также в медицинских учреждениях, государственных службах, включая армию и т.д.

Этот тренд можно было бы расценивать как в основном позитивный, рассматривая его под углом зрения долгосрочных тенденций цивилизационного развития в регионе и в мире. Однако в его основе лежат не только позитивные подвижки, как то: рост отраслей, предоставляющих разнообразные как традиционные, так и современные/ультрасовременные, высокотехнологичные виды услуг. Для многих из них характерна априори более высокая производительность труда, опирающаяся на более современные и высокотехнологичные виды хозяйственной деятельности, начатые хотя и относительно недавно, но относительно динамично и более или менее стабильно развивающиеся, в т.ч. сервисизацию и цифровизацию экономик.

Вместе с тем, этот тренд являет собой и признак вынужденного («застойного») роста сферы услуг - неформального сектора, служащего пристанищем избыточной рабочей силы. К этому следует добавить стагнацию или даже падение, пусть и небольшое, доли обрабатывающей промышленности в ВВП (при заметном росте абсолютных показателей производства). Это отражено в показателях по 8 из 13 государств, по которым имеется соответствующая статистика. В их числе - Алжир, Марокко, Тунис, Мавритания, Ливан, Иордания, Оман, Катар. Несомненно, на данном тренде сказались кризисные (временные) явления, связанные в основном с пандемией и с мировым финансовым кризисом 2009 г., а также с политическими потрясениями.

Несколько иная, но более противоречивая картина складывается с ролью традиционно ключевой отрасли - сельского хозяйства. Мировой тренд здесь связан с идущими в разных странах региона с различной

скоростью процессами перестройки отраслевой структуры национальных экономик, её облагораживания и с постепенной утратой высокой в прошлом доли сельского хозяйства в ВВП на фоне возрастающего значения, доли сферы услуг и промышленности.

Эти процессы испытывают тормозящее влияние со стороны мер по сохранению таких исключительно важных социальных функций, как обеспечение занятости населения, поддержка национального источника продовольствия в целях сдерживания роста бюджетных расходов на импорт продовольственных товаров при обеспечении более или менее гарантированной продовольственной безопасности. Под влиянием указанных факторов в странах региона в рассматриваемый период складывалась неоднозначная, довольно мозаичная картина.

В ряде государств Северной Африки - Алжире, Тунисе, Мавритании - доля отрасли в ВВП во втором десятилетии текущего столетия даже возросла. Для сравнения - подобная картина наблюдалась и на Ближнем Востоке - в Иордании, Ираке, Омане, Сирии. Напротив, в Египте, Марокко, Судане, а также в Ливане, она снизилась. В группе ближневосточных стран - Бахрейне, Кувейте, Саудовской Аравии - осталась на том же уровне, что и в 2010 г.

Причины такого положения внутри каждой группы определялись не только общими, но и местными, национальными/страновыми особенностями, которые требуют более подробного, детального анализа и немалого круга дополнительных и достоверных статистических, фактических данных.

Важно еще раз подчеркнуть то, что не только сохраняется, но и возрастает социальная значимость сельского хозяйства (среди прочих) как сферы приложения труда, занятости в условиях хотя и снижающегося, но все еще довольно высокого демографического роста и относительно ограниченной способности развивающейся промышленности, да и различных сегментов сферы услуг абсорбировать значительные массы численно растущего трудоспособного населения.

В этой связи заслуживает внимания более детальный анализ динамики за ряд лет отраслевой структуры занятости населения стран РБВСА - насколько она совпадает с отмеченными выше трендами (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение самодеятельного населения, занятого в различных отраслях экономики стран Северной Африки и Ближнего Востока в середине - конце второго десятилетия XXI в.
Table 2. Quantity and share of the population engaged in different economic branches in North Africa and Middle East countries (middle - end of the second decade, XXI century)

Страна	Численность занятых в экономике, млн	Доля занятых в промышленности, %		Доля занятых в сельском хозяйстве, %		Доля занятых в сфере услуг, %	
		2015	2020	2015	2020	2015	2020
Алжир	10,86	30,9	32,3	11,8	10,8	55,9	57,5
Египет	24,1	30,0	31,9	22,2	20,5	47,8	47,6
Марокко	9,4	25,5	26,1	30,1	27,4	44,5	46,5
Ливия	1,1	25,6	27,9	19,1	16,6	55,2	55,4
Тунис	4,0	33,0	33,7	16,4	15,3	50,5	50,9
Судан	11,9	21,4	21,1	35,9	33,6	42,7	45,3
Ирак	8,9	23,7	23,8	20,9	18,7	55,4	57,6
КСА	13,8	26,0	28,2	7,0	2,7	67,0	69,1
ОАЭ	5,3	40,3	40,1	2,4	1,7	57,3	58,3

Составлено по: The World Factbook. Algeria, Egypt... [cia.gov/the_world_factbook/economy/](https://www.cia.gov/the_world_factbook/economy/) (accessed 12.08.2022); World Bank. World Development Indicators. 2022. Employment by Sectors. <https://wdi.worldbank.org/table/2.3> (accessed 10.08.2022)

Отраслевая структура занятости отражает сдвиг, произошедший в экономике стран региона БВСА в последние десятилетия в результате упора на диверсификацию отраслевой структуры хозяйства в пользу современных отраслей, инновационных видов производства товаров и услуг, развития национальной промышленности (доиндустриализация). Доля занятых в промышленном секторе большинства стран Северной Африки - Алжира, Египта, Туниса, Ливии, а также ближневосточных государств - Иордании, Ирака, Марокко, Омана, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Сирии - варьируется в пределах значимых величин - от 15 до 30% и более от всей численности рабочей силы. В некоторых из них - Алжире, Египте, Ираке, Ливии, Саудовской Аравии, Марокко, Тунисе - даже за относительно короткий срок - пятилетие - доля занятых в промышленности возросла.

Разумеется, отраслевая структура промышленного сектора в каждой из рассматриваемых стран отличается составом подотраслей. Общим для всех рассматриваемых государств является наличие обширной по местным меркам группы отраслей легкой промышленности, производящих продукцию массового спроса - от продовольственных товаров до текстиля, одежды и обуви, мебели и кухонной утвари.

Входящие в эту группу предприятия численно преобладают среди промышленных, и основная их масса представляет собой небольшие, мелкие фабричные производства и мастерские с числом занятых от 5-10 до 30-50 человек. В основном они опираются на сырье местного производства, их технический уровень относительно невелик. Они, как правило, отличаются низкой или невысокой конкурентоспособностью и то лишь на внутреннем национальном или субрегиональном рынке. Многие из них работают на грани выживания: по оценкам экспертов, не менее 30% из их числа при открытии местных рынков обанкротятся в условиях либерализации внешнеэкономических связей и наплыва товаров из промышленно развитых стран. Еще треть будет существовать на грани разорения, слияния, реструктуризации, сохраняя шансы на выживание.

В то же время почти во всех странах региона появились и получили заметное развитие промышленные предприятия с современным высокотехнологичным оборудованием, хотя большинство из них сосредоточены в традиционных отраслях, где ультрасовременные технологии или почти отсутствуют, или применяются в ограниченных масштабах. Это предприятия в сфере энергетики, металлургии, производства строительных материалов, отдельных узлов и агрегатов различных видов машин и оборудования, в особенности военной техники и амуниции, электроники. Хотя численность занятого в них персонала относительно невелика, тем не менее она значительна, и это уже по многим характеристикам достаточно современный промышленный рабочий класс. По разным оценкам, его доля составляет от нескольких процентов всех фабрично-заводских рабочих до 10-15%, в отдельных странах - крупных экспортерах углеводородов - до 25%.

Анализ долгосрочных программ национального развития большинства рассматриваемых государств указывает на то, что диверсификация, облагораживание структуры национальных экономик, их более глубокое вхождение в мировое хозяйство продолжатся, как и соответствующие изменения в численности и структуре промышленных работников. Естественно, с выраженными страновыми особенностями по скорости, масштабам, отраслям и подотраслям. В странах-экспортерах углеводородов такая тенденция носит более динамичный характер, хотя и здесь ощущается заметное торможение, а то и её блокировка из-за возросшей внутриполитической нестабильности на отдельных исторических этапах.

Важно подчеркнуть - промышленный персонал не только растет численно, но и меняется качественно в результате формирования сектора высокотехнологичных подотраслей. На это указывают данные табл. 2 и 3. Так, за пятилетие - с 2015 по 2020 г. - доля обрабатывающих отраслей увеличилась в каждой третьей из 15 рассматриваемых стран.

Наряду с другими данными, такими как рост масштабов и доли сферы услуг, эта тенденция свидетельствует о продолжении, по сути, эволюции социального облика после «арабской весны» и пика мирового финансово-экономического кризиса на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. Эта эволюция неоднозначна, как и другие значимые процессы, в ней сочетаются черты прогресса, восхождения (появление и численный рост современных страт, групп, профессий, в т.ч. специалисты IT, программисты, провайдеры, эксперты консалтинговых фирм и компаний) с чертами негативными - рост числа безработных, бедных, криминальных лиц и организаций и т.д.

Социологические исследования указывают на такую важную их черту, как переходный характер профессий - рост сочетания сфер, видов занятости с соответствующими сопутствующими этому профессиональными данными, деловыми этическими нормами и т.д. (как со знаком плюс, так и минус) [2, с. 54-61].

Второй фактор, повлиявший на изменения структуры занятых в экономике, - это естественный и искусственный/вынужденный рост сферы услуг. Однако этим не ограничиваются тенденции, складывающиеся в сфере занятости. На вероятные изменения в сфере занятости самостоятельного населения указывают и другие подвижки, произошедшие за первые два десятилетия.

Прежде всего, привлекают внимание масштабы безработицы, а также её высокая доля среди в известной мере ключевого страта - молодежи.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI в.

Масштабы безработицы в странах региона существенно различаются. Можно выделить по этому показателю три группы стран.

В **первой**, в которую входят главным образом государства, охваченные вооруженными конфликтами - Ливия, Сирия, Йемен, Судан, где уровень безработицы особенно высок - от почти 20% до 50%. Это запредельный уровень. Но и в отдельных других государствах (**вторая** группа - 6 государств) его вряд ли можно оценить как удовлетворительный - от 12-13% до 15-19%. И лишь в **третьей** группе (4 государства), со-

стоящей из крупных экспортеров углеводородов, данный показатель невелик. Однако в большинстве государств региона - 15 - исключительно высока доля безработицы среди молодежи - наиболее массовой возрастной группы населения ближневосточных стран.

Кардинальное решение проблемы с занятостью путем создания новых рабочих мест требует огромных средств, доступность которых через бюджетные источники пока ограничена. Разумеется, в большинстве рассматриваемых стран реализуются государственные программы создания новых рабочих мест. Но пока не удалось переломить ситуацию к последовательному сокращению различных форм безработицы.

Таблица 3. Социальная структура некоторых стран Северной Африки и Ближнего Востока в начале третьего десятилетия XXI в.

Table 3. Social structure of some North African and Middle East countries at the beginning of the third decade of XXI century

Страна	Число занятых в экономике, млн	Безработные*, %	Предприниматели**, крупный, средний и малый бизнес, %	Владельцы мастерских, хозяйств, не использующие наемный труд, %	Наемные работники, %	Доля населения с самыми низкими доходами***, %	Численность мигрантов, работающих за рубежом, млн (2015)
Алжир	10,9	13,6 (39,3)	7	30	63	0,4	1,8
Египет	24,1	12,7 (19,2)	15	35	50	6,5	3,3
Марокко	9,4	9,2 (22,2)	10	40	50	0,9	2,8
Тунис	4,0	15,5 (34,9)	25	35	40	0,2	0,7
Судан	11,9	19,6 (32,6)	15	45	40	2,2	1,9
Ливия	1,1	30,0 (48,7)	...	...	...	-	...
Мавритания	1,4	10,2 (21,1)	3	70	27	6,0	...
Кувейт	2,7	1,1 (15,4)	10	45	45	-	Менее 0,1
Ливан	2,2	9,7 (23,4)	15	35	50	-	0,8
ОАЭ	5,3	1,6 (7,2)	30	35	35	-	0,1
КСА	13,8	6,0 (27,2)	10	35	55	-	0,3
Иордания	0,7	19,1 (37,3)	9	25	66	0,1	...
Оман	2,3	... (13,7)	...	...	...	-	Менее 0,1
Катар	2,0	8,9 (0,4)	15	40	45	-	Менее 0,1
Ирак	8,9	6,0 (25,6)	...	...	...	1,7	1,5
Йемен	7,4	27,0 (24,5)	4	55	41	18,3	1,0

* В скобках указан процент безработных среди самой многочисленной возрастной группы самостоятельного населения - молодежи в возрасте 15-24 лет.

** Составлено на основе оценки численности крупных, средних и малых предприятий, сельскохозяйственных ферм, объектов торговли, образовательных, медицинских и других видов услуг.

*** Доход в день менее \$1,9.

Составлено по: World Bank. World Development Indicators. 2022. <https://wdi.worldbank.org/table/4.2> (accessed 14.07.22); International Labour Organization. ILOSTAT. Data Country Profiles. Resources. Statistics on unemployment and supplementary measures of labour underutilization. ilostat.ilo.org/topics/unemployment-and-labour-underutilization/# (accessed 15.08.2022); World Bank. 2022. World Development Indicators. Global Goals: ending poverty and improving lives. <https://wdi.worldbank.org/table/WV.2> (accessed 07.08.22); World Migration Report. 2022. <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (accessed 06.08.22)

В последние десятилетия упор делается на поощрении эмиграции в страны-экспортеры углеводородов Ближнего и Среднего Востока, в промышленно развитые государства-члены ЕС и страны Северной Америки, а также на расширении сети вузов. Это позволяет не только несколько снизить остроту проблемы занятости, но и увеличить суммы переводов мигрантов на родину: например, переводы египтян, работающих за рубежом, в 2010 г. составили \$12,5 млрд, а в 2020 г. - \$29,6 млрд².

Что касается численности безработных, то здесь официальная статистика заметно менее оптимистична: в большом числе стран уровень безработицы довольно высок, особенно среди представителей молодежной группы (см. табл. 3). Причем острота проблем безработицы среди молодых дипломированных спе-

² World Migration Report. 2022 // Migration and migrants: A global overview. Table 3. P. 21.

циалистов и «утечки мозгов» усиливается. Кроме того, явно обозначилась растущая нестыковка между специальностями, по которым вузы готовят кадры, и запросом со стороны компаний и предприятий.

Эта проблема имеет ярко выраженный не только общенациональный, но и глобальный характер. Решение её связано как с поддержкой малого бизнеса, дающего наибольший прирост рабочих мест, так и с привлечением внешних капитальных ресурсов, современных технологий, современной деловой этики, причем той, которой чужда коррупция. К ней тесно примыкает борьба с бедностью, являющейся также острой общенациональной и глобальной проблемой.

Вопрос стоит во многом так: какое общество формируется в XXI веке в рассматриваемых странах - общество бедняков или общество благоденствия, гетерогенное, более или менее консолидированное, или дифференцированное, разделенное, или некий «микс»? Что говорит статистика о тенденциях по этому вопросу?

Таблица 3 позволяет оценить степень социальных контрастов в странах Северной Африки и в ближневосточных государствах в 1990-2022 гг. Для сравнения приведем показатели по некоторым другим государствам и в мире в целом. Так, доля населения с прожиточным уровнем ниже черты бедности (менее \$1,9 в день) в Германии и Франции - 0,0; Израиле - 0,2; Японии - 0,7; США - 1,0; в среднем по региону БВСА - 7,1; в мире - 8,6; в среднем по региону Южной Азии - 15,3, в Индии - 22,5; в Гане - 12,7; ЮАР - 18,7; Гвинее - 23,2; Эфиопии - 30,8; Нигерии - 39,0.

Данные таблицы 3 указывают на то, что доля населения с самыми низкими доходами велика среди стран Северной Африки лишь в Судане, где она заметно превышает соответствующий показатель в среднем по миру, и существенна в Египте и Мавритании. Правда, нет особых сомнений в том, что официальная статистика в немалом числе государств преуменьшает масштабы бедности. На это указывают данные относительно высокой доли безработных среди самодельного населения и приводимые для сравнения показатели уровня подушевого дохода в других странах и регионах мира, близких по уровню социально-экономического развития.

* * *

Во второй статье более подробно будет рассмотрено влияние глобализации на происходящую эволюцию социального облика стран Северной Африки. Сама глобализация предстает в целом ряде аспектов как неоднородное противоречивое явление, переживающее на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. кризис, затронувший всю мировую цивилизацию.

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Формы и направления повышения инклюзивности научно-технологического потенциала в североафриканском регионе. *Научно-технологический потенциал современной Африки*. М. ИАФР РАН, 2022, с. 44-50. Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. 2022. Building scientific and technological capacity in North African countries and enhancing its inclusiveness / Scientific and technological potential of modern Africa. Moscow. Pp. 44-50. (In Russ.)
2. Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Социальная политика. Социальная структура. Рабочий класс: поиск новых векторов дифференциации. *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 54-61. Andreeva Yu.V., Lukyanova E.L. Social policy. Social structure. Working class: search for new vectors of differences. *Sociology Studies*. 2018. Moscow. № 10. Pp. 54-61. (In Russ.)
3. Anushiravan Ehteshami. 1999. Is the Middle East Democratizing? *British Journal of Middle East Studies*. № 26 (2), p. 204.
4. Ближний Восток и Северная Африка: процессы модернизации и международная безопасность. М. 2016. ИАФР РАН. С. 47-185. 2016. The Middle East and North Africa: Problem of Modernization and International Security. Pp. 47-185. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ткаченко Александр Алексеевич, кандидат экономических наук, заведующий Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Alexander A. Tkachenko, PhD (Economics), Head, Center for North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ткаченко Константин Александрович, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Konstantin A. Tkachenko, PhD (Economics), Research Fellow, Center for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 08.08.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.10.2022

Финансирование Китаем Глобального Юга: роль Государственного банка развития Китая в экономике Африки

© Матвеевский С.С.^a, 2022

^a Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8307-910X; ssmatveevskii@fa.ru

Резюме. В статье рассматривается финансирование Китаем развития Глобального Юга, приведены количественные данные, включая реализацию китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Автор делает вывод о том, что Китай, его банки, включая Государственный банк развития Китая (ГБРК) активно финансируют проекты и программы в странах Африки в рамках «взаимной помощи между развивающимися странами». Проекты реализуются в различных сферах экономики, включая инфраструктуру, сельское хозяйство и промышленность. Финансирование проектов дополняется развитием экспортно-импортных отношений между Китаем и странами Африки, в которые вовлечено большое количество китайских предприятий.

Китай и страны Африки используют форум *FOCAC* для трехлетнего планирования финансирования проектов и программ. В 2021 г. на *FOCAC* руководство Китая не только существенно сократило объемы финансирования, но и изменило его порядок: теперь ресурсы будут поступать в распоряжение африканских финансовых институтов, которые и будут финансировать проекты.

Ключевые слова: Глобальный Юг, Африка, Китай, *FOCAC*, финансирование, банк развития, Государственный банк развития Китая

Для цитирования: Матвеевский С.С. Финансирование Китаем Глобального Юга: роль Государственного банка развития Китая в экономике Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 51-57. DOI: 10.31857/S032150750022937-2

Chinese funding of the Global South: The role of the State Development Bank of China in the African economy

© Sergey S. Matveevsky^a, 2022

^a Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8307-910X; ssmatveevskii@fa.ru

Abstract. The article examines China's financing of the development of the Global South, provides quantitative data, including the implementation of the Chinese initiative "One Belt, One Road". The author concludes that China, its banks, including the State Development Bank of China (CDB), are actively financing projects and programs in African countries within the framework of "mutual assistance among developing countries". Projects are being implemented in various sectors of the economy, including infrastructure, agriculture and industry. Project financing is complemented by the development of export-import relations between China and African countries, which involve a large number of Chinese enterprises.

China and African countries use the FOCAC forum for three-year project and program funding planning. In 2021 at FOCAC, the Chinese leadership not only significantly reduced the amount of funding, but also changed its order: now the resources will go to African financial institutions, which will finance the projects.

The CDB, through which China finances projects to a large extent both in Africa and in other countries of the Global South, draws on its many years of experience in the selection, evaluation and implementation of projects in Africa. This makes it possible to ensure the selection of high-quality and relevant for China projects in African countries, to carry out their successful implementation and, as a result, create conditions for economic growth.

Keywords: Global South, Africa, China, FOCAC, financing, development banks, State Development Bank of China

For citation: Matveevsky S.S. Chinese funding of the Global South: The role of the State Development Bank of China in the African economy. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 51-57. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022937-2

ВВЕДЕНИЕ

По данным отчета МВФ «Международная статистика долга за 2021 год», в 2019 г. Китай стал крупнейшим кредитором в мире: страны с малым и средним уровнем дохода должны ему примерно \$154 млрд. Большая часть кредитов имеет коммерческий характер. Китай «трансформировался» из важного двустороннего кредитора всего в трех странах в 2000 г. до крупнейшего кредитора в 52 из 120 стран, рассмотрен-

ных в 2019 г. 95% китайских кредитов были получены т.н. институциональными заемщиками, т.е. правительствами, двусторонними государственными организациями или многосторонними финансовыми учреждениями (включая Государственный банк развития Китая - ГБРК), 5% из \$154 млрд было получено частными банками или другими частными финансовыми учреждениями [1].

ГБРК и Промышленно-торговый банк Китая также предоставили специальную помощь отдельным странам-заемщикам: был списан долг в объеме \$10,7 млрд в виде поддержки в связи с COVID-19. Использование Китаем списания долгов как элемента сотрудничества с другими странами началось задолго до COVID-19: по данным *Development Reimagined*, в период с 2000 по 2018 г. Китай списал около \$9,8 млрд долга других стран [1].

Растущее кредитование Китаем (особенно коммерческое) вызвало обеспокоенность у некоторых развитых стран, в частности, США: в 2018 г. правительство США обвинило Китай в использовании «дипломатии долговой ловушки» для расширения своего международного политического влияния. Однако было доказано, что китайские банки никогда фактически не арестовывали активы ни в одной стране и демонстрировали готовность реструктурировать существующие кредиты, а в некоторых случаях были готовы полностью их списать [1].

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ

В последнее время позиция Китая в сфере международного сотрудничества существенно изменилась. Нынешний этап назван «новой эрой» китайского сотрудничества в целях развития: Китай все чаще объясняет свои расходы на международное развитие желанием внести вклад в обеспечение мира, развития и процветания во всем мире, опираясь на объявленную в 2013 г. инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП).

Эта инициатива, объединяя цели в области инвестиций, развития и торговли, представляет собой платформу, с помощью которой Китай стремится реализовать свое видение глобального сообщества общего будущего. Китайский ОПОП состоит из двух основных компонентов и т.н. пяти «опор», а именно - сухопутный Шелковый путь и Экономический пояс, соединяющий Китай с Европой, Ближним Востоком, Центральной и Юго-Восточной Азией, а также Морской Шелковый путь, включающий строительство или улучшение портов вдоль Южно-Китайского моря, Индийского океана и южной части Тихого океана. «Опоры» - это инфраструктура, торговля, финансы, политика и обмены между людьми.

ОПОП охватывает 65 стран, на которые, согласно результатам исследований американского финансового конгломерата *Morgan Stanley* за 2018 г., приходилось 30% мирового номинального ВВП, 40% роста мирового ВВП и 44% населения мира. Этот анализ также показал, что общие расходы Китая на ОПОП к 2027 г. могут достичь от \$1,2 до \$1,3 трлн. Общий объявленный объем инвестиций достигает \$8 трлн [1].

Еще с 1950 г. Китай начал использовать свои внутренние достижения в области развития для усиления своего влияния в развивающихся странах, реализуя сотрудничество по линии Юг-Юг. За 70 лет с тех пор он превратился в выдающегося поставщика финансирования глобального развития. Правительство КНР называет Китай «крупнейшей развивающейся страной в мире» и поэтому рассматривает свои усилия по сотрудничеству в целях развития как форму взаимной помощи между развивающимися странами. При этом Пекин считает, что его «сотрудничество Юг-Юг» существенно отличается от «сотрудничества Север-Юг».

Согласно Белой книге правительства Китая за 2021 г. - «Международное сотрудничество Китая в области развития в новую эру» (в ней речь идет о планах сотрудничества с африканскими странами на очередную трехлетку), в период с 2013 по 2018 г. Китай потратил на финансовую помощь в области международного сотрудничества 270,2 млрд юаней (\$42 млрд). Это составляет примерно 45 млрд юаней (\$7 млрд) ежегодно, рост почти на 50% по сравнению с предыдущим периодом - \$4,6 млрд. Следует отметить, что приведенные объемы финансовой помощи являются только частью общего участия Китая в экономике стран с низким и средним уровнем дохода и не учитывают его значительный нефинансовый вклад в развитие этих стран [1].

Немного больше половины указанных объемов финансовой поддержки было предоставлено в виде кредитов: 49% были льготными кредитами, то есть кредитами, субсидируемыми китайским правительством, с льготной процентной ставкой 2-3%, со сроком погашения 15-20 лет и льготным периодом 5 лет (т.е. не надо погашать кредит, выплачивать проценты), 4% были беспроцентными кредитами со сроком погашения 20 лет и льготным периодом 10 лет. Остальные 47% внешней помощи Китая в этот период были предоставлены в виде грантов.

Китай увеличил использование грантов с 36% финансовой помощи в 2010-2012 гг. до 47% в 2013-2018 гг. Эти гранты в основном используются для финансирования проектов, связанных с социальным обеспечением, развитием людских ресурсов, техническим сотрудничеством, материальной помощью

(в т.ч., чрезвычайной), в то время как льготные кредиты используются для более крупных промышленных и инфраструктурных проектов; беспроцентные кредиты используются главным образом при строительстве объектов общественного назначения [1].

Для Китая инициативы, связанные с развитием, не всегда увязываются с конкретным типом финансирования. Это означает, что Китай иногда предоставляет средства для конкретного проекта через несколько механизмов финансирования.

Начиная с 2021 г. Китай перестал использовать термин «иностранный кредит» при предоставлении финансирования другим странам, а стал использовать формулировку «международное сотрудничество в целях развития». Это связано с позицией президента Китая Си Цзиньпина, который по-новому видит роль Китая в решении проблем глобального развития на период до 2030 г. [1].

Теперь Китай определяет международное сотрудничество в целях развития как свои двусторонние и многосторонние усилия в рамках сотрудничества Юг-Юг по содействию экономическому и социальному развитию посредством иностранной помощи, гуманитарной помощи и других средств. В связи с этим в 2018 г. Китай учредил Китайское агентство по международному сотрудничеству в целях развития (CIDCA) [1].

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ С АФРИКАНСКИМИ СТРАНАМИ

Необходимо отметить, что из указанных ранее \$46 млрд, которые Китай потратил на финансовую помощь другим странам с 2013 по 2018 г., почти половину получили страны Африки (но в «Белой книге» не указаны конкретные страны) и более одной трети - страны Азии [1].

Сотрудничество Китая и стран Африки связано также с активными торговыми отношениями: например, только с 2018 по 2021 г. ежегодный торговый оборот между Китаем и странами Африки увеличился с \$162,7 млрд до \$204,2 млрд [2].

Активное финансовое и торговое сотрудничество Китая и африканских стран развивается по линии Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) [2], основанного в 2000 г. для развития сотрудничества между Китаем и 53 африканскими странами. Основное содержание форума FOCAC связано с расширением торговли, увеличением прямых иностранных инвестиций и развитием сотрудничества Юг-Юг [1]. FOCAC каждые три года проводит т.н. министерские конференции, которые позволяют как руководству Китаю, так и руководству африканских стран готовить планы по финансированию проектов, развитию торговых отношений [2].

В 2014 г. Китай совместно с Африканским банком развития (АФБР) учредил новый фонд «Африка растет вместе» в размере \$2 млрд для финансирования проектов развития в Африке в течение десяти лет.

Сам АФБР действует с 1964 г., реализуя большое количество проектов и программ, ежегодно обеспечивает развитие инфраструктуры, создание новых рабочих мест и др. АФБР реализует проекты, направленные на совершенствование управления государственными финансами в африканских странах, улучшение инвестиционного климата, сокращение бедности и безработицы [3].

В настоящее время различные банковские организации Китая финансируют в Африке более 10 000 объектов. Это можно считать следствием успешной работы FOCAC, других совместных фондов, ГБРК и других китайских банков [1].

У Китая есть четкая стратегия предоставления кредитов тем странам, которые располагают ключевыми ресурсами и возможностями по их добыче и транспортировке. Можно говорить о том, что руководство Китая при отборе зарубежных проектов для финансирования ищет совпадение интересов. Это объясняет активное участие государственного сектора Китая в прямых иностранных инвестициях.

В соответствии с заявленным акцентом Китая на борьбе с бедностью, большинство африканских стран, получивших финансовую поддержку Китая, относятся к числу стран, которые Китай считает наименее развитыми. В 2013-2018 гг. общий объем финансирования Китаем африканского континента увеличился с примерно 15,5 млрд юаней (\$2,4 млрд) до 20,3 млрд юаней (\$3,2 млрд) в год. Необходимо отметить, что китайские кредиты стали особенно важными для африканских стран, лишившихся права на получение международных многосторонних кредитов и грантов на льготных условиях, что было связано с экономическим ростом в ряде стран Африки, прежде всего, Северной Африки [1].

В декабре 2021 г. на очередном форуме FOCAC Китай представил новую версию развития китайско-африканских отношений на следующие три года: углубление китайско-африканского партнерства и содействие устойчивому развитию для создания китайско-африканского сообщества с общим будущим в новую эпоху. Из материалов форума следует, что запланировано сокращение общих (на трехлетку) финансовых обязательств Китая: с \$60 млрд в 2018 г. до \$40 млрд в 2022 г. В частности, в сельском хозяйстве, в области защиты окружающей среды, здравоохранения, мира и безопасности и содействия развитию торговли ко-

личество подтвержденных проектов по каждой категории сократилось с 50 проектов в 2018 г. до 10 - в 2022 г. [4].

Важность инфраструктурных инвестиций очевидна: применительно к Африке недавние оценки АфБР позволили определить минимальный объем инвестиций в инфраструктуру континента (данный объем должен позволить странам поддерживать рост экономики, заменить устаревшую инфраструктуру и пр.): от \$130 млрд до \$170 млрд в год. АфБР подчеркнул, что в 2019 г. данные потребности удовлетворялись не более чем наполовину [5].

Инвестиции в инфраструктуру и капитальные проекты африканских стран имеют важное значение для диверсификации экономики, содействуют развитию деятельности частного сектора, индустриализации, ежегодному созданию рабочих мест для 12 млн чел., вступающих в ряды рабочей силы Африки каждый год.

По оценкам Всемирного банка, в странах Африки к югу от Сахары рост ВВП на душу населения может увеличиться на 1,7% в год, если в регионе будет обеспечен необходимый объем финансирования инфраструктуры. Одновременно это позволит сделать экономический рост в Африке более инклюзивным, обеспечить рост, сопровождаемый созданием благоприятных условий для повышения качества жизни и обеспечения равенства возможностей всех групп населения страны, снизив уровень бедности по всему континенту [5].

Как правило, китайское финансирование инфраструктурных проектов в Африке обеспечивают два т.н. «политических» банка: *China Exim Bank* - около 67% от общего объема кредитов в период с 2000 по 2015 г. и ГБРК - 13% за тот же период времени. В частности, *China Exim Bank* позволяет африканским странам, не имеющим достаточных финансовых гарантий, использовать их природные ресурсы в качестве залога при финансировании инфраструктурных проектов.

Дополнительным источником финансирования, в т.ч. инфраструктурных проектов, является Фонд кита́йско-африканского развития (*CADFund*), который был создан в 2007 г. с начальным объемом ресурсов в \$5 млрд. К 2018 г. *CADFund* увеличил свой объем ресурсов до \$10 млрд и инвестировал более \$4,6 млрд более чем в 90 проектов в 36 африканских странах. Ожидалось, что проекты *CADFund* будут стимулировать местный экспорт в объеме \$5,8 млрд и обеспечат местные налоговые поступления в объеме \$1 млрд [5].

В соответствии с данными форума *FOCAC-2021*, существенно сокращено финансирование новых инфраструктурных проектов в Африке. Следует учитывать, что предыдущие китайские кредиты, использованные для развития инфраструктуры, поставили несколько африканских правительств в затруднительное положение - например, существует угроза перехода под контроль Китая аэропорта Энтеббе в Уганде, кенийского порта Момбаса. Замбия пока не нашла решения проблемы погашения существующего долга (безусловно, на кредитоспособность африканских стран повлияла пандемия *COVID-19*) [4]. Можно предположить, что на данную ситуацию могло повлиять также и то, что в самом Китае накопилось большое количество незавершенных долгосрочных инфраструктурных проектов.

Китай будет продолжать стимулировать китайские компании к инвестициям в Африку: китайские институты развития будут предоставлять финансирование в объеме только \$10 млрд (в 2 раза меньше, чем в предыдущие три года) ежегодно, но и получателями этих денежных средств будут теперь только африканские финансовые организации (теперь они должны поддерживать развитие африканских компаний).

Использование указанных посредников позволит Китаю уйти от угрозы принятия негативных решений в случае нарушения условий кредитных договоров, позволит оградить его от обвинений в «финансовом неокOLONIALИЗМЕ».

Китай также выделяет \$10 млрд из своей доли (\$29,216 млрд) в новом предоставлении МВФ специальных прав заимствования (СДР) на сумму \$650 млрд для Африки. Другими словами, Китай стремится сохранить объем своих финансовых обязательств перед Африкой, сократив при этом свои прямые расходы [4].

Одной из растущих категорий финансовых обязательств Китая перед Африкой является торговое финансирование. Теперь будет выделено \$10 млрд (в 2018 г. - \$5 млрд) для финансирования экспорта африканских товаров и услуг с повышенным уровнем добавленной стоимости. Рост торгового финансирования связан с увеличением торговых оборотов [2], что в значительной степени объяснялось торговым финансированием (\$6,2 млрд в связи с большим спросом) *China Exim Bank* [4].

Можно утверждать, что Китай считает рост торговли с Африкой своим приоритетом. По планам Китай намерен увеличить свой импорт из Африки до \$300 млрд за следующие три года (в 2020 г. импорт составил \$72,7 млрд). Китай стремится сбалансировать торговлю с Африкой.

В течение последних 20 лет импорт из Африки составил \$1,2 трлн, а экспорт в Африку - \$1,27 трлн. Однако если в 2019 г. положительное сальдо торгового баланса Китая по отношению к Африке составило \$17,7 млрд (\$113,2 млрд китайского экспорта и \$95,5 млрд китайского импорта), то в 2020 г. дисбаланс вырос до \$41,5 млрд [4].

В целом можно говорить о том, что после 2021 г. Китай демонстрирует изменение своих приоритетов деятельности на Африканском континенте: более важным стало продвижение торговли, особенно содействие африканскому экспорту в Китай [10].

КИТАЙ - ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ АФРИКАНСКИХ СТРАН

Банки развития (БР), в отличие от традиционных коммерческих банков (обеспечивают кредитование, покупку и продажу ценных бумаг, валюты - активные операции банков), не должны получать прибыль, а действуют в соответствии с текущим мандатом и выполняют планы национальных правил. Они призваны обеспечивать развитие отдельных секторов экономики (как правило, связанных с экспортом), финансируют долгосрочные проекты и программы (которые, как правило, не представляют интереса для коммерческих банков). Практически все БР получают денежные средства из государственных бюджетов, дополнительно они привлекают денежные средства на финансовых рынках (выпуск и продажа облигаций), используют софинансирование - средства частных и государственных предприятий.

Естественно, что средства, поступающие в БР при погашении ранее предоставленных кредитов, также используются в деятельности данных институтов развития - для финансирования новых проектов. Во время кризисов БР реализуют т.н. антициклическую функцию: резко увеличивают объемы кредитования реального сектора экономики, компенсируя спад кредитования у банков [6].

Деятельность любого БР связана с финансированием и реализацией проектов. Поэтому все БР использует цикл проекта, предполагающий формирование и адаптацию стратегии сотрудничества БР с регионом (или страной), планирование и реализацию проекта (подготовка бизнес-плана, принятие решения о финансировании и т.п.). Последний этап цикла проекта всегда предполагает оценку полученных результатов: производится сравнение полученных экономических, финансовых и иных результатов с целевыми значениями, делаются выводы [6].

Учрежденный в марте 1994 г. Государственный банк развития Китая (ГБРК), был создан для финансирования проектов инфраструктурного развития в основных отраслях промышленности Китая. Банк поддерживает политику центрального правительства путем долгосрочного кредитования отраслей экономики. ГБРК является крупнейшим не только среди т.н. политических китайских банков, но и среди БР мира. В 2020 г. его активы были равны 17,1 трлн юаней (или примерно \$2,7 трлн), общий объем предоставленного финансирования превышал \$1,8 трлн [7].

ГБРК использует структуру развития бизнеса, которую в Китае описывают: «одно тело, два крыла». Проекты в области инфраструктуры, базовых и опорных отраслей, стратегических отраслей являются «основной частью, телом», содействуют скоординированному региональному развитию и урбанизации. А проекты, обслуживающие развитие обычных китайских предприятий - это «крылья».

ГБРК выдал кредиты на сумму более \$180 млрд странам, участвующим в ОПОП, при этом остаток кредитов превышает \$110 млрд, что составляет более 30% международного бизнеса банка (как правило, финансируются проекты в области инфраструктуры, телекоммуникаций, связанные с созданием производственных мощностей и зарубежных промышленных парков) [8].

В рамках ОПОП и не только ГБРК финансирует проекты более чем в 90 странах мира, предпочтение отдается проектам, связанным с добычей природных ресурсов и развитием инфраструктуры. В проектах активно участвуют государственные предприятия Китая [7].

Предоставляемые ГБРК международные кредиты - это в основном средне- и долгосрочные кредиты, кредиты для пополнения оборотного капитала на срок 1 год и менее и краткосрочные кредиты в иностранной валюте для финансирования строительных проектов. ГБРК предоставляет среднесрочные и долгосрочные кредиты для финансирования проектов в иностранной валюте в странах, участвующих в реализации ОПОП. Эти кредиты обеспечивают глобализацию и привлечение крупных китайских предприятий, поддержку зарубежных финансовых учреждений или правительств при реализации финансового сотрудничества и экономического развития стран-контрагентов, развития торговли между Китаем и странами-контрагентами [8].

Как и другие БР, ГБРК активно выпускает как внутренние, так и внешние долгосрочные облигации. Внешние облигации ГБРК имеют рейтинг, эквивалентный суверенному долгу КНР; внутренние облигации - низкодходные, они активно покупаются китайскими банками.

В 2020 г. только для борьбы с бедностью ГБРК выпустил облигаций в объеме 11 млрд юаней (около \$1,56 млрд) [9]. А в 2021 г. в Китае были выпущены сертифицированные климатические облигации: ГБРК привлек \$7,4 млрд, средства используются для защиты окружающей среды и зеленого развития в бассейне реки Хуанхэ в Китае [10].

Рынок облигаций Китая был создан в 1981 г.; с 2016 г. данный рынок занимает 3-е место в мире по объему, уступая только США и Японии [11]. На облигации ГБРК приходится 23% всего объема рыночных торгов облигациями Китая. Низкая доходность облигаций позволяет ГБРК выдавать сравнительно дешевые кредиты [12].

Китай является самым крупным в мире потребителем энергоносителей, поэтому только в 2020 г. ГБРК выдал 8 новых зарубежных кредитов (совместно с Эксимбанком Китая) для финансирования проектов в энергетическом сегменте (4 проекта - в Африке, общий объем - \$3,07 млрд).

При финансировании энергетических проектов ОПОП ГБРК, как правило, использует синдицированные кредиты для диверсификации кредитных рисков (большие объемы кредитования). Использование международных синдицированных кредитов помогает ГБРК оптимизировать структуру активов и наилучшим образом использовать их для поддержки китайских и иностранных клиентов при финансировании крупных проектов, включая торговое финансирование [13].

Избранные финансовые показатели деятельности ГБРК (2015-2020 гг.) представлены в *таблице*.

Таблица. **Избранные финансовые показатели ГБРК за 2015-2020 гг. (млрд юаней)**
Table. **Selected CDB financial indicators for 2015-2020 (bln yuan)**

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Все активы	12 619,7	14 340,5	15 959,3	16 179,8	16 504,6	17 103,6
Валовые кредиты и авансы клиентам	9206,9	10 318,1	11 036,8	11 678,9	12 200,5	13 049,9
Просроченные кредиты	0,81%	0,88%	0,70%	0,92%	0,95%	0,79%
Выпущенные долговые ценные бумаги	7359,5	7898,5	8446,6	9108,4	9735,8	10 722,1
Собственный капитал	1070,3	1162,7	1240,5	1300,7	1 393,7	1480,6
Прибыль за год	102,8	109,7	113,6	112,1	118,5	118,8

Источник: China Development Bank. 2020 Sustainability report. http://www.cdb.com.cn/English/shzr/kcxfzbg/shzr_2020/202108/t20210813_8953.html (accessed 15.10.2021)

Анализ данных *таблицы* позволяет заключить, что ГБРК регулярно наращивает свои активы, что связано с увеличением объема выдаваемых кредитов; доля просроченных кредитов - небольшая, практически не меняется, что свидетельствует о хорошем управлении финансами и циклом проекта; увеличение объема выпущенных долговых ценных бумаг подтверждает тот факт, что облигации - основной источник финансирования деятельности банка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ГБРК непосредственно влияет на экономический рост как в Китае, так и в зарубежных странах, включая Африканский континент. Однако уровень инклюзивности данного экономического роста пока сложно оценить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай уже более 20 лет в больших объемах осуществляет финансирование стран т.н. Глобального Юга. Данное финансирование тесно связано с использованием китайских компаний - как строительных, так и ориентированных на экспортно-импортные операции. Таким образом, Китай не только удачно инвестирует денежные средства (даже в случае беспроцентных кредитов), но и развивает и диверсифицирует свои экспортные операции. Можно предположить, что многоплановое сотрудничество китайских компаний с отдельными странами, включая африканские страны, позволяет им добиваться выгодных условий торговли.

В 2021 г. Китай отказался от использования термина «иностранный кредит» по отношению к реципиентам своих финансов и стал использовать формулировку «сотрудничество ради развития»: это свидетельствует о качественном изменении взаимоотношений.

Сотрудничество Африки и Китая показательно как по масштабам, так и по организации: быстрый рост торговли (экспорт и импорт), тысячи реализуемых проектов и программ в африканских странах. Регулярно проводимые форумы *FOCAC* являются примером того, как следует передовым «развивающимся» странам осуществлять сотрудничество с менее развитыми странами.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Zoe J., Zühr R. A New Era? Trends in China's financing for international development cooperation. May 2021. <https://donor-tracker.org/insights/new-era-trends-chinas-financing-international-development-cooperation> (accessed 22.06.2019)

2. Фитуни О.Л. Адаптация африканской стратегии КНР к реалиям постковидного мира. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 12. С. 20-28. DOI: 10.31857/S032150750017782-2
Fituni O.L. 2021. Adaptation of China's African strategy to the realities of the post-COVID world. *Asia and Africa Today*. № 12. Pp. 20-28 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017782-2
3. Матвеевский С.С. Африканский банк развития: влияние на экономический рост. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 3. С. 22-28. DOI:10.31857/S032150750019247-3
Matveevsky S.S. 2022. African Development Bank: Impact on Economic Growth. *Asia and Africa Today*. № 3. Pp. 22-28 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019247-3
4. Yun Sun. FOCAC 2021: China's retrenchment from Africa? December 6, 2021. <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2021/12/06/focac-2021-chinas-retrenchment-from-africa/> (accessed 22.06.2019)
5. Edinger H., Labuschagne J.-P. If you want to prosper, consider building roads. China's role in African infrastructure and capital projects. https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/za22330_consider-building-roads/DI_If-you-want-to-prosper-consider-building-roads.pdf (accessed 22.06.2019)
6. De Luna-Martinez J. 2017. Survey of National Development Banks. *Global report. World Bank Group*. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/977821525438071799/pdf/2017-Survey-of-National-development-banks.pdf> (accessed 22.06.2019)
7. China development bank. <https://www.adb.org/search?keywords=project%20cycle&page=1&source=suggest> (accessed 22.06.2019)
8. Honfeng X., Jing W. Role of China Development Bank in BRI Clean Energy Finance. <https://greenfdc.org/role-of-china-development-bank-in-bri-clean-energy-finance/> (accessed 22.06.2019)
9. Государственный банк развития Китая выпускает облигации на сумму 11 млрд юаней для борьбы с бедностью. 15.04.2020. <https://www.mfa.gov.cn/ce/cetm/rus/zgyw/t1770130.htm> (accessed 11.01.2022)
The China Development Bank is issuing 11 bln yuan in bonds to fight poverty (In Russ.). <https://www.mfa.gov.cn/ce/cetm/rus/zgyw/t1770130.htm> (accessed 11.01.2022)
10. Объем выпуска зеленых облигаций превысил 500 млрд долларов. 20.02.2022. <http://tp-bioenergy.ru/sitenews/Obiem-vypuska-zelenyh-obligacij-prevysil-500-mlrd-dollarov/> (accessed 11.01.2022)
The volume of green bonds issuance exceeded \$500 bln. 2022 (In Russ.). <http://tp-bioenergy.ru/sitenews/Obiem-vypuska-zelenyh-obligacij-prevysil-500-mlrd-dollarov/> (accessed 11.01.2022)
11. АКРА. Краткое описание китайского рынка облигаций. <https://www.acra-ratings.ru/research/1116/> (accessed 11.01.2022)
ACRA. Brief Description of the Chinese Bond Market (In Russ.). <https://www.acra-ratings.ru/research/1116/> (accessed 11.01.2022)
12. Guidance Note on National Infrastructure Banks & Similar Financing Facilities. Case study: annex D. China - China development bank (CDB). <https://cdn.github.org/umbraco/media/2617/china-case-study.pdf>. (accessed 05.12.2021)
13. GCI policy brief. China's Global Energy Finance in the Era of COVID-19 - 2021. https://www.bu.edu/gdp/files/2021/02/GCI_CGEF_PB_FIN.pdf 10 (accessed 13.09.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Матвеевский Сергей Сергеевич, кандидат технических наук, доцент, Департамент банковского дела и финансовых рынков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Sergey S. Matveevsky, PhD (Technical Science), Associate Professor, Department of Banking and Financial Markets, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 22.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 24.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 12.10.2022

Климатическая политика стран Юго-Восточной Азии

© Рогожина Н.Г.^a, 2022

^a Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9924-2493; ngrogozhina@mail.ru

Резюме. В статье анализируется процесс становления и эволюции климатической политики стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Меры по адаптации к изменению климата в регионе имеют пока ограниченный характер, активизируются лишь после стихийных бедствий и сводятся преимущественно к проведению спасательных работ. Необходимость сокращения выбросов парниковых газов продиктована несколькими соображениями: международными обязательствами, оценкой рисков климатических изменений, социальным запросом и осознанием преимуществ низкоуглеродного развития. Последний фактор играет доминирующую роль в определении направления реализации климатической политики на декарбонизацию экономики путем повышения её энергоэффективности и энергетического перехода на базе постепенной замены углеродного топлива на возобновляемые источники энергии.

Автор оценивает трудности в реализации намеченных задач и определяет перспективы её решения в контексте принятых странами региона новых добровольных обязательств по достижению углеродной нейтральности к середине столетия.

Несмотря на то, что доля стран ЮВА в мировом производстве парниковых газов относительно невелика, но принимая во внимание высокие темпы их роста, по показателю которого они опережают многие другие развивающиеся страны, их роль в глобальной борьбе с изменением климата будет повышаться.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, климатическая политика, возобновляемые источники энергии, низкоуглеродное развитие, декарбонизация экономики

Для цитирования: Рогожина Н.Г. Климатическая политика стран Юго-Восточной Азии. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 58-65. DOI: 10.31857/S032150750022932-7

Climate policy of the countries of Southeast Asia

© Natalia G. Rogozhina^a, 2022

^a IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9924-2493; ngrogozhina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the process of formation and evolution of the climate policy of the countries of Southeast Asia, which play an important role in the global combating climate change. For them, this problem is recognized in the context of the social and economic costs associated with climate warming due to their vulnerability to it and is solved by adapting to a changing environment and reducing greenhouse gas emissions.

Measures to adapt to climate change in the region are still limited, they are activated only after natural disasters and are reduced mainly to rescue operations. The need to reduce greenhouse gas emissions is dictated by several considerations: international obligations, climate change risk assessment, social demand, and awareness of the benefits of low-carbon development. The latter factor plays a dominant role in determining the direction of the implementation of climate policies towards the decarbonization of the economy by increasing its energy efficiency and energy transition based on the gradual replacement of carbon fuels with renewable energy sources.

The article assesses the difficulties in the implementation of the planned tasks and determines the prospects for its solution in the context of the new voluntary commitments adopted by the countries of the region to achieve carbon neutrality by the middle of the century. Setting this goal opens a new stage in the evolution of climate policy in the direction of finding a balance between economic and environmental interests of development based on the use of scientific and technological progress. However, given the technological and financial constraints of the Southeast Asian countries, the prospects for their transition to low-carbon development will largely depend on the expansion of international cooperation.

Keywords: Southeast Asia, climate policy, renewable energy sources, low-carbon development, economic decarbonization

For citation: Natalia G. Rogozhina. Climate policy of the countries of Southeast Asia. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 58-65. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022932-7

ВВЕДЕНИЕ

Страны Юго-Восточной Азии с населением 676 млн чел. и совокупным ВВП \$3 трлн попадают в зону повышенного экологического риска, связанного с предполагаемым изменением климата. По имеющимся прогнозам, высока вероятность того, что будут разрушены объекты инфраструктуры, упадет производст-

во сельскохозяйственной продукции, повысится уровень загрязнения окружающей среды и резко ухудшится здоровье населения, возрастет опасность эпидемий, сократится производительность труда, возникнут социальные конфликты за доступ к истощенным природным ресурсам, распространится экологическая миграция, под воду могут уйти прибрежные территории, в т.ч. крупнейшие мегаполисы, такие как Бангкок, Джакарта, Хошимин, Манила.

По оценкам Азиатского банка развития, экономические убытки от потепления климата могут составить 11% ВВП к 2100 г. [1]. Урожайность риса может сократиться на 50% к 2100 г. Нехватку воды к 2050 г. будут испытывать 183,5 млн жителей ЮВА. Предполагается, что река Меконг, главная водная артерия Индокитая, обмелеет на 16-24%, что будет представлять угрозу для существования 60 млн чел., проживающих в её бассейне¹. Из-за потепления климата регион может лишиться до 30% своих тропических лесов.

Уже сегодня многие страны региона сталкиваются с последствиями изменения климата. Это проявляется в интенсификации стихийных бедствий, наводнениях, вызванных поднятием уровня моря и проливными дождями, в повышении температуры воздуха и затяжной засухе, в истощении водных ресурсов и распространении процесса эрозии почв, в уничтожении тропических лесов и в истощении биоразнообразия.

Согласно данным Глобального индекса климатического риска (*Global Climate Risk Index*) за 2018 г., Мьянма, Филиппины, Вьетнам и Таиланд входят в число 10 стран мира с наивысшими показателями смертности от стихийных бедствий [2]. С 2005 по 2014 г. природные катаклизмы привели к гибели 354 тыс. чел. (по миру в целом этот показатель оценивался в 700 тыс.), экономические убытки составили \$91 млрд, в общей сложности пострадали 193 млн чел. [3]. С 2008 по 2018 г. 54,5 млн человек были вынуждены покинуть места своего проживания из-за стихийных бедствий, связанных с изменением климата [2, pp. 6-7].

По данным опроса общественного мнения, проведенного сингапурским Институтом по изучению стран Юго-Восточной Азии (*ISEAS - Yusof Ishak Institute*) в 2020 г., преобладающее число интервьюированных (66,8%) отнесли изменение климата к числу приоритетных проблем национальной безопасности. Однако, по мнению большинства опрошенных (52,7%), правительства не уделяют должного внимания её решению².

Политика в сфере изменения климата осуществляется в двух направлениях. Одно связано с проведением программы по адаптации к его последствиям, второе - с сокращением выбросов парниковых газов.

АДАПТАЦИЯ К ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА

Страны региона осознают угрозу изменения климата и создают механизмы и институты по её минимизации в рамках осуществления программ по адаптации к меняющейся окружающей среде и борьбе со стихийными бедствиями как на региональном³, так и на страновом уровне, интегрируя эти проблемы в планы развития. При этом борьба со стихийными бедствиями осуществляется в контексте реализации мер по адаптации к изменению климата.

В Камбодже создан Национальный комитет по изменению климата. Принята программа по осуществлению мер по адаптации к меняющейся окружающей среде. В Брунее также учрежден Национальный совет по изменению климата, однако эта проблема не интегрирована в долгосрочный план экономического развития в отличие от Индонезии, где создана разветвленная система борьбы с изменением климата, охватывающая более 120 районов и муниципальных центров.

В Малайзии национальная политика по изменению климата, включающая осуществление мер по адаптации и борьбе со стихийными бедствиями, реализуется в контексте среднесрочных планов экономического развития. В Мьянме, которая находится в процессе формирования национальной стратегии по изменению климата, проблеме управления стихийными бедствиями и адаптация к их последствиям уделяется достаточно большое внимание.

На Филиппинах принят национальный план действий в сфере изменения климата с ориентацией на обеспечение продовольственной безопасности, устойчивого водоснабжения и создания умных городов [4]. В Таиланде разработан долгосрочный генеральный план по изменению климата и соответствующая национальная стратегия, включающая в себя осуществление мер по адаптации. Во Вьетнаме учрежден национальный комитет по изменению климата под эгидой премьер-министра, координирующий деятельность различных министерств. В Сингапуре задачи по адаптации к изменению климата и борьбе со стихийными бедствиями рассматриваются в контексте устойчивого развития.

¹ The Economics of Climate Change in Southeast Asia: A Regional Review. ADB 2009.

² The State of Southeast Asia: 2021 Survey Report (Singapore: ISEAS - Yusof Ishak Institute), 2021.

³ В рамках АСЕАН работает Комитет по управлению стихийными бедствиями (прим. авт.).

Как правило, существует определенная корреляция между уровнем экономического развития страны и её реагированием на стихийные бедствия и осуществлением мер по адаптации к изменению климата, которые являются весьма дорогостоящими и реализуются в бедных странах региона при международной финансовой поддержке.

В целом адаптационные меры включают в себя создание новых инженерных объектов, системы раннего оповещения, защиту береговой линии, модернизацию планирования городов, высадку мангровых деревьев.

В Сингапуре в число адаптационных мер входит строительство защитных стен, насыпей, польдеров (осушенный участок земли, защищённый дамбой и отвоёванный у моря), расширение и углубление дренажных систем, рекультивация земель, создание буферов из мангровых деревьев. Выдвигаются более жесткие требования к застройщикам: новые объекты должны быть подняты на высоту 4 м от уровня моря, чтобы предотвратить разрушения от наводнений.

В 2020 г. правительство Сингапура объявило о своих планах инвестировать 100 млрд сингапурских долларов (\$72,5 млрд) на реализацию проектов по адаптации к изменению климата в течение 10 лет [5]. Сложность их осуществления связана не только с крупными финансовыми затратами, но и отсутствием четкого представления относительно возможных негативных последствий потепления климата для Сингапура, что побуждает правительство страны сконцентрировать свое внимание на проведении углубленных исследований.

Адаптационная политика Вьетнама в дельте реки Меконг - основной житнице страны - отличается комплексным характером и ориентирована на создание условий для устойчивого развития сельского хозяйства и улучшение уровня жизни населения в соответствии с принятой в 2017 г. «дорожной картой». Министерством сельского хозяйства приняты рекомендации региональным властям по реализации мер для адаптации к меняющейся экологической ситуации. Предлагается предоставить фермерам свободу в выборе выращиваемых культур; признать экологически опасной практику сбора 3 урожая риса и его выращивания на территориях, подверженных засолению, чтобы избежать нехватки пресной воды; перейти к разведению креветок на аквафермах; высаживать мангровые деревья на освободившихся площадях в прибрежных зонах. Однако на сегодня эта программа носит скорее экспериментальный характер и будет корректироваться с учетом полученных данных о её эффективности с точки зрения экологической и экономической устойчивости.

Как правило, меры по адаптации к изменению климата в регионе имеют пока ограниченный характер, активизируются лишь после стихийных бедствий и сводятся преимущественно к проведению спасательных работ. Не хватает ни средств, ни квалификации, ни информации и знаний для решения адаптационных задач, что требует комплексного подхода и тщательного изучения особенностей приспособления условий жизни населения и его хозяйственной деятельности к меняющейся окружающей среде.

Адаптационными мерами не исчерпывается климатическая политика стран ЮВА, которая в качестве своего второго направления предполагает сокращение выбросов парниковых газов, что является главной причиной изменения климата.

МЕРЫ ПО СОКРАЩЕНИЮ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ

Необходимость сокращения выбросов парниковых газов продиктована несколькими соображениями - международными обязательствами, которые страны ЮВА взяли на себя в соответствии с Парижским соглашением 2015 г., оценкой высоких экономических затрат потепления климата, осознанием преимуществ низкоуглеродного развития, социальным запросом. Последнее усиливается в условиях высокого уровня загрязнения окружающей среды, вызванного использованием ископаемого топлива. По имеющимся прогнозам, социальные убытки от загрязнения атмосферы в 2025 г. составят 5% суммарного ВВП стран АСЕАН⁴. Число преждевременных смертей, связанных с загрязнением воздуха, возрастет до 650 тыс. чел. к 2040 г. по сравнению с 450 тыс. в 2018 г.

Доля региона в мировом производстве парниковых газов не превышает 3%, но может составить уже 5% к 2030 г. [2]. При этом по темпам его роста ЮВА опережает другие страны мира. К 2050 г. оно может возрасти на 60% по сравнению с 2010 г. [1], что связано с ростом экономики и энергопотребления (возрастет на 60% к 2050 г.), в структуре которого преобладает ископаемое топливо. Увеличение объема выбросов парниковых газов коррелируется с показателем роста экономики (по имеющимся прогнозам, суммарный ВВП возрастет на 70% к 2050 г.), в основе которой лежит энерго- и ресурсозатратная модель производства и потребления.

⁴ Carbon-Free Energy Development Network in Southeast Asia. Heinrich Böll Stiftung. Hanoi. August 2017.

Это во многом объясняет то, что главным источником выбросов парниковых газов является энергетический сектор. По прогнозам Международного энергетического агентства (IEA), объем выбросов CO₂ в энергетике к 2040 г. увеличится в 3 раза по сравнению с 2018 г.⁵, что продиктовано тем, что энергетическая политика ЮВА ориентирована, прежде всего, на увеличение потребления электроэнергии и капиталовложений в строительство электростанций, работающих на углеродном топливе. При этом энергоэффективность экономики росла в регионе более медленными темпами, чем в других развивающихся странах Азии.

Отсюда и поиск мер по сокращению выбросов парниковых газов, чего предполагается добиться за счет повышения эффективности энергопотребления, постепенного отказа от использования угля, увеличения инвестиций в развитие возобновляемых источников энергии. Хотя страны ЮВА различаются как по своему вкладу в глобальное потепление, так и по взятым добровольным обязательствам по сокращению выбросов парниковых газов в рамках «Предполагаемых определяемых на национальном уровне вкладов» в соответствии с Парижским соглашением 2015 г., общей основой их климатической политики является декарбонизация экономики.

Одна из главных задач, стоящих перед странами ЮВА, - сокращение энергопотребления, что напрямую связано с повышением энергоэффективности модели производства и потребления. План АСЕАН по действиям в сфере энергетического сотрудничества предусматривает снижение энергоинтенсивности (отношение общего потребления энергии к валовому внутреннему продукту) на 30% к 2025 г. по сравнению с 2005 г.⁶ Многие страны региона поставили перед собой соответствующие задачи, различающиеся между собой по масштабу и времени реализации с учетом наличия технологической и финансовой базы.

Сингапур планирует снизить энергоинтенсивность на 35% к 2030 г. от уровня 2005 г., а Таиланд - на 30% к 2035 г. от уровня 2010 г. Вьетнам наметил сэкономить 10% электроэнергии от общего объема её потребления в течение 10 лет. Индонезийский энергетический план 25/25 предполагает сокращение энергозатрат на 18% к 2025 г. по сравнению с 2010 г. Повышение энергоэффективности экономики является важной составной частью энергетического перехода и может обеспечить снижение до 30% объема выбросов CO₂ в ЮВА.

Задача по сокращению выбросов парниковых газов предполагает развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ), что продиктовано как экологическими, так и экономическими соображениями в условиях растущего дефицита энергоресурсов и зависимости от импорта углеродного топлива (40% энергоносителей в регионе импортируется). Развитие возобновляемых источников энергии рассматривается как средство достижения энергетической безопасности региона.

Страны ЮВА, которые обладают обширными резервами ВИЭ, взяли на себя обязательство увеличить их долю в структуре энергопотребления до 23% к 2025 г., что в 2,5 раза больше в сравнении с 2014 г.⁷ Начиная с 2015 г. в регионе ускорился процесс развития возобновляемой энергетики, установленные мощности которой возросли в 1,5 раза с наилучшими показателями во Вьетнаме, Таиланде и Индонезии [6]. 82% новых мощностей в энергетическом секторе в 2020 г. приходилось на возобновляемые источники энергии [7].

В строительном секторе доля возобновляемых источников энергии (прежде всего биогаза, используемого преимущественно для отопления) должна возрасти более чем в 2 раза. В промышленности, где спрос на энергию будет расти самыми высокими темпами, их доля в структуре энергопотребления будет доведена до 23%. Транспорт имеет наименьшие показатели внедрения ВИЭ, но в то же время обладает наибольшим потенциалом роста за счет применения биотоплива и создания электромобилей. Планируется выпустить 59 млн двух- и трехколесных транспортных средств, работающих на электричестве, и 5,9 млн четырехколесных электромобилей.

С учетом принятых на себя добровольных обязательств по сокращению выбросов CO₂ страны региона разрабатывают собственные планы действий по развитию возобновляемых источников энергии. Например, для его реализации в Индонезии потребуются инвестиции в размере \$13 млрд в ближайшие 6 лет [8]. Для производства электроэнергии будет использоваться солнечная и геотермальная энергия, на транспорте - биотопливо. Намечено произвести к 2030 г. 600 тыс. электромобилей и 2,45 млн мотоциклов, работающих на электричестве⁸.

⁵ Southeast Asia Energy Outlook 2019. World Energy Outlook Special Report. <https://www.ica.org/reports/southeast-asia-energy-outlook-2019> (accessed 25.05.2022)

⁶ Renewable Energy Outlook for Asean. 2016 International Renewable Energy Agency (IRENA), Abu Dhabi and ASEAN Centre for Energy (ACE), Jakarta, p. 75.

⁷ Ibidem.

⁸ The ASEAN Energy Outlook 2022. Advancing Energy Transition Through Innovation. <https://energytracker.asia/asean-energy-outlook-advancing-energy-transition-through-innovation> (accessed 25.05.2022)

Малайзия рассчитывает увеличить долю ВИЭ до 17% к 2030 г. с упором на развитие солнечной энергии, биогаза, биомассы и гидроэнергетики. Филиппины готовы увеличить в 3 раза установленные мощности возобновляемой энергии к 2030 г. по сравнению с 2010 г. Основное внимание будет уделено развитию геотермальной, солнечной и ветряной энергии, гидроэнергетики. В Таиланде доля возобновляемых источников энергии должна возрасти до 21% (с преимущественным вниманием к биоэнергетике). Для Вьетнама этот показатель составляет 6% к 2030 г.

Вьетнам добился наибольших достижений в развитии возобновляемых источников энергии и стал примером для других стран АСЕАН в обеспечении своей энергетической безопасности за счет ускоренного внедрения солнечной и ветряной энергетики, по установленной мощности которой в 2019 г. он обошел Таиланд. В течение 3 лет Вьетнаму удалось, начав практически с нуля, внедрить столько же мощностей солнечной энергетики, сколько Австралия смогла обеспечить за 20 лет. В 2020 г. Вьетнам стал 3-м по величине рынком солнечной энергии в мире по показателю внедренной мощности (после Китая и США) [9]. Активно развивается и ветряная энергетика, по показателю установленной мощности которой Вьетнам уступает только Таиланду.

Хотя развитие возобновляемых источников энергии в регионе потребует крупных инвестиций - \$27 млрд ежегодно к 2025 г., однако выгоды превышают затраты, и они измеряются не только сокращением объема выбросов парниковых газов, повышением энергоэффективности, снижением социальных затрат, связанных с загрязнением атмосферы, но технологическим прорывом в рамках осуществления энергетического перехода. По имеющимся прогнозам, «зеленая» экономика стран ЮВА способна генерировать прибыль в размере \$1 трлн к 2030 г.⁹

ТРУДНОСТИ ПЕРЕХОДА К НИЗКОУГЛЕРОДНОМУ РАЗВИТИЮ

Несмотря на ускорение процесса перехода к использованию возобновляемых источников энергии и определенное улучшение в практике энергосбережения, сохраняется тренд на рост объема производства парниковых газов, что дает основание независимой организации *Climate Action Tracker* оценить климатическую политику ряда стран ЮВА как крайне неэффективную, не укладывающуюся в траекторию ограничения повышения температуры до 1,5-2 градусов в соответствии с целями Парижского соглашения. Хотя страны региона и принимают меры по развитию возобновляемых источников энергии, однако по уровню и темпам их внедрения и использования заметно отстают от Китая, Индии и других развивающихся стран Азии.

Тарифы на использование альтернативных источников энергии сохраняются на высоком уровне, ограничивая потенциал их развития и внедрения. Можно с определенной уверенностью констатировать тот факт, что идеология создания «зеленой» энергетики еще полностью не сформировалась в странах ЮВА [10]. И это подтверждается сохраняющейся их зависимостью от угля, что становится главным препятствием проведения эффективной климатической политики.

В 2020 г. на угольные электростанции приходилось 61% поставок электроэнергии в Индонезии, на Филиппинах - 57%, в Малайзии - 51% и во Вьетнаме - 50% [11]. По данным *IEA*, мощности угольных электростанций с 2021 по 2024 г. увеличатся на 12% (для сравнения - в Китае на 4,1%, в Индии на 11%), поскольку уголь остается основным источником энергии при производстве электроэнергии в ЮВА [12].

На страны АСЕАН приходится 12% мощностей угольных электростанций в мире. В ЮВА действуют 266 угольных электростанций, которые производят 291 млн т выбросов CO₂ ежегодно, что ставит под сомнение возможность декарбонизации топливно-энергетического сектора в ближайшей перспективе. Предвидится рост в 3 раза объема выбросов парниковых газов, производимых угольными электростанциями, при этом наиболее опасная ситуация складывается в Индонезии и во Вьетнаме. Индонезия планирует построить 176 новых угольных электростанций, экологическое регулирование для которых достаточно мягкое, учитывая заинтересованность государства в стимулировании развития данной отрасли. По прогнозам экспертов, потребление энергетического угля в стране возрастет на 88% в период с 2020 по 2030 г. [13]. Угольные электростанции продолжают работать до середины столетия.

С использованием угля в качестве основного источника энергии связаны большие социальные затраты, исчисляемые преждевременной смертью 70 тыс. человек к 2030 г. из-за повышенного уровня загрязнения воздуха. На Индонезию и Вьетнам в этом «черном списке» будет приходиться 67% [14].

Обострение климатической ситуации на планете требует более решительных действий на глобальном уровне, что стало предметом обсуждения на 26-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изме-

⁹ Chasing Southeast Asia's green future. 27.10.2021. <https://www.climateworkscentre.org/news/chasing-southeast-asias-green-future> (accessed 25.05.2022)

нении климата в Глазго в 2021 г. (COP26), к которой страны мира, в т.ч. и из ЮВА, должны были подготовить и представить на рассмотрение мирового сообщества свои новые обязательства по борьбе с изменением климата.

Дилемма, стоящая перед странами региона, как и другими развивающимися странами, состоит в нахождении определенного компромисса между своими экологическими и экономическими интересами. Преобладание последних в стратегии развития отодвигает проблему климата на второй план и, как это ни парадоксально на первый взгляд, ограничивает потенциал экономического роста, достигаемого в процессе декарбонизации экономики, основанной на использовании достижений научно-технического прогресса.

Страны ЮВА представили международному сообществу такие обязательства по сокращению выбросов парниковых газов, которые подтверждают их готовность участвовать в глобальной борьбе с изменением климата, но при этом не угрожают их экономическому развитию.

Индонезия, крупнейшая страна ЮВА, занимающая 4-е место в мире по объему выбросов парниковых газов, оставила без изменений показатели по сокращению объема выбросов парниковых газов в абсолютном выражении - 29% самостоятельно и 41% при международной поддержке к 2030 г. В то же время в обязательства были внесены корректировки, касающиеся достижения пика выбросов CO₂ к 2030 г. (с учетом того, что секторы лесного хозяйства и землепользования становятся чистым поглотителем CO₂)¹⁰ и углеродной нейтральности¹¹ к 2060 г., при отказе от строительства новых угольных электростанций после 2023 г. По мнению Абидах Сетьювати (Делфтский технологический университет, Нидерланды), правительство проявило прагматизм в вопросе выдвижения целей, не желая обещать того, чего не сможет достичь. В то же время претензии Индонезии на лидерство заставляют её идти в ногу с международным сообществом [15].

Вьетнам объявил о планах сократить выбросы парниковых газов на 9% (ранее 8%) самостоятельно и на 27% (ранее 25%) при международной помощи к 2030 г. и достичь углеродной нейтральности к 2050 г.¹² Премьер-министр Таиланда Прают Чан-Оча на COP26 заявил, что при своевременной и безусловной помощи в получении доступа к технологиям, и особенно к зеленому финансированию, Таиланд готов сократить выбросы парниковых газов на 40% (ранее 20%) и достичь углеродной нейтральности к 2060-2065 гг. [16].

Соответствующие обязательства взял на себя Лаос. Малайзия, которая ранее выражала готовность уменьшить углеродную интенсивность на 35% (и на 45%, но при международной поддержке), в настоящее время пересмотрела свои обязательства и выступила с предложением сократить выбросы на 45% самостоятельно и достичь углеродной нейтральности к 2050 г. Бруней, Мьянма и Сингапур объявили о достижении нулевых выбросов, как только будет возможно. Камбоджа заявила о готовности сократить выбросы на 42% к 2030 г., но только при условии получения международной помощи, которую она оценила в \$7,8 млрд [17]. Это требование лежит и в основе филиппинского плана действий по сокращению на 75% выбросов парниковых газов к 2030 г. (2,71% самостоятельно и 72,29% - при условии международного содействия).

Выдвигаемое странами региона требование к развитым странам оказать им помощь в выполнении взятых добровольных климатических обязательств отражает основной принцип их экологической дипломатии, согласно которому страны мира несут общую, но дифференцированную ответственность. Они исходят из того, что главные виновники глобального изменения климата - развитые страны, делом которых является содействие развивающимся странам в борьбе с изменением климата.

Принятие странами ЮВА обязательств по достижению углеродной нейтральности стало новым этапом их климатической политики, эффективность которой зависит от комплексного подхода к решению данной проблемы: активизации усилий по энергетическому переходу; создания новых механизмов «зеленого» регулирования как, например, введения цены на углерод или учреждения бирж по торговле квотами на выбросы; внедрения новых технологий, таких как технологии улавливания и хранения углерода (CCS); изменения практики землепользования и сохранения лесных угодий; повышения уровня образования и квалификации работников, занятых в новых «зеленых» отраслях, корректировки потребительского поведения; налаживания частно-государственного партнерства, международного сотрудничества, обеспечивающего условия для передачи технологий и получения финансовой помощи от развитых стран.

От того, насколько успешно объявленные цели материализуются в конкретной климатической политике, будет зависеть не только возможность предотвращения последствий изменения климата, но и перспективы низкоуглеродного развития, обеспечивающего странам ЮВА выход на новый уровень технологи-

¹⁰ В настоящий момент доля этого сектора в производстве парниковых газов составляет 24,5% (прим. авт.).

¹¹ Углеродная нейтральность достигается, когда выбросы CO₂, произведенные компанией, страной или континентом, компенсируются объемом поглощения CO₂ из атмосферы этой компанией/страной/континентом в течение этого же периода (прим. ред.).

¹² The Socialist Republic of Viet Nam. Updated Nationally Determined Contribution (NDC). *Ha Noi*, July 2020. P. 4.

ческого развития. С одной стороны, принятие новых климатических обязательств свидетельствует об их готовности признать свою ответственность перед международным сообществом. Однако, с другой стороны, поставленные ими цели выглядят скорее как декларация о намерениях, что в своей практической реализации требует пересмотра всей парадигмы развития, к которой страны ЮВА пока не готовы. И это подтверждается отсутствием разработанной концепции перехода к низкоуглеродному развитию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль стран ЮВА, несмотря на то, что их доля в мировом производстве парниковых газов относительно невелика, но с учетом высоких темпов их роста, по показателю которого они опережают многие другие развивающиеся страны, в глобальной борьбе с изменением климата будет повышаться. Для них же самих эта проблема превращается в вопрос выживания, учитывая их особую уязвимость к последствиям потепления климата. Однако их интерес к осуществлению климатической политики мотивируется и экономическими соображениями - повысить свою конкурентоспособность, включившись в глобальный процесс по декарбонизации экономики, который диктует неизбежные изменения в подходе к инновационному развитию с ориентацией на использование достижений научно-технического прогресса. Решение задачи по достижению углеродной нейтральности и нулевых выбросов будет способствовать притоку новых инвестиций в развитие зеленых технологий по мере их оттока из «грязного» производства.

Доказательством осознания этой реальности со стороны стран ЮВА служит принятие ими новых обязательств по сокращению выбросов парниковых газов, объем которых должен достичь пика к 2030 г., а потом снижаться к 2050-2060 гг., когда будет достигнута углеродная нейтральность. В преддверии COP26 страны АСЕАН выступили с совместным заявлением, в котором подтвердили свое намерение активно бороться с изменением климата.

В подтверждение этому Филиппины, Сингапур и Вьетнам на COP26 присоединились к коалиции из 100 стран, выразивших готовность сократить выбросы метана. Бруней, Индонезия, Филиппины, Сингапур и Вьетнам стали участниками другого соглашения о постепенном отказе от использования угля в производстве энергии. Выражая свою готовность активно участвовать в глобальной борьбе с изменением климата, все страны ЮВА (за исключением Сингапура) тем не менее сохраняют зависимость в реализации поставленных задач от международного содействия как в плане получения финансовой помощи, так и передачи технологий. Поэтому вопрос о расширении экологического сотрудничества актуален для стран региона, и от его решения будет во многом зависеть итог предпринимаемых ими действий по декарбонизации экономики, ключевым элементом которой является энергетический переход.

Однако он рассчитан на длительное время и потребует от стран крупных финансовых вложений и развития экологически чистых технологий. Поэтому ожидать больших успехов в этом направлении пока не приходится, учитывая еще и то обстоятельство, что сохраняется сильная зависимость от углеродного топлива, прежде всего угля, отказаться от использования которого в среднесрочной перспективе они не могут по соображениям энергетической безопасности, что вступает в противоречие с интересами обеспечения климатической безопасности. Поэтому и прогнозируется рост выбросов парниковых газов в регионе. Страны ЮВА принимают сегодня лишь те меры в рамках их климатической политики, которые обеспечивают, прежде всего, экономическую отдачу.

Учитывая имеющиеся на сегодня объективные трудности в достижении поставленных целей по сокращению выбросов парниковых газов, страны ЮВА оставляют для себя достаточный временной резерв для транзита к низкоуглеродному («зеленому») развитию, в течение которого они смогли бы при внешнем содействии попытаться найти баланс между экономическими и экологическими интересами развития.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. David A Raitzer et al. (2015). Southeast Asia and the Economics of Global Climate Stabilisation. Manila: Asian Development Bank, 2015. <https://www.adb.org/publications/southeast-asia-economics-global-climate-stabilization> (accessed 25.05.2022)
2. Sharon Seah and Melinda Martinu (2021). Gaps and Opportunities in Asean's Climate Governance. *Trends in Southeast Asia*. Issue 5, 2021. The ISEAS - Yusof Ishak Institute, Singapore.
3. Jonatan A. Lassa and Margareth Sembiring (2017). Towards Policy Integration of Disaster Risk, Climate Adaptation, and Development in ASEAN: A Baseline Assessment by Centre for Non-Traditional Security Studies (NTS Centre). *NTS Insight*, № IN17-01, January 2017. S.Rajaratnam School of International Studies RSIS. Singapore.
4. Jack Board. Massive floods and typhoons in Southeast Asia drive home the need to adapt to climate change. *The Channel News*. 05.02.2022. https://www.channelnewsasia.com/sustainability/southeast-asia-massive-floods-climate-change-adaptation-malaysia-philippines-2470416?cid=braze-cna_CNA-Morning-Brief_newsletter_05022022 (accessed 25.05.2022)
5. Allegar M.A. Facade of Progress: Singapore's Response to Climate Change. *The Diplomat*. 27.10.2021. <https://thediplomat.com/2021/10/a-facade-of-progress-singapores-response-to-climate-change> (accessed 25.05.2022)

6. Jannata (Egi) Giwangkara & Michael Dolan. ASEAN's Emerging Mission for a Low Carbon Energy Transition. 6.12.2021. <https://accept.aseanenergy.org/aseans-emerging-mission-for-a-low-carbon-energy-transition/#:~:text=The%20project%20aims%20to%20demonstrate,further%20advance%20domestic%20climate%20action> (accessed 25.05.2022)
7. Johanna Son. Decarbonization, the Southeast Asian Way. 23.09.2021. <https://www.reportingasean.net/decarbonization-the-southeast-asian-way/>
8. Clara Gillispie, Ashley Johnson, Thomas Lutken, and Micah Sindelar. Investments in Energy Transition Strengthening the Power Sector in South and Southeast Asia. The National Bureau of Asian Research (NBR) Special Report. July 2021.
9. Giap Nguyen. The future of solar panels: A serious question for Southeast Asia. 27.09.2021. https://southeastasiaglobe.com/future-of-solar-panels/?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=Sight-lines_20211001&utm_content=TheFutureOfSolarPanelsASeriousQuestionForSoutheastAsia&utm_source=Southeast+Asia+Globe&utm_campaign=3025d7fc3e-Newsletter_Sightlines_2021_10_01&utm_medium=email&utm_term=0_b2862c2d37-3025d7fc3e-352531032&mc_cid=3025d7fc3e&mc_eid=6d0ad97a80 (accessed 25.09.2022)
10. Jack Board. Southeast Asia's renewable energy transition likely to take hit from COVID-19: Experts. *The Channel News*. 09.04.2020. <https://www.channelnewsasia.com/asia/covid19-southeast-asia-renewable-energy-nuclear-asean-1338846> (accessed 25.09.2022)
11. Cecillia Zheng Choon Gek Khooh. Southeast Asia's new energy policy announcements in pursuing clean energy transition. 11.05.2022. <https://ihsmarkit.com/research-analysis/southeast-asias-new-energy-policy-announcements-in-pursuing.html> (accessed 25.09.2022)
12. Fitri Wulandari. Southeast Asia faces challenges to meet net zero emissions. 21.12.2021. <https://capital.com/asia-faces-a-long-way-to-decarbonisation> (accessed 25.09.2022)
13. Jack Board. Funding for new coal projects drying up fast in Southeast Asia as climate pressures mount. *The Channel News*. 15.05.2021. <https://channelnewsasia.com/climatechange/coal-funding-dry-up-fast-southeast-asia-climate-change-1370011> (accessed 25.09.2022)
14. Leonard Simanjuntak. Why Climate Change Matters to Southeast Asia? *ASEAN Focus*. ASEAN Studies Centre at ISEAS-Yusof Ishak Institute Issue 1. Jan/Feb 2017.
15. Jack Board. As scientists signal 'code red for humanity', Indonesia's climate change targets still lack ambition: Experts. *The Channel News*. 13.08.2021. www.channelnewsasia.com/asia/indonesia-zero-emissions-target-2060-ambition-2105651 (accessed 25.09.2022)
16. Eric Yep Ruchira Singh. COP26: Southeast Asia moves on climate with A\$2 bil Australia funding, net zero targets. 02.11.2021. <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/energy-transition/110221-cop26-southeast-asia-moves-on-climate-with-a2-bil-australia-funding-net-zero-targets> (accessed 25.09.2022)
17. Jannata (Egi) Giwangkara & Michael Dolan. ASEAN's Emerging Mission for a Low Carbon Energy Transition. 06.12.2021. <https://accept.aseanenergy.org/aseans-emerging-mission-for-a-low-carbon-energy-transition/> (accessed 25.09.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рогожина Наталья Григорьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Natalia G. Rogozhina, Dr.Sc (Political Science), Chief Researcher, Department of Development and Modernization Problems, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 17.10.2022

Политика конструирования национального бренда в Республике Корея

© Ефимова А.И.^а, 2022

^а Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0172-118X; anna.yefimova@gmail.com

Резюме. Актуальный интерес к исследованию корейской модели во многом обусловлен чрезвычайным ростом популярности корейской массовой культуры в последнее десятилетие. Случай Кореи уникален в связи со стремительным ростом глобального интереса ко «всему корейскому», беспрецедентным ростом популярности и узнаваемости корейской культуры и продукции.

Политика по формированию национального бренда реализуется в Республике Корея более 20 лет. На первом этапе создание благоприятного образа страны должно было способствовать приведению в соответствие высокого уровня жизни, развитой экономики и преимущественно негативных оценок Кореи со стороны зарубежных аудиторий потенциальных потребителей корейской продукции.

Стратегия конструирования бренда «Корея» осуществляется государством посредством реализации брендинговых кампаний через партнерство с частным крупным бизнесом. Государственно-частное партнерство позволяет обеспечивать непрерывность процесса в силу заинтересованности каждой из сторон - повышение статусности бренда «Корея» приносит как политические, так и экономические дивиденды. В поддержку задач по улучшению имиджа страны с целью формирования социально-го поведения корейцев в соответствии с задачами национального брендинга также организуются направленные на внутреннего корейского потребителя рекламные кампании.

Кампании по национальному брендингу связаны с задачами развития страны, получением ею международного признания в различных сферах и в целом пользуются поддержкой в корейском обществе. В то же время отдельные аспекты и практика реализации этой политики способствовали формированию общественного дискурса, в том числе, критического.

Ключевые слова: Республика Корея, национальный брендинг, брендинговые кампании, глобализация, образ страны

Для цитирования: Ефимова А.И. Политика конструирования национального бренда в Республике Корея. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 66-72. DOI: 10.31857/S032150750019805-7

Policy of nation branding in the Republic of Korea

© Anna I. Efimova^a, 2022

^a Moscow City University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0172-118X; anna.yefimova@gmail.com

Abstract. The current interest in the Korea's nation branding model is due to the rapid and apparent change of attitude to Korean cultural and industrial products globally.

The policy of national branding has been implemented in the Republic of Korea for over 20 years. At the first stage, the creation of a favorable image of the country was supposed to help bringing the high standards of living and a developed economy into line with the predominantly negative assessments of Korea by foreign audiences of potential consumers of Korean products. The "Korea brand" building strategy is realized by the state with the implementation of branding campaigns through partnerships with private corporations. Public-private partnership allows ensuring the continuity of the process due to the mutual interest of the participating parties as raising the status of the "Korea brand" brings both political and economic dividends.

In order to shape the social behavior of Koreans, domestic advertising campaigns are also organized in support of the objectives of improving the country's image. Nation branding campaigns aim at promoting the country's development goals, gaining international recognition in various fields, and are supported by South Koreans. At the same time, certain aspects and practices of implementing this policy encouraged public debate on the issue with the range of opinions from supportive to critical ones.

The desire for international recognition, combined with the participation of many actors in the implementation of nation's branding policy, often led to the incorrect presentation of Korea, its history, sports, and culture causing unexpected and undesirable results.

Keywords: Republic of Korea, national branding, branding campaigns, globalization, national image

For citation: Anna I. Efimova. Policy of nation branding in the Republic of Korea. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 66-72. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750019805-7

ВВЕДЕНИЕ

Республика Корея на протяжении более двух десятилетий успешно применяет практики национально-го брендинга. Случай Кореи уникален в связи со стремительным ростом глобального интереса ко «всему

корейскому», принявшим глобальное измерение с ростом узнаваемости корейской культуры и продукции. Практическим результатом «корейской волны» стал почти беспрецедентный по темпам и глобальному охвату рост корейского культурного экспорта.

Республика Корея, которую относили к числу наиболее перспективных экономик Азии - «азиатским тиграм», вынуждена была решать проблему весьма негативного (некомплиментарного) отношения значительной части мировой аудитории к Корее и корейской продукции.

В начале 2000-х гг. наиболее частыми ассоциациями со словом «Корея» в мире были раскол на Корейском полуострове и северокорейская ядерная программа. Подробный негативный ассоциативный ряд препятствовал экономическому развитию страны, поскольку товары корейского производства могли реализовываться только с так называемой «корейской скидкой» [1]. Потребители отдавали предпочтение товарам из Японии, которые, напротив, ассоциировались с высоким качеством, высокоразвитой японской экономикой и привлекательностью японской культуры в целом¹. В общем неблагоприятный образ страны препятствовал и укреплению позиций Республики Корея в региональной и мировой политике. В этих условиях стала очевидной необходимость формирования благоприятного образа страны за рубежом, который бы соответствовал, прежде всего, достижениям корейской экономики и высокому уровню жизни корейцев.

Инструменты национального брендинга успешно применяются с конца XX в. самым широким кругом государств, в т.ч. такими признанными лидерами, как США, ФРГ, Великобритания, Япония. Национальный брендинг в первую очередь решает задачу создания благоприятного образа государства, наличие которого позволяет более успешно решать самые разнообразные задачи развития, включая сферы политики и экономики. С точки зрения как концептуализации понятия национального бренда, так и практической реализации такой политики, не существует единого подхода. Более того, по мере приращения опыта построения успешных национальных брендов, возникают новые методы и практики. Очевидно, что термин «бренд» связан, прежде всего, с маркетингом. Однако в современных подходах к национальному брендингу широко используется междисциплинарный подход, объединяющий понятийный аппарат и инструменты как маркетинга, так и целого ряда других дисциплин - международных отношений, социологии, политической науки.

РЕАЛИЗАЦИЯ БРЕНДИНГОВЫХ КАМПАНИЙ

Распространение в Корее идей брендинга нации было связано с необходимостью перезапуска экономики и задачами повышения конкурентоспособности после финансового кризиса 1997 г. Решения, предлагаемые экспертами по брендингу нации, должны были способствовать преодолению существовавших на тот момент препятствий для экономического развития страны. В начале 2000-х гг. эксперты отмечали, что имиджевые проблемы (негативные образы-ассоциации) могли стать серьезным препятствием для успешной конкуренции корейских товаров на глобальных рынках.

Идеи о повышении роли Кореи в мировой экономике и ранее связывались корейскими политическими элитами с улучшением имиджа страны. Пожалуй, можно утверждать, что проведение летних Олимпийских игр в Сеуле в 1988 г. стало первым масштабным опытом Республики Кореи по национальной самопрезентации. В 1990-е гг. вопросы имиджа страны стали восприниматься серьезно, в 1995 г. был создан Комитет по делам зарубежной общественности. На следующий год, в 1996 г., Республика Корея вошла в число стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Президент Ким Дэ Чжун (1998-2003) в своей инаугурационной речи в 1998 г. подчеркивал необходимость глобализации корейской культуры для успешной международной конкуренции. В 2002 г. по случаю чемпионата мира по футболу в Корее и Японии появляется первая масштабная брендинговая кампания под лозунгом «Динамичная Корея», предложенная администрацией преемника Ким Дэ Чжуна - президента Но Му Хёна (2003-2008). Удачно выбранный слоган ассоциировался как со спортивным духом соревнований, так и с образом Кореи как современной развитой страны, открытой миру [2].

Системный подход к институционализации политики по созданию национального бренда, равно как и общее употребление термина в политическом и общественном дискурсе, начинает реализовываться во второй половине 2000-х гг. Стимулом к пристальному вниманию к возможностям инструментов брендинга нации стало резкое ухудшение позиции Республики Корея в *Anholt-GfK Nation Brands Index (NBI* - Индексе национальных брендов) - с 25-го места в 2005 г. она переместилась на 33-е в 2008 г.

Актуальный интерес к исследованию корейской модели во многом обусловлен чрезвычайным ростом популярности корейской массовой культуры в последнее десятилетие. Примечательно, что последова-

¹ Подобные позитивные ассоциации присутствовала и в отношении продукции США, Германии и ряда других стран (например, «немецкое качество») (прим. авт.).

тельная реализация стратегии брендинга нации Республикой Корея была подкреплена политической волей нескольких, иногда жестко оппозиционных друг другу правительств, оставаясь неизменной константой политического курса страны.

Администрация президента Ли Мён Бака (2008-2013) предложила новую концепцию внешней политики и национальной безопасности под общим определением «Глобальной Кореи». В январе 2009 г. был учрежден Президентский совет по брендингу нации в составе членов правительства, представителей академической среды, международных экспертов и руководителей крупных корпораций². Активно выступая за роль публичной дипломатии и реализацию практик национального брендинга, политические и бизнес-элиты Кореи исходили из необходимости сократить пропасть между высоким статусом Кореи в мировой экономике и весьма негативным имиджем Кореи по результатам опросов общественного мнения, подтверждавшихся и специализированными рейтингами бренд-менеджеров, такими, как индекс *NBI*.

Опыт конструирования бренда «Корея» начался с успеха кампании «Динамичная Корея» (*Dynamic Korea*), ставшей лейтмотивом образа страны в связи с чемпионатом мира по футболу 2002 г.³ Президент Ли Мён Бак прокомментировал смыслы образа динамичной Кореи как сочетания быстрого развития экономики и «спокойной страны», при этом - динамичных людей, потомков освободителей родины [3]. На смену «Динамичной Корее» в 2016 г. придет бренд «Креативная Корея», наиболее точно синтезирующий приоритеты развития современного корейского общества.

В связи с успехами корейского культурного экспорта произошло уточнение приоритетов национального брендинга, был сделан акцент на улучшении инфраструктуры, продвижении корейского языка, ремесел, национальной кухни и популярной музыки *K-pop*⁴. В 2016 г. правительство предложило новый вариант национального бренда - «Креативная Корея». Олицетворяющий «все корейское» бренд, синтезирует понимание корейцами своих национальных ценностей, а также транслирует актуальный образ страны зарубежным аудиториям [4]. Министерство культуры, спорта и туризма пояснило, что под «креативностью» подразумевается выбор направления развития страны в соответствии с меняющимися требованиями времени.

Для транслирования образа «Креативной Кореи» правительство привлекло музыкальных исполнителей и актеров, широко известных глобальным аудиториям. Инновационным в подходе было то, что новый национальный бренд был выбран на основе результатов опросов общественного мнения, которые выявили, что образ страны, по мнению самих корейцев, наиболее точно определяют такие термины как творчество, страсть и гармония: «Динамика и страсть были главной силой возрождения Кореи из пепла, а сейчас творчество становится главным аспектом, который развивает страну и создает её привлекательный образ в мире» [5].

Однако с реализацией нового бренда возникли сложности - в 2017 г. Министерство культуры, спорта и туризма приняло решение отказаться от использования слогана национального бренда «Креативная Корея» [6]. Решение было связано как с недостаточной эффективностью кампании, так и с проблемой плагиата и часто употребляемого прилагательного «креативный» рядом других национальных брендов.

ТУРИСТИЧЕСКИЕ БРЕНДЫ

Параллельно с поиском формулировки национального бренда, который был бы понятен и принят, прежде всего, самим корейским обществом, при руководящей роли Министерства культуры, спорта и туризма РК велась работа по созданию привлекательного образа страны с точки зрения внешнего туризма.

По оценкам экспертов, первые попытки предложить туристический бренд Кореи имели ограниченный успех. Предлагавшийся в 2007-2009 гг. туристический бренд «Искрящаяся Корея» (*Korea Sparkling*) был призван показать разнообразие и высокое качество предложения корейской туристической индустрии, однако, был неправильно истолкован зарубежными аудиториями и ассоциировался с газированной водой (*sparkling* - англ. «шипучий», «искрящийся»). Учреждение в 2009 г. Президентского совета по национальному брендингу и новые амбициозные задачи по развитию туризма потребовали создания более понятного и точно отражающего образ страны слогана. На смену «Искрящейся Кореи» пришел новый слоган - «Вдохновись Кореей» (*Korea be Inspired*), использовавшийся для продвижения туризма до 2014 г.

² *Presidential Council on Nation Branding (PCNB)*. Прекращение работы Совета в 2013 г. не изменило политики государства по содействию продвижения Кореи как бренда, необходимость улучшения имиджа страны за рубежом получила поддержку как у элит, так и у населения страны, став частью привычных практик (*прим. авт.*).

³ *Dynamic Korea Promotional Video*. 2012. <https://www.youtube.com/watch?v=8SDIUExyXG0> (accessed 10.04.2022).

⁴ Популярность корейской культуры в мире началась с продукции киноиндустрии (телевизионных сериалов) и популярной музыки (*K-pop*), однако с середины 2010-х гг. привлекательными элементами корейской культуры становятся корейский язык и традиционная культура Кореи (*прим. авт.*).

В 2014 г. Национальной организацией туризма Кореи (*Korea Tourism Organization - KTO*) был предложен направленный на стимулирование въездного туризма бренд «Представь свою Корею» (*Imagine your Korea*), успешно транслируемый в течение более чем 6 лет. Рекламная кампания бренда направлена на мотивацию иностранцев к участию в корейских культурных мероприятиях и активизацию въездного туризма: «В результате изучения отличительных характеристик Кореи, включая её людей, культуру, историю, окружающую среду, продукты и услуги, а также её национальную политику, потребительские потребности и тенденции, а также конкурирующие с ней страны, были определены четыре основные её [Кореи] ценности: разнообразная, яркая, креативная и интригующая» [7].

Канал бренда «*Imagine your Korea*» на платформе *YouTube* имеет почти полмиллиона подписчиков, а специально создаваемые для него ролики - в частности, представляющие города Кореи, - набирают до 15-20 млн просмотров [8]. Бренд «Представь свою Корею» уделяет особое внимание элементам традиционной культуры в продвижении образа Кореи за рубежом. Официальная страница бренда в качестве компонентов культуры Кореи указывает корейскую письменность (*хангыль*), корейскую кухню (*хансик*), корейскую традиционную музыку, корейский дом (*ханок*) и традиционную одежду (*ханбок*) [9].

ИЗМЕРЕНИЕ УСПЕШНОСТИ КОРЕЙСКОГО БРЕНДА

Инструментом оценки успешности бренда «Корея» должно было стать улучшение позиций в международных экспертных рейтингах. Позиция Кореи в рейтинге Индекса национальных брендов снизилась в период с 2005 по 2008 г. на 8 пунктов (с 25-го на 33-е место). В 2009 г. администрация Ли Мён Бака поставила задачу подняться в рейтинге на 15-е место, оказавшись в числе стран-лидеров рейтинга национальных брендов к 2013 г. Достигнуть этой цели Кореи до сих пор не удалось, однако по итогам 2021 г. Корея занимает 23-е место в рейтинге, что отражает позитивную динамику последних лет (см. *диагр.*).

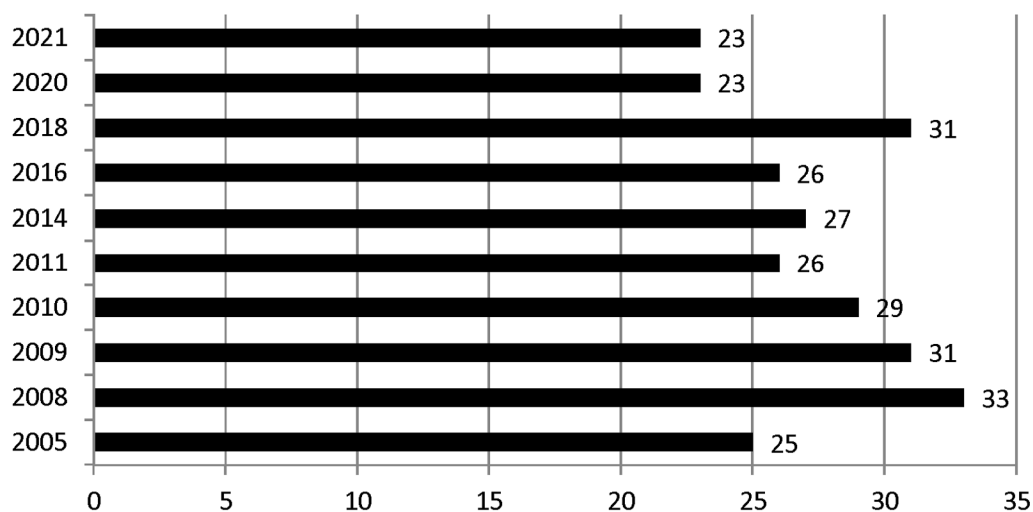


Диаграмма. Динамика изменения положения Республики Корея в Индексе национальных брендов, 2005-2021, позиция в рейтинге.

Diagram. Dynamics of changes in the position of Republic of Korea in the Anholt-GfK Roper Nation Brands Index (NBI), 2005-2021, position in the ranking.

Составлена на основе данных *Anholt-GfK Roper Nation Brands Index*.

Методология Индекса национальных брендов - качественное исследование предпочтений потребителей - основана на анализе восприятия глобальной аудиторией шести аспектов национальных брендов: люди, экспорт, туризм, культура, власть (государственное управление), инвестиции и иммиграция [10]. Республика Корея получает высокие оценки в сфере экспорта, туризма, культуры; менее позитивно оцениваются такие аспекты как иммиграция, власть и инвестиции.

Необходимо отметить, что успешный национальный бренд должен формироваться с учетом истории нации, её лучших достижений и характеристик, а не быть искусственно созданным конструктом [11]. В этом отношении акцент на развитии креативных индустрий и соответствующий ему современный национальный бренд «Креативная Корея», очевидно, точно и успешно отражают приоритеты в развитии страны - в 2021 г. Республика Корея возглавила рейтинг наиболее инновационных экономик по Индексу инноваций *Bloomberg*.

Кроме того, «Креативная Корея» явно отсылает к успеху корейских креативных индустрий, среди которых особое место занимает медиабизнес. На волне развития глобального успеха «корейской волны» в 2010-е гг. стратегии государства по созданию национального бренда дополнились продвижением корейских культурных продуктов в тесном партнерстве с частным медиа-бизнесом. Ключевой задачей для развития культурных индустрий была провозглашена конкурентоспособность.

ВОВЛЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В БРЕНДИНГОВЫЕ КАМПАНИИ

Один из первопроходцев национального брендинга, британский исследователь К.Динни указывает на то, что формирование национального бренда связано с политическими задачами - заложенные в образ страны характеристики должны быть понятны и привлекательны как для внешних аудиторий, так и в первую очередь для граждан [12]. Таким образом, успеху национального бренда предшествует работа по поиску лучших характеристик нации, формулированию национальных особенностей и достижений в версии, как разделяемой самими гражданами, так и привлекательной для представителей других культур. Особенность механизма мягкой силы заключается в формировании новых ценностей как у принимающей стороны, так и у системы, которая продуцирует мягкую силу [13].

В основе создания успешного национального бренда - не только выявление уникальных характеристик нации, расстановка акцентов на её достижениях и привлекательных сторонах, но и принятие населением страны предлагаемого образа. Помимо этого, должна решаться и практическая задача по ознакомлению граждан с национальным брендом, а также формирование поведения в соответствии с задачами кампании.

Направленные на внутреннего корейского потребителя рекламные кампании в поддержку задач национального брендинга проводились с 2009 г. при поддержке и руководящей роли Совета по национальному брендингу [14]. В практике Республики Корея по обеспечению общественной поддержки бренда наблюдался и определенный перекоп в сторону, прежде всего, обеспечения вовлеченности внутренней корейской аудитории. С этим, в частности, связана критика корейского подхода, когда национальный бренд не всегда был принят международной аудиторией, поскольку использовались образы и смыслы, востребованные самими корейцами, тогда как задачей национального брендинга является улучшение образа Кореи в мировом сообществе.

Объективные сложности связаны со значительной культурной дистанцией между корейской культурой и ценностями внешней аудитории (например, российской). Оставляя место ряду национальных особенностей, можно тем не менее говорить о существенной дистанции контактирующих культур, которая в данном случае может быть ближе к максимальной [15].

В связи с особенностями корейского законодательства в сфере рекламы, подобные кампании проводились под патронажем (или по заказу) государственных структур - таких как Президентский совет, Министерство культуры, спорта и туризма, Министерство по вопросам гендерного равенства и семей и др. Непосредственная же реализация кампаний осуществлялась крупным частным бизнесом.

Одним из ключевых направлений деятельности Президентского совета было обучение корейцев международному этикету; корейцам объясняли, что каждый из них представляет свою страну, обучая основным правилам поведения. Среди таких правил были, например, - использовать слово «пожалуйста» (англ. - *please*) при заказе еды в ресторанах за рубежом, не оставлять надписи на *хангыле* (корейская письменность) на памятниках культуры за границей, не толкаться и пр. [16]. Кроме того, рассказывая о преимуществах культурного разнообразия, многочисленные рекламные кампании как национального, так и локального уровня должны были способствовать формированию благожелательного и непредубежденного отношения к иностранцам в корейском обществе.

КРИТИКА В ОБЩЕСТВЕ

С практикой кампаний по национальному брендингу связано появление ставшего широко употребимым в Интернете и СМИ неологизма «*кукппонг*» (국뽕)⁵. «Широкое распространение термина, - отмечал Чжин Кун Ли⁶ - отражает общественную критику национализма, граничащего с манией величия» (см.: [17]). В целом подобная критическая реакция связана с настойчивостью и нередко гротескным характером рекламных кампаний по продвижению «всего корейского».

⁵ «Кукппонг» означает чрезвычайно эмоционально окрашенный патриотизм («*кук*» - нация, государство; и «*ппонг*» - сленговое обозначение метамфетамина) (прим. авт.).

⁶ Доцент сравнительной и корейской литературы, Университет Калифорния, Сан Диего (прим. авт.).

Стремление к международному признанию в комбинации с участием многих акторов в реализации политики по национальному брендингу, нередко приводило к тому, что образ Кореи, информация о корейской истории, спорте, культуре преподносились таким образом, что вызывали обратный ожидаемому эффект. Таких примеров множество - начиная с провальной кампании национального бренда «Искрящаяся Корея», который не был правильно понят за рубежом, до не адаптированной под международные аудитории настойчивой рекламы корейской кухни или же случай поспешного снятия с эфира рекламного ролика с участием титулованной корейской фигуристки Юна Ким (Ким Ёна) перед Олимпийскими зимними играми в Сочи в 2014 г., где она характеризовалась не как личность, а как собственно корейская нация *in persona*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конструирование национального бренда - комплексный и длительный процесс, в который вовлечены как внутренняя, так и внешние аудитории, государственные и частные акторы. Привлечение к консультированию экспертов и консалтинговые компании может играть лишь вспомогательную роль - политика брендинга нации реализуется государством в партнерстве с частными компаниями, при поддержке населения страны.

Республика Корея, поставив перед собой задачи преодоления проблемы негативного имиджа страны, сформировавшегося у зарубежных аудиторий, последовательно проводила комплексную политику по формированию благоприятного восприятия страны за рубежом. Этот процесс был непрерывным: хотя и в разные периоды институциональная структура менялась, общая руководящая роль государства оставалась неизменным координирующим фактором.

На начальном этапе реализации комплексной политики по национальному брендингу координирующую роль в формулировании и реализации проектов, способствовавших улучшению восприятия Кореи за рубежом, играл созданный при президенте Совет по национальному брендингу (2009-2014 гг.). В настоящее время функции по планированию и мониторингу реализации практик национального брендинга выполняют Министерство культуры, спорта и туризма, Министерство иностранных дел и торговли, Министерство образования, другие государственные структуры и агентства, курируя проекты в соответствии со своими сферами компетенций.

На начальном этапе тактической целью было улучшение позиции Кореи в международных рейтингах. Поставленной цели о вхождении к 2013 г. в топ-15 лидеров рейтинга национальных брендов Кореи достичь не удалось. Однако динамика положения Кореи в рейтинге все же положительная - 23-е место в 2021 г. Кроме того, запланированный показатель для Кореи на уровне не ниже среднего среди стран-членов ОЭСР был достигнут еще в 2012 г.

На протяжении двух десятилетий были реализованы несколько брендинговых кампаний по формулированию национального бренда Кореи, кроме того - созданы туристические бренды Кореи и отдельных регионов страны.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на институциональные изменения и смену акцентов, в целом курс на улучшение имиджа страны посредством комплекса инструментов остается неизменным. Важнейшим соавтором государства и исполнителем является крупный бизнес. Государственно-частное партнерство позволяет обеспечивать непрерывность процесса в силу заинтересованности каждой из сторон - повышение статусности бренда «Корея» приносит как политические, так и экономические дивиденды.

Кампании по национальному брендингу связаны с задачами развития страны, получением ею международного признания в различных сферах и в целом пользуются поддержкой в корейском обществе. В то же время отдельные аспекты и практика реализации этой политики способствовали формированию общественного дискурса, в том числе критического. С одной стороны, как экспертами, так и обществом критике подвергается сама практика реализации кампаний. С другой стороны, в определенной степени критика связана с противоречием, заложенным между положительным образом Кореи и реальным положением в стране, прежде всего - социальными проблемами, актуальными для молодого поколения корейцев.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ayhan K.J. Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project. *Korea Observer*. 2019. V. 50. № 1. Pp. 1-24.
2. Lee K.I.-Y. Dynamic Korea: Amplifying Sonic Registers in a Nation Branding Campaign. *The Journal of Korean Studies*. 2015. 20(1). Pp. 113-147.
3. Ли Мён Бак, президент Республики Корея. *ИТАР-ТАСС*. 27.09.2008. <https://tass.ru/arhiv/640415> (accessed 10.04.2022)
Lee Myung-bak, the President of the Republic of Korea. *ITAR-TASS*. 27.09.2022. (In Russ.) <https://tass.ru/arhiv/640415> (accessed 10.04.2022)

4. Lee Woo-young. 'Creative Korea' new nation brand slogan. *Korea Herald*. 04.07.2016.
5. Ministry of Culture, Sport and Tourism. <http://www.mcst.go.kr/english/index.jsp> (accessed 10.12.2021); Enjoy your Creative Korea - Official TVC for 2016 Korea Tourism. <https://www.youtube.com/watch?v=zn5BIL-nN7M> (accessed 10.12.2021)
6. 문체부, 국가브랜드 슬로건 '크리에이티브 코리아' 사용 중단 결정. (Ministry of Culture, Sports and Tourism decides to stop using the national brand slogan 'Creative Korea' 29.06.2017) (In Korean). https://www.mcst.go.kr/kor/s_notice/press/pressView.jsp?pSeq=16112 (accessed 10.04.2022)
7. Brand Identity. *Korea Tourism Organization*. <https://kto.visitkorea.or.kr/eng/overview/About/bi.kto#:~:text=The%20brand%20slogan%20Imagine%20your,Korea%20through%20Korea's%20creative%20culture> (accessed 07.12.2021)
8. Feel the Rhythm of Korea - Seoul 1. *Imagine Your Korea*. 03.09.2021. <https://www.youtube.com/watch?v=nmY3X5dE9HQ> (accessed 07.12.2021); Feel the Rhythm of Korea: Busan. *Imagine Your Korea*. 30.07.2020. <https://www.youtube.com/watch?v=xLD8oWRmlAE> (accessed 07.12.2021)
9. О Кореи. Коре́йская культура. *Национальная организация туризма Кореи* (About Korea. Korean Culture) (In Russ.). https://russian.visitkorea.or.kr/rus/sub_main/sub_5.jsp (accessed 05.04.2022)
About Korea. Korean Culture. *Korea Tourism Organization*. (In Russ.) https://russian.visitkorea.or.kr/rus/sub_main/sub_5.jsp (accessed 05.04.2022)
10. Тронин С.А. Международные формы повышения привлекательности имиджа государства. *Инновационное развитие экономики*. 2019. № 1(49). С. 158.
Tronin S.A. 2019. International Forms of Increasing Attractiveness of State's Image. *Innovative Development of Economics*. Issue. Vol. 49. (In Russ.)
11. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2013.
Dinnie K. 2013. Branding of territories. Worldwide Best Practices. Moscow. (In Russ.)
12. Dinnie K. Repositioning the Korea brand to a global audience: challenges, pitfalls, and current strategy. *Academic Paper Series*, 4th. 2009. Vol. 9.
13. Тарева Е.Г. Обучение межкультурному диалогу как инструмент «мягкой силы». *Вопросы методики преподавания в вузе: ежегодный сборник*. 2016. № 5(19-2). С. 13-19.
Tareva E.G. Educating intercultural dialogue as a tool of "soft power". *Questions of teaching methods at the university: an annual collection*. 2016. Issue 5 (19-2). Pp. 13-19. (In Russ.)
14. Гладких Н.Ю., Вайнер В.Л. Социальная реклама как инструмент решения социальных проблем. Опыт Республики Корея. М.: Издательство Олега Пахмутова. 2019.
Gladkikh N.Yu., Weiner V.L. Social advertising as a tool for solving social problems. Experience of the Republic of Korea. Moscow, 2019. (In Russ.)
15. Воронина Л.А. Роль фоновых знаний в речевом общении (носителей русского и корейского языков). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2009. № 4. С. 48-56.
Voronina L.A. The role of background knowledge in speech communication (native speakers of Russian and Korean). *Vestnik of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*. 2009. Issue 4. Pp. 48-56. (In Russ.)
16. Schmuck A. Nation branding in South Korea: A modern continuation of the developmental state? *Korea 2011*. Brill, 2011. p. 107.
17. Lee J. Visualizing and Invisibilizing the Subempire: Labor, Humanitarianism, and Popular Culture across South Korea and Southeast and South Asia. *Journal of Korean Studies*. 2018. Vol. 23. № 1. Pp. 95-109.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ефимова Анна Ивановна, кандидат политических наук, доцент, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Anna I. Efimova, PhD (Political Science), Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 18.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 29.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.09.2022

Саба Саба - Всемирный день языка суахили

© Громова Н.В.^а, 2022

^а Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2397-2948; gromova@iaas.msu.ru

Резюме. С 2022 года по единогласно принятому решению ЮНЕСКО 7 июля отмечается в мире как Всемирный день языка суахили.

В статье рассматривается краткая история языка суахили и его становление в качестве языка межэтнического общения в XIX в. В Германской Восточной Африке с конца XIX в. язык суахили использовался колониальной администрацией для общения с местными чиновниками. Английская колониальная администрация до середины XX в. также прибегала к языку суахили для проведения своей колониальной политики. В 1930 г. был создан Восточноафриканский межтерриториальный языковой комитет, целью которого была нормализация языка суахили и его терминологическое обогащение. В 1930-е гг. советские языковеды приступили к изучению языка суахили, в 1934 г. в ЛГУ было начато преподавание суахили.

Стремительное развитие языка суахили проявляется после получения независимости странами Восточной Африки. Большая заслуга в его развитии принадлежит Институту изучения суахили при Дар-эс-Саламском университете и Национальным советам по суахили в государствах Восточной Африки. Общественные организации по продвижению языка суахили в разных государствах Африки и за её пределами осуществляют свою деятельность в координации с академическими институтами. Мероприятия по случаю празднования Дня суахили прошли во многих странах мира, в т.ч. и в России.

Ключевые слова: язык суахили, колониальный период, постколониальный период, суахили в России, институты суахили, общественные организации, первое празднование Дня суахили

Для цитирования: Громова Н.В. Саба Саба - Всемирный день языка суахили. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 73-79.
DOI: 10.31857/S032150750022933-8

Saba Saba - World Swahili Day

© Nelli V. Gromova^а, 2022

^а Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
ORCID ID: 0000-0003-2397-2948; gromova@iaas.msu.ru

Abstract. Since 2022, according to the unanimous decision of UNESCO, July 7 is celebrated in the world as the International Swahili Language Day. The article deals with a brief history of the Swahili language and its formation as a language of interethnic communication in the 19th century. In German East Africa, from the end of the 19th century, the Swahili language was officially used by the colonial administration to communicate with local officials. Until the middle of the 20th century, the English colonial administration also resorted to the Swahili language to carry out its colonial policy.

In 1930, the East African Inter-Territorial Language Committee (Swahili) was created, the purpose of which was to normalize the Swahili language and enrich it terminologically. In the 1930s, Soviet linguists began to study the Swahili language, and in 1934 the teaching of Swahili began at the Leningrad State University.

The rapid development of the Swahili language is manifested after the independence of the East Africa countries. Much credit for its development belongs to the Institute for Swahili Studies at the University of Dar es Salaam and the National Swahili Councils in East Africa. Public organizations for the promotion of the Swahili language in various states of Africa and beyond carry out their activities in coordination with academic institutions. Events on the occasion of the celebration of Swahili Day were held in many countries of the world, including Russia.

Keywords: Swahili, colonial period, postcolonial period, Swahili in Russia, institutions of Swahili, public organizations, the first Swahili Day celebration

For citation: Nelli V. Gromova. Saba Saba - World Swahili Day. *Asia and Africa today*. 2022, № 11. Pp. 73-79. (In Russ.)
DOI: 10.31857/S032150750022933-8

ВВЕДЕНИЕ

Осенью 2021 г. произошли два знаменательных события в истории Восточной Африки. 7 октября Шведская академия огласила имя лауреата Нобелевской премии по литературе. Премия была присуждена тан-

занийскому писателю Абдулразаку Гурне «за его бескомпромиссное и сострадательное проникновение в последствия колониализма и судьбу беженцев в пропасти между культурами и континентами»¹. Тема беженцев проходит через все его произведения. Абдулразак Гурна (р. 1948 г.) начал писать в возрасте 21 года в эмиграции, и хотя суахили был его первым языком, его литературным инструментом стал английский, однако в своих романах он нередко цитирует фольклорную литературу на своем родном суахили. Его сюжеты полностью посвящены жизни народов Африки, даже если действие и не происходит на её земле, писатель старается во всех деталях и со всем проникновением, сочувствием описать, что происходит с африканцами².

Второе событие - еще более значимое, т.к. коснулось всего Африканского континента. В ходе 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже 23 ноября 2021 г. единогласно было принято решение об объявлении африканского языка суахили официальным языком. Вопрос о суахили как рабочем языке в структурах ООН обсуждался еще задолго до этого судьбоносного решения. Постоянный представитель Танзании при ООН Модест Мери в 2019 г. обратился с призывом сделать суахили 7-м официальным языком организации «для укрепления участия суахилиговорящих стран в организации»³. Суахили - это первый африканский язык, международный день которого учрежден ООН.



Какие были выдвинуты доводы в пользу языка суахили?

Во-первых, это большая численность говорящих на суахили: он один из 10 наиболее распространенных языков в мире. Сегодня на нём осуществляют коммуникацию более 200 млн человек как на первом (родном), так и на втором языке в Африке и на Ближнем Востоке.

Во-вторых, носители языка суахили проживают в таких странах, как Танзания, Кения, Уганда, Руанда, Бурунди, Демократическая Республика Конго (ДРК), Южный Судан, Сомали, Мозамбик, Малави, Замбия, Коморские острова, а также Оман и Йемен на Ближнем Востоке.

Начиная с 2022 года «Всемирный день языка суахили» будет отмечаться ежегодно 7 июля (*saba saba* - на суахили) на международном уровне. Выбор даты совпал с датой создания Джулиусом К.Ньерере (будущим первым президентом Танзании) партии «Африканский национальный союз Танганьики» 7 июля 1954 г. ТАНУ возглавила борьбу за суверенитет восточноафриканского государства Танганьика. Дж.Ньерере всемерно поддерживал суахили как язык, объединяющий все этносы страны в борьбе за независимость. Также и Джомо Кениата (будущий первый президент Кении) использовал суахили для объединения народностей Кении в борьбе против колониализма.

СУАХИЛИ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

До своего признания в качестве международного язык суахили прошел долгий путь - от языка небольшого этноса, населявшего восточноафриканскую прибрежную полосу и близлежащие к ней острова Ин-

¹ <https://www.mk.ru/social/2021/10/07/nobelevskuyu-premiyu-po-literaturepoluchil-pisatel-iz-tanzanii-abdulrazak-gurna.html>

² https://tass.ru/kultura/12605223?utm_source=yandex.ru&utm (accessed 10.09.2022)

³ <https://regnum.ru/news/polit/2757418.html> (accessed 12.09.2022)

дийского океана, торгового языка Восточной и Центральной Африки, языка межэтнического общения в этом огромном регионе - до государственного языка и языка межгосударственных организаций.

Приведем некоторые факты недавней истории, объясняющие такую стремительную эволюцию языка суахили.

Этническая и политическая нейтральность суахили обусловила его доминирование в качестве надэтнического средства общения в Восточной и Центральной Африке. Караванная торговля в первой четверти XIX в., которая велась с суахилийского побережья, способствовала проникновению языка суахили в глубь Африканского континента, где местное население, в основном бантуязычное⁴, с готовностью принимало суахили как язык с высоким социальным престижем, как «ничей», не ущемлявший самосознания местных племен.

С конца XIX в. колониальные власти на территории своих колоний делали акцент на использовании одного крупного языка, который был в состоянии осуществлять коммуникацию между европейскими властями и африканским населением. В Восточной Африке выбор колонизаторов пал на язык суахили. Суахили использовался колониальной администрацией Германской Восточной Африки как язык-посредник между властью и местным населением и как средство преподавания в миссионерских школах. Немецкие колониальные чиновники даже осуществляли переписку на суахили с местными низшими административными чинами [1]. К концу XIX в. относится зарождение суахилийской прессы - к числу первых печатных изданий Танганьики относится газета *Msimulizi* («Рассказчик»), издававшаяся Англиканской миссией на Занзибаре в 1888 г. [2].

Пришедшие на смену немецкой администрации английские колониальные власти также обращались к языку суахили как языку межэтнического общения, языку школьного образования и местного управления. Работавшие в Восточной Африке европейские исследователи языка суахили понимали его значимость для Африки, поддерживали развитие языка, способствовали расширению его общественных функций. Благодаря их стараниям еще до получения независимости странами Восточной Африки язык суахили играл значительную роль в их культурной и социально-экономической жизни.

В 1930 г. был создан Восточноафриканский межтерриториальный комитет языка суахили, основной задачей которого была нормализация суахили и его лексико-терминологическое обогащение, проведение исследований по всем аспектам грамматики, лексикографии и литературы. В результате такой целенаправленной деятельности значительно вырос престиж суахили, который был в состоянии обслуживать различные коммуникативные сферы вплоть до Законодательного совета Танганьики, где с 1955 г. был признан рабочим языком наряду с английским. К моменту получения независимости странами Восточной Африки язык суахили был достаточно развитым, обладал богатым лексическим запасом, чтобы выполнять функции государственного языка [3].

СУАХИЛИ В НЕЗАВИСИМОЙ АФРИКЕ

В постколониальный период роль языка суахили как важнейшего средства развития национальной культуры, просвещения и экономики была официально признана государствами Восточной Африки. В настоящее время суахили - государственный язык Танзании, Кении и Уганды наряду с английским. Значительно возросли его функции за пределами этого региона: суахили признан официальным языком Африканского Союза и Восточноафриканского сообщества (ВАС), куда входят, помимо Танзании, Кении и Уганды, Руанда, Бурунди, ДРК, Южный Судан с возможным присоединением к ВАС других пограничных стран. Суахили также является официальным языком Восточноафриканской законодательной ассамблеи и Сообщества развития стран Юга Африки (САДК).

Суахили развивается ускоренными темпами благодаря работе национальных Советов по языку суахили в Танзании, Уганде и Кении. Межправительственная «Восточноафриканская комиссия по суахили» поощряет и координирует развитие суахили. Так, в 2011 г. был издан крупнейший толковый словарь суахили «Словарь 21 века», за ним последовал в 2015 г. еще более крупный по объему «Главный словарь языка суахили», по существу - энциклопедия суахили [4]. Язык суахили изучается и преподается во всех университетских центрах Восточной Африки, а также в Гане, Нигерии, Египте, Ливии и др. За пределами Африки суахили изучается во многих странах мира. Так, только в США насчитывается около 100 институтов, где преподается язык суахили.

Особо следует отметить роль Института изучения языка суахили (*Taasisi ya Taaluma ya Kiswahili, TATAKI*) при Университете Дар-эс-Салама, унаследовавшего опыт Восточноафриканского межтерриториального комитета языка суахили. На этот Институт возложена ответственность за преподавание, проведение исследований и предоставление профессиональных консультационных услуг по развитию языка суахили. Он готовит специалистов, которые могут продвигать и развивать преподавание суахили как отдель-

⁴ Банту представляют собой большую семью генетически родственных и взаимно понятных языков в Центральной, Южной, Восточной и Юго-Восточной Африке (прим. авт.).

ной дисциплины и как иностранного языка, письменных и устных переводчиков, экспертов по языку и культуре, экспертов в области средств массовой информации и компьютерных технологий. Выпускники Института будут развивать суахили в эпоху современной науки и техники. TATAKI издает научную, учебную и художественную литературу и ряд научных журналов, таких как *Kiswahili*, *Mulika* («Свет»), *Kioo cha lugha* («Зеркало языка») и др.⁵

Помимо официальных учреждений, существует много общественных организаций, занимающихся продвижением языка суахили в Африке и за её пределами. Это такие общества, как ЧАКАМА (*Chama cha Kiswahili Afrika Mashariki*) - «Ассоциация языка суахили в Восточной Африке», объединяющая преподавателей и курирующая научную жизнь путем проведения конференций и симпозиумов; ЧАКИТА (*Chama cha Kiswahili cha Taifa*) - «Национальная ассоциация суахили», кенийская организация, играющая ключевую роль в оказании влияния на политику в области культуры и языков в Кении; ЧАКИУ (*Chama cha Kiswahili cha Uganda*) - «Ассоциация суахили в Уганде», ратующая за введение преподавания суахили в начальных и средних школах страны. Все эти организации нацелены на продвижение языка суахили во всей Африке и стимулируют студентов в университетах Восточной Африки к получению не только бакалаврской степени, но и к защите диссертаций на степень магистра и кандидата наук.

Миссия международной организации ЧАУКИДА (*Chama cha ukuzaji wa Kiswahili duniani*) - «Ассоциации по продвижению языка суахили в мире» - заключается в содействии развитию суахили в мире посредством пропаганды, а также публикации, преподавания, проведения конференций и координации связей с ключевыми заинтересованными сторонами. ЧАВАКИ (*Chama cha Wanahabari wa Kiswahili kote ulimwenguni*) - «Международная ассоциация журналистов», использующих суахили на радио, телевидении, в прессе и интернете во всем мире, призывает к более активному продвижению суахили в СМИ.

Радиотелевещание на суахили осуществляют ведущие государства мира (Би-би-си, Голос Америки, Радио Франс, Немецкая волна, Радио ООН, Радио Китая, Радио Ватикана и др.); компьютерная связь на суахили позволяет ему встраиваться в глобальную систему и иметь равный статус с другими мировыми языками.

СУАХИЛИ В РОССИИ

Россия не имела колоний в Африке, но интерес к этому континенту и африканским языкам всё же был. Знакомство с африканскими языками относится к концу XVIII в., когда Российская академия наук начала готовить к изданию «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный» (1790-1791). Среди бумаг академика П.С.Палласа, одного из составителей Словаря, есть немецкий перевод словаря языка суахили, составленного английским капитаном Сми (Smee) в 1811 г. Это первый в истории изучения суахили словарь этого языка, с которым могли познакомиться отечественные ученые [5].

Непосредственное соприкосновение с «живым» языком суахили относится к 30-м гг. прошлого века, когда отечественные африканисты приступили к изучению африканских языков и даже имели уникальную возможность прибегать к помощи носителей этих языков. Так, в Москве практические занятия по суахили вел Джомо Кениатта, который в те годы обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И.В.Сталина (КУТВ).

По инициативе профессора Г.К.Данилова в рамках этого университета была организована группа изучавших суахили. Уже к концу 1933 г. Г.К.Данилов подготовил тексты на языке суахили, которые вошли как приложение в «Малый русско-суахили словарь. 5000 слов, наиболее употребительных в русской речи и политической литературе» [6]. Словарь был подготовлен к печати, отредактирован в 1934 г., но не был издан так же, как и материалы «Совещания по африканским языкам», проведенного в 1934 г. африканистами Москвы и Ленинграда в Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при КУТВ. На Совещании был принят план подготовки учебных материалов для преподавания африканских языков в вузах. Обвиненный в «троцкистской пропаганде» Данилов был уволен, исключен из партии и расстрелян, пострадали и другие участники первой московской группы изучавших суахили. На долгие годы в Москве забыли об африканских языках [7].

Но в Ленинградском университете в 1934 г. все же открывается кафедра и набирается первая группа студентов-африканистов, изучавших язык суахили. Преподавал суахили Д.А.Ольдерогге, который изучал суахили в семинаре Д.Вестермана⁶ во время своей командировки в Европу в 1927-1928 гг.

⁵ <https://www.udsm.ac.tz/web/index.php/institutes/iks> (accessed 21.09.2022)

⁶ Дидрих Вестерман (1875-1956) - немецкий миссионер и лингвист, крупнейший африканист первой половины XX века (прим. ред.).

Прерванное Великой Отечественной войной преподавание и изучение суахили в ЛГУ возобновляется в 1944 г., когда был воссоздан восточный факультет и организована кафедра египтологии и африканистики. В МГУ к преподаванию суахили приступили в 1960 г. в Институте восточных языков (ИВЯ, ныне Институт стран Азии и Африки / ИСАА МГУ).

В 1960-е гг., когда стали освобождаться от колониальной зависимости многие африканские страны, на восторженной волне симпатии к свободной Африке и усилившегося интереса к истории и культуре этого континента, в Москве возникает ряд новых африканистических центров. Открывается канал вещания на африканских языках, в т.ч. на суахили, на Московском Радио, создаются африканские отделы в агентствах ТАСС и «Новости», африканские редакции в издательствах иностранной литературы, сектор африканских языков в Институте языкознания, отдел африканских литератур в Институте мировой литературы и др. Во всех этих организациях использовался суахили. Стало возможным издавать переводы русских и советских писателей на язык суахили, проводить переговоры на суахили, что способствовало повышению престижа нашей страны в Восточной Африке. В Танзании силами Бюро Агентства печати «Новости» (АПН) с 1968 г. издавалась еженедельная газета *Urusi Leo* («Советский Союз сегодня») (подробнее см.: [8]).

Для целей преподавания были подготовлены учебники и учебные пособия, разработаны программы основных курсов и спецкурсов по различным аспектам африканской филологии. В частности, в 1961 г. в секторе Африки Института этнографии АН СССР был подготовлен первый «Суахили-русский словарь», не большой по объему (16 000 слов), тиражом - в наши дни в это трудно поверить - 6000 (!) экземпляров. Второй - в 1987 г. тираж - 1650 экз. (его авторы Н.В.Громова, В.Г.Макаренко, Н.Г.Федорова, Е.Н.Мячина).

Однако перестройка и связанные с ней экономические трудности привели к закрытию целого ряда африканистических центров в стране. Так, было прекращено радиовещание на африканских языках (в частности, на суахили с 1995 г.), закрыты африканские отделы и редакции в агентствах печати и издательствах. Что касается преподавания суахили, были закрыты кафедры африканистики в МГИМО, в РУДН, Военном институте и других вузах. В результате такой политики в отношении Африки остались только две кафедры африканистики (в МГУ и СПбГУ), где преподается язык суахили.

К слову, в 1996 г. был впервые издан «Русско-суахили словарь» (авторы Н.В.Громова, А.И.Довженко, Б.Б.Карпович, Е.Н.Мячина) скромным тиражом - 500 экз. В 2012 г. вышел новый, третий «Суахили-русский словарь», ок. 30 000 словарных статей, но тираж мизерный - 150 экз. (подробнее см.: [9]). Наконец, в 2017 г. ИСАА МГУ и МГИМО-Университет подготовили к печати «Русско-суахили словарь» - 25 000 слов, тираж - 200 экз. Естественно, что все эти словари уже стали библиографической редкостью.

По счастью, перестройка не коснулась научной работы лингвистов-суахилистов, которые продолжают работать по всем направлениям современной африканистики. Издаются словари, учебники и учебные пособия, статьи и монографии по целому спектру актуальных вопросов африканского языкознания и литературоведения.

В Москве в 2009 г. по инициативе посольства Танзании был создан Московский клуб суахили - ЧАКИМО (*Chama cha Kiswahili Moscow, CHAKIMO*) - общественная организация, ставящая своей целью продвижение суахили и восточноафриканской культуры и объединяющая людей «по интересам»: студентов, изучающих суахили; студентов из Восточной Африки; выпускников вузов; людей, работавших в Африке и др.

СУАХИЛИ КАК ОБЩЕАФРИКАНСКИЙ ЯЗЫК

Престиж языка суахили в Африке таков, что неоднократно поднимался вопрос о нём как едином для всей Африки языке. Так, еще в 1966 г. президент независимой Ганы Кваме Нкрума предлагал в качестве объединяющего все африканские народы язык суахили. В 1982 г. в прессе Нигерии обсуждался вопрос о замене официального английского языка языком хауса, локализованного на севере страны, что вызывало возмущение у проживающих на юге страны народов. В этой ситуации известный нигерийский писатель, драматург, поэт Воле Шойинка (лауреат Нобелевской премии по литературе 1986 г.) предложил использовать суахили в качестве государственного языка Нигерии. С призывом превратить суахили в общеафриканский лингва франка выступал известный ганский писатель Айи Квей Арма (в 1985 г.) и многие другие деятели культуры Африки. Совет министров Организации Африканского Единства (ОАЕ) еще в 1986 г. принял резолюцию об использовании языка суахили в качестве языка общения на Африканском континенте. С 2004 г. язык суахили стал рабочим языком Африканского Союза - преемника ОАЕ (наряду с арабским, английским, испанским, португальским и французским).

В последние годы вновь поднимается вопрос о статусе и будущем суахили как общеафриканского языка. Страны Юга Африки, такие как ЮАР и Ботсвана, ввели его в школьные программы, Намибия и другие страны рассматривают возможность последовать этому примеру.

На праздновании Всемирного дня суахили влиятельный лидер южноафриканской оппозиции Джулиус Малема подчеркнул важность преподавания и изучения суахили как международного языка и призвал африканцев принять суахили как общий язык Африки. В Танзании правительство объявило о планах строительства Университета суахили и выделило 100 акров в районе Багамои⁷.

Создание Африканской континентальной зоны свободной торговли (*AfCFTA*) потребует от жителей континента говорить на одном языке, считают в Африканском Союзе. По словам И.Шоо из Центра международных отношений в Дар-эс-Саламе, «тот факт, что суахили входит в число трех широко распространенных языков на континенте, безусловно, поможет лучше понять возможности, возникающие в связи с *AfCFTA*, поскольку документы будут доступны на суахили»⁸.

Однако благие пожелания о принятии языка суахили как единого языка Африки практически невыполнимы на современном этапе [10]. По-прежнему в эпоху глобализации в языковой ситуации и языковой политике стран Африки продолжается некое балансирование между автохтонным и европейским языками.

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ СУАХИЛИ

7 июля 2022 года Всемирный день суахили широко отмечался мировой общественностью. Торжественные мероприятия прошли во всех официальных и общественных организациях, занимающихся языком суахили. Восточноафриканская комиссия по языку суахили (*КАКАМА*) организовала по всей Восточной Африке мероприятия по случаю этого дня, в которых приняли участие многочисленные представители государств-партнеров Восточноафриканского сообщества. Кенийцы прошли маршем по улицам столицы Найроби в процессии, возглавляемой секретарем Кабинета по туризму и дикой природе страны и главой Национального руководящего комитета Всемирного дня языка суахили Наджибом Балалой. Глава Дар-эс-Саламского округа Амос Макалла возглавил мероприятие по случаю Дня суахили, в котором приняла участие президент Танзании Самия Сулуху Хасан. Институт изучения суахили при Дар-эс-Саламском университете провел международную конференцию в честь Дня суахили.

Москва не осталась в стороне от празднования международного Дня суахили. Посольство Танзании в России выступило в качестве организатора этого мероприятия, состоявшегося в Москве 7 июля. В нём участвовали послы восточноафриканских стран, представители танзанийской диаспоры, общественного Клуба суахили в Москве (*СНАКИМО*), студенты-танзанийцы, обучающиеся в РФ и странах СНГ. Прозвучали приветственные послания от Национальных советов по развитию суахили в Танзании (*БАКИТА*) и на Занзибаре (*БАКИЗА*), от министерства иностранных дел и сотрудничества Восточной Африки. Посол Танзании Ф.Кибута выступил с призывом продвижения суахили в России и СНГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каким путем пойдет развитие языка суахили, какое будущее ожидает его?

Несмотря на очевидные трудности и проблемы в Африке, можно с большой долей вероятности спрогнозировать дальнейшее укрепление позиций суахили в регионе Великих озёр во всех коммуникативных сферах. Что касается России, то здесь нет однозначного ответа, нет государственной заинтересованности в развитии африканского направления. Российские африканисты делают многое для продвижения суахили в России как международного языка, но, к сожалению, он занимает незначительную нишу в политике нашей страны по отношению к Африке. Информационно-пропагандистское воздействие на страны Восточной и Центральной Африки практически отсутствует, при том, что все великие державы ведут телерадиовещание в полном объеме.

Принимая во внимание новые геополитические реалии, было бы целесообразно возобновить преподавание в ряде вузов и вещание на суахили на африканские страны, занимающие позитивную позицию по отношению к нашей стране, и тем самым укрепить в нашей стране позиции суахили, первого и пока единственного международного африканского языка.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Whiteley W.H. Swahili. The rise of a national language. L., 1969. P. 60.
2. Овчинников В.Е. История Танзании в новое и новейшее время. М., Наука, 1986. С. 18.
Ovchinnikov V.E. 1986. History of Tanzania in new and modern times. P. 18. Moscow. (In Russ.)
3. Громова Н.В. Новое в лексике современного языка суахили. Изд-во Московского университета. М., 1991.

⁷ <http://pic.twitter.com/vbWceGFmD8> (accessed 20.09.2022)

⁸ <https://allafrica.com/stories/202202100394.html> (accessed 25.09.2022)

- Gromova N.V. 1991. New in vocabulary of modern Swahili language. Moscow. (In Russ.)
4. Kamusi ya karne ya 21. Longhorn Publishers Ltd, 2011, 621 p.; Kamusi kuu ya Kiswahili. Longhorn Publishers Ltd, 2015. 1264 p.
 5. Ольдерогге Д.А. Изучение африканских языков в России. *Изучение Африки в России*. Наука, М., 1977. С. 16-29.
Olderogge D.A. 1977. Learning African languages in Russia. *Learning Africa in Russia*. Pp. 16-29. Moscow. (In Russ.)
 6. Громова Н.В. «Малый русско-суахили словарь» Г.К.Данилова. *Восток / Oriens*, 1994, № 2.
Gromova N.V. 1994. "Small Russian-Swahili dictionary" by G.K. Danilov. *Vostok / Oriens*. № 2. Moscow. (In Russ.)
 7. Африканское языкознание в России. 30-е годы. М., изд-во Московского университета, 1998.
1998. African linguistics in Russia. 1930s. Moscow. (In Russ.)
 8. Тетерин О.И. «Urusi Leo», советская газета на суахили. *Вспоминая Африку (важное... и не очень)*. М., 2019. С. 245-247.
Teterin O.I. 2019. "Uruai Leo", the Soviet newspaper in Swahili language. *Remembering Africa (important... and not so important)*. Pp. 245-247. Moscow. (In Russ.)
 9. Тетерин О.И. Словари суахили в СССР и России. *Азия и Африка сегодня*. 2014, № 12. С. 73.
Teterin O.I. 2014. Swahili dictionaries in the USSR and Russia. *Asia and Africa today*. № 12. P. 73. (In Russ.)
 10. Громова Н.В. Африканские языки в постколониальном дискурсе. *Россия - Африка: от устной истории к постколониальному нарративу*. Ярославль, Филигрань, 2022. С. 54.
Gromova N.V. 2022. African languages in post-colonial discourse. *Russia - Africa: From oral history to post-colonial narrative*. Yaroslavl. P. 54. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Громова Нелли Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Nelli V. Gromova, Dr.Sc. (Phylology), Professor, Head, Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.08.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 26.10.2022

Генеральная Ассамблея научных работников в Марракеше в геополитическом и африканском контексте

© Вдовин В.Ф.^{a,c}, Харитонов Е.В.^{b,d}, 2022

^a Институт прикладной физики РАН, Нижний Новгород, Россия

^b Институт Африки РАН, Москва, Россия;

^c ORCID ID: 0000-0002-2736-3544; vdovin_iap@mail.ru

^d ORCID ID: 0000-0003-3446-8886; evh1956@mail.ru

Резюме. В статье освещается работа 23-й Генеральной ассамблеи Всемирной федерации научных работников (ВФНР), состоявшейся в Марракеше (Марокко) в мае 2022 г. Рассмотрены актуальные сегодня факты из истории ВФНР; освещены цели и задачи Федерации в условиях новых глобальных вызовов и угроз. ВФНР сегодня ставит перед собой задачи содействия устойчивому развитию стран Африки, интересы которых игнорировались транснациональными компаниями в период пандемии COVID-19, что африканское крыло ВФНР и российские члены Федерации считают новым витком неокOLONIALИЗМА. Особое внимание уделено презентации разработанной ВФНР концепции «Международного Фонда, посвященного исследованиям в Африке», цель которого - всестороннее содействие и финансовая поддержка развития африканской науки и образования. Подчеркивается, что площадка ВФНР продолжает обеспечивать возможность применения научной дипломатии и мягкой силы как в системе глобальных, так и «африканских» научных коммуникаций, несмотря на сложную ситуацию в мире сегодня.

Ключевые слова: ВФНР, новые глобальные вызовы, Африка, наука, образование, неокOLONIALИЗМ, научная дипломатия, мягкая сила

Для цитирования: Вдовин В.Ф., Харитонов Е.В. Генеральная Ассамблея научных работников в Марракеше в геополитическом и африканском контексте. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 80-82. DOI: 10.31857/S032150750022934-9

WFSW' General Assembly in Marrakech in the geopolitical and African context

© Vyacheslav F. Vdovin^{a,c}, Elena V. Kharitonova^{b,d}, 2022

^a Institute of Applied Physics, Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

^b Institute for African Studies, Moscow, Russia

^c ORCID ID: 0000-0002-2736-3544; vdovin_iap@mail.ru

^d ORCID ID: 0000-0003-3446-8886; evh1956@mail.ru

Abstract. The article deals with the 23d General Assembly of the World Federation of Scientific Workers (WFSW) that took place in Marrakech in May 2022. The most relevant elements of the history of the WFSW are considered today. The goals and objectives of the Federation in the context of new global challenges and threats are defined. Today, WFSW sets itself the task of promoting the sustainable development of African countries that faced the facts of ignoring their interests by global multinational companies during the COVID-19 pandemic. WFSW members from the African continent and Russian representatives of the Federation assess this fact as a new round of neocolonialism. The authors pay special attention to the presentation of the concept of the "International Fund Dedicated to Research in Africa" developed by the WFSW, the purpose of which is to comprehensively promote and financially support the development of African science and education.

The article presents the most significant abstracts of reports made by members of the Federation and affiliated organizations during the scientific Symposium. The authors emphasize that the WFSW platform has been and remains an opportunity to use scientific diplomacy and soft power both in the system of global and "African" scientific communications, despite the very difficult situation in the world today.

Keywords: World Federation of Scientific Workers, new global challenges, Africa, science, neocolonialism, scientific diplomacy, soft power

For citation: Vdovin V.F., Kharitonova E.V. WFSW' General Assembly in Marrakech in the geopolitical and African context. *Asia and Africa today*. 2022. № 11. Pp. 80-82. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022934-9

ВВЕДЕНИЕ

Генеральная Ассамблея Всемирной федерации научных работников (ВФНР) проходит раз в четыре года. На Африканском континенте она проходила дважды: в 2018 г. в Дакаре (Сенегал)¹ и в 2022 г. в Марракеше.

¹ Вдовин В.Ф., Харитонов Е.В. 22-я Генеральная Ассамблея ВФНР в Сенегале. *Азия и Африка сегодня*. 2018, № 5. С. 65-68.

ше (Марокко). В Марракеше очно или дистанционно приняли участие представители более 30 организаций из 15 стран Азии, Африки, Европы, Латинской Америки. В числе африканских аффилированных организаций ВФНР - профсоюзы и объединения работников образования и науки из разных стран.

Учитывая состав ВФНР, в структуру которой вошел ряд аффилированных организаций из стран Африки южнее Сахары и Северной Африки, а также направленность деятельности, тесно связанной с актуальными проблемами африканских стран, можно считать, что «африканский тренд» в деятельности Федерации очевиден.

Сегодня ВФНР, основанная в 1946 г. по инициативе нобелевского лауреата Фредерика Жолио-Кюри, - самая крупная и представительная НПО работников науки, объединяющая ученых, инженеров и преподавателей вузов четырех континентов. В приветственном слове президент Федерации проф. Ж.-П. Лене подчеркнул: «Когда мы говорим о науке, мы имеем в виду все фундаментальные и прикладные знания, гуманитарные и социальные науки, а также естественные науки и математику»².

Рабочие группы ВФНР. Сейчас их четыре - исторически сложившаяся с момента её основания группа по разоружению; группа по оценке и контролю рисков глобального изменения климата и проблемам природных ресурсов; группа по защите прав ученых в разных странах и регионах и группа по взаимодействию и сотрудничеству с ЮНЕСКО, особенно в области гендерного равенства³. Африканские члены ВФНР активно участвуют в развитии этого направления, привлекая к сотрудничеству смежные организации в рамках проекта «Открытая наука», инициированного и реализуемого в тесном контакте с ЮНЕСКО и другими международными организациями.

Научный симпозиум. На симпозиуме обсуждались проблемы африканской науки, в т.ч. её недостаточный престиж в обществе и хроническое недофинансирование, что влияет на мотивацию молодежи при выборе карьеры. Недостаточная мотивация становится барьером на пути африканской молодежи в науку. Помимо «страсти» к научно-исследовательской работе, важны и внешние условия - престиж научных профессий и достойная оплата труда ученых. По словам члена ВФНР профессора из Сенегала Бонавентуры Мве-Ондю, «речь идет о необходимости дополнительного финансирования профессий в научном секторе, от которого молодые люди, как правило, убегают, потому что там плохо платят»⁴.

Вопрос престижа науки также важен. По данным портала *Quora*⁵, большинство родителей-африканцев, имеющих возможность дать образование своим детям, предпочитают для них профессию врача, юриста или инженера, основные причины - деньги и престиж. По словам одного из пользователей *Quora*, прожившего 15 лет в Африке: «Мы приходим из культуры, где память о крайней нищете сохранилась. И люди всегда пытаются исправить в жизни своих детей то, что пошло не так в их собственной... Они в первую очередь хотят, чтобы у их детей была не самореализация, а благосостояние. А деньги обычно приходят от стабильной работы»⁶. Наука, по их мнению, не отвечает двум названным критериям. В их глазах это не обеспечит их детям финансовой стабильности.

В своих выступлениях африканские делегаты ВФНР отметили, что недофинансирование науки ведет к «утечке мозгов» из Африки - это массовый процесс, влияющий даже на генофонд африканских народов.

Мы предложили обсудить на Симпозиуме проблемы гендерного равенства в африканской науке и вопрос опасности для стран Африки, связанной с международным научным сотрудничеством. Так, в докладе Е.Харитоновой отмечено, что обязательное условие национального суверенитета и субъектности стран континента в формирующемся новом мировом порядке - развитие национальной науки. В этом содержится противоречие, т.к. решение многих задач для Африки пока невозможно без финансовой и технологической поддержки другими странами, некоммерческими организациями и фондами.

В настоящее время 4 основных «центра» поддержки стран Африки в науке, образовании и технологиях - это Евросоюз, США, Китай и Россия. Наука и отдельные ученые (прежде всего, женщины) также финансируются рядом западных фондов по поддержке науки и образования. Активность западных фондов на фоне хронического недофинансирования науки правительствами африканских стран является угрозой их суверенитету, это часть общей проблемы перехода экономического неокOLONIALИЗМА на новый уровень, что может усилить зависимость Африки от стран и организаций - финансовых доноров.

² Jean-Paul Lene. Introductory presentation at the Marrakech General Assembly - May 09, 2022. Preamble. <https://nuage.fmts-wfsw.org/index.php/s/S5TyQdSK49L8Yfo?path=%2F>

³ За год до ассамблеи, весной 2021 г. была проведена совместная международная конференция ВФНР и Международной сети женщин-инженеров и ученых (*INWES*) по проблемам гендерного равенства в науке и оказанию содействия женщинам-ученым в странах Африканского континента. *INWES* была основана в 2002 г. при поддержке ЮНЕСКО канадскими инженерами Клэр Дешен, Моник Фриз и Гейл Мэттсон, нынешним президентом *INWES*.

⁴ Bonaventure M.-O. Discours d'ouverture de l'Assemblée générale de la Fédération mondiale des chercheurs à Dakar. Allocution prononcée en ouverture du Symposium "Science et développement durable pour l'Afrique et par l'Afrique" par le professeur. <https://fmts-wfsw.org/2017/12/sortir-de-la-fracture-scientifique/> (accessed 20.06.2022)

⁵ Quora - социальный сервис обмена знаниями, веб-сайт вопросов и ответов его пользователей из разных стран, основанный в июне 2009 г. Адамом д'Анджело и Чарли Чивером - одним из создателей *Facebook* (прим. авт.).

⁶ См.: <https://www.quora.com/Why-do-most-African-parents-encourage-their-children-to-become-either-a-doctor-lawyer-or-an-engineer> (accessed 22.01.2022)

Представители бывших метрополий (особенно Франции) эту тему постарались проигнорировать. Кроме того, не все французские члены ВФНР знают и учитывают «Повестку - 2063» при разработке проектов Африканского Союза. Африканцы высоко оценили компетентность российской делегации и напоминание о необходимости учитывать базовый документ АС при выработке позиции ВФНР по отношению к Африке.

Реализация идей мира, справедливости и ответственности, изначально составлявших суть концепции Федерации, зависит от политических решений и коммерческой выгоды. Эта мысль объединяла большинство выступлений. Представители африканских стран, столкнувшихся с несправедливым ограничением доступа к вакцинам против *COVID-19* и к научным разработкам в сфере здравоохранения в период пандемии, увидели причину в действиях транснациональных корпораций, усмотрев в них задачу искусственного сдерживания развития африканских стран и неокOLONIALНЫЕ тенденции.

«Международный Фонд, посвященный исследованиям в Африке». Африканская тема для Федерации выходит на первый план. Один из документов, принятых в Марракеше, - «Призыв к созданию Фонда, посвященного исследованиям в Африке». В документе говорится: «Если мы действительно хотим по-настоящему рассмотреть основные проблемы, с которыми сегодня сталкиваются африканские страны, то крайне важно конкретно поставить вопрос о финансовых и людских ресурсах, а также вопрос об эффективных институциональных и организационных механизмах, которые необходимо создать для развития систем образования и научных исследований, с тем чтобы они могли... удовлетворять потребности африканцев»⁷.

В принятой на Ассамблее «дорожной карте» отмечено, что «кампания по созданию Фонда... будет основываться на африканской оси и международной оси. Африканская ось будет способствовать развитию и организации филиалов Федерации Африканского континента и будет направлена на африканские правительства и региональные и субрегиональные межправительственные структуры. Международная ось будет ориентирована, в частности, на ЮНЕСКО и на международные профсоюзные структуры.

Организационные моменты и взгляд в будущее. Генеральная Ассамблея подводит итоги прошедших четырех лет, анализирует текущую ситуацию, определяет направления и приоритеты работы, избирает новое руководство - Исполнительный комитет, Международный секретариат и финансовый комитет. Руководство к действию на ближайшее время - «дорожная карта».

С российской стороны делегатами Ассамблеи были вице-президент ВФНР В.Вдовин, член финансового комитета ВФНР академик РАН Б.Кашин, член Исполнительного комитета ВФНР Е.Харитоновна и председатель международной комиссии профсоюза РАН В.Юркин. Российские представители, несмотря на некоторое противодействие в связи с международной ситуацией, были переизбраны на свои посты.

В своем докладе президент ВФНР Ж.-П.Лене напомнил: «Неизменным на протяжении почти вековой истории ВФНР является поддержание диалога и сотрудничества между учеными из разных стран с разными культурами, с разными политическими системами... Научные связи, обмены и сотрудничество должны поддерживаться на глобальном уровне»⁸. Этой логике последовало большинство делегатов Ассамблеи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Делегаты Ассамблеи в Марракеше смогли найти компромиссы и услышать друг друга. ВФНР снова продемонстрировала свою жизнеспособность. Для российских делегатов Федерация стала инструментом научной дипломатии и мягкой силы, площадкой для высказывания позиции и одной из немногих возможностей влияния на мнение представителей мирового научного сообщества на фоне почти полного исключения россиян из европейских международных научных обществ и коллабораций.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вдовин В.Ф., доктор физ.-мат. наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт прикладной физики РАН, Нижний Новгород, Россия.

Vyacheslav F. Vdovin, Dr.Sc. (Phys&Math), Associate Professor, Institute of Applied Physics of the Russian Academy of Sciences, Nizhniy Novgorod, Russia.

Харитоновна Е.В., кандидат психологических наук, доцент, ст.н.с., Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Elena V. Kharitonova, PhD (Social Psychology), Associate Professor, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 30.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.09.2022

⁷ См.: Вдовин В.Ф., Харитоновна Е.В. 23-я Генеральная ассамблея ВФНР в Марокко: содержание, итоги и перспективы. *Научное сообщество*. № 5 (249) 2022. С. 22-27.

⁸ Jean-Paul Lene. Introductory presentation...



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года



Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук



Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах



Интеграция науки
и образования



Бюджетные
места



Насыщенная
студенческая жизнь



Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ



Горячая линия: +7 (499) 238-04-12



facebook.com/gaugn



instagram.com/gaugn_/_



vk.com/gaugn



gaugn.ru



E-mail: info@gaugn.ru





БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика



МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение



АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН



ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.



ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.



МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.



УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.



СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).